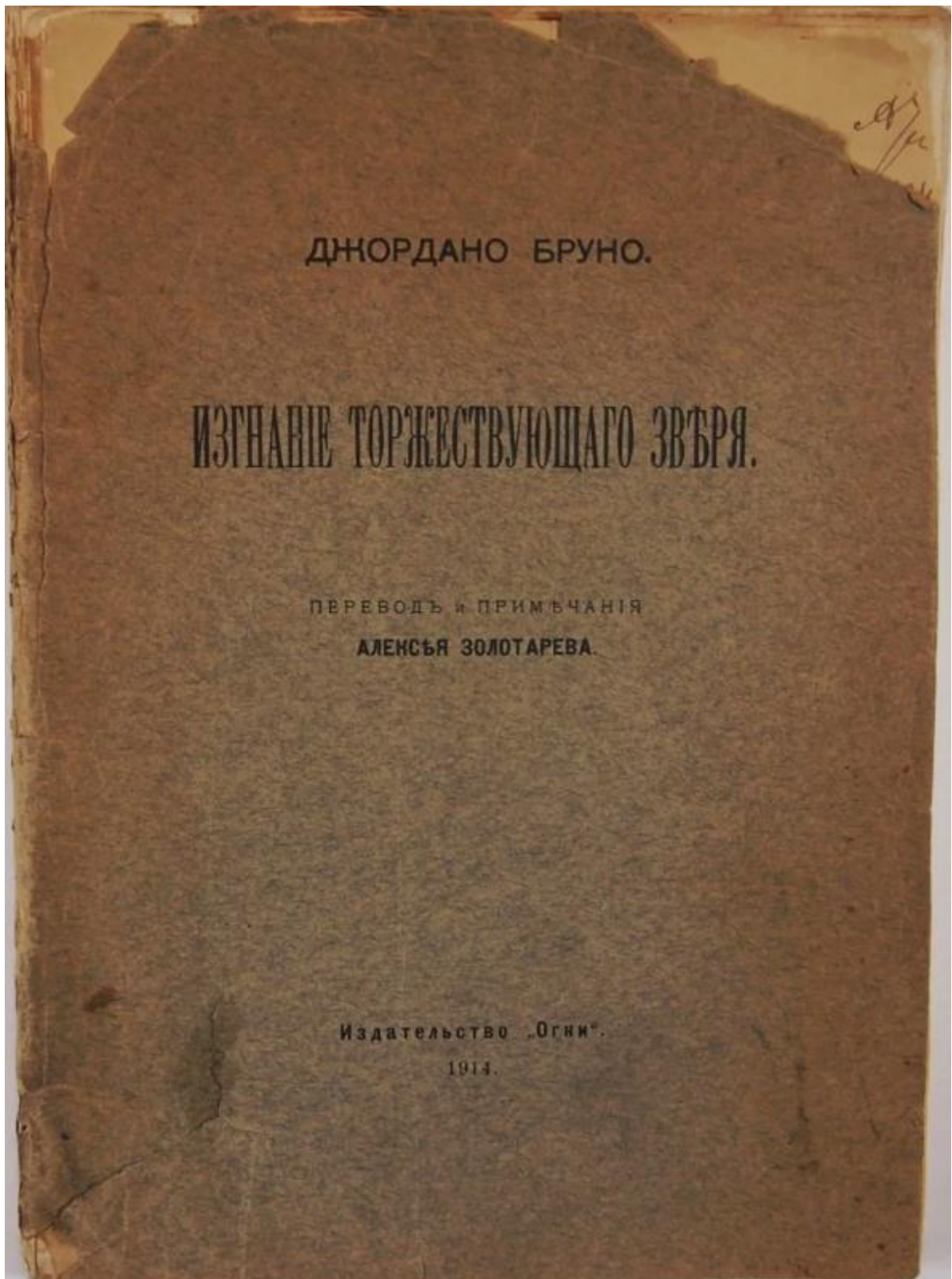

Джордано Бруно.

Изгнание Торжествующего Зверя

Salomon et Pythag
 Quid sit q̄ est? Quomodo q̄ fuit
 Quid est q̄ fuit? Quomodo q̄ est
 Nihil autē dīkē novum
 SALVS.
 †

Jordanus Brun
 Nolan, Witten
 18. Julius

Издательство «Огни»
 С.-Петербург, 1914

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ А. ЗОЛОТАРЕВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ПЕРВОГО ДИАЛОГА

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ПЕРВОГО ДИАЛОГА

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ПЕРВОГО ДИАЛОГА

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ВТОРОГО ДИАЛОГА

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ВТОРОГО ДИАЛОГА

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ВТОРОГО ДИАЛОГА

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

ПРИЛОЖЕНИЯ

Цикада. ...Измените смерть мою в жизнь, мои кипарисы – в лавры и ад мой – в небо: осените меня бессмертием, сотворите из меня поэта, оденьте меня блеском, когда я буду петь о смерти, кипарисах и аде.

Тэнсилл. Чудесно! Ведь для любимцев неба самые лютые несчастья обращаются в наивысшее благо: ибо нужда родит работу и труд, а они – всего чаще осиянную бессмертием славу.

Цикада. И смерть в одном столетии дарует жизнь во всех веках, грядущих!

«О героическом энтузиазме»

Такими радужными словами предсказал свою судьбу Джордано Бруно в своем знаменитом произведении, которое главным образом из нежелания раздражать ханжей и лицемеров он не назвал, как ему первоначально хотелось, Песнью Песней. Здесь гениальный Ноланец явил себя миру глубочайшим философом пантеизма, восторженным поэтом Все звёздной Любви и неутомимым борцом за свободу, красоту и бессмертие человечества.

Оба произведения – «Изгнание Торжествующего Зверя» и «О героическом энтузиазме» – написаны Бруно на итальянском языке в самую счастливую пору его скитальческой и страннической жизни, с 1583 по 1585 г., когда он жил в Англии, которая и в то время была надежным приютом для изгнанников. Но и там, в туманном, холодном Лондоне, нередко пред глазами человека, который с гордостью говорил о себе: «Все ледники Кавказа не в силах охладить огонь моего сердца», – вещим и жутким видением возникала картина пышной огненной процессии, что ждала его в Риме.

Предчувствие очень редко обманывает гениальных людей: на рубеже XVI и XVII столетий, в 1600 году, в юбилейный год папы Климента VIII, когда в Риме собрались десятки тысяч верующих католиков со всего мира, 17 февраля, на площади Цветов, после семилетнего заключения в тюрьме Джордано Бруно был сожжен по приговору Святейшей Инквизиции.

Единственное свидетельство о смерти Джордано сохранилось в письме кардинала Гаспара Шоппа – религиозного перевертня, который добился в Риме больших почестей благодаря своему обращению из лютеранства в лоно католической церкви. Описав героическую кончину Джордано, Шопп приводит слова, которыми еще и в наши дни изуверы преследуют славную и незапятнанную память великого мученика за вселенскую правду.

«Так он был сожжен, погибнув жалкою смертью; думаю: отправится теперь в другие миры, что сам понавыдумывал себе, возвестить там, как обычно расправляются римляне с нечестивцами и богохульными людьми».

В августе 1603 года все произведения великого Ноланца зачисляются в Индекс запрещенных книг; имя его начинают вычеркивать всюду, где только оно сохранилось; люди, сочувствующие ему, живущие его мыслью, остерегаются упоминать о нем, чтобы не возбудить против себя подозрений и преследований всевластной Инквизиции.

Нужно было три столетия, чтобы вещие слова Джордано Бруно оправдались на нем самом, и чтобы бессмертная слава осенила, наконец и навсегда, его имя.

И это вовсе не случайно, что именно сейчас, в эпоху громадных политических и социальных переворотов, в эпоху великих научных открытий, раскрепощающих человека от оков стихийного рабства, в радостную эпоху, когда вновь раскрываются перед земным человечеством дух захватывающие небесные горизонты, Джордано Бруно стал ближе, понятнее, роднее и дороже нам.

Ведь если бы нужно было возможно лаконичнее определить, в чем таятся чудесная сила и обаяние его личности, где лежит суть его философии, каков конечный результат его неутомимого искания правды, то, по-моему, надо было бы сказать твердо и прямо:

Джордано Бруно открыл путь к звездам, бестрепетно воззвав людей из-под власти Зверя на межзвездную дорогу.

Это был воистину «гражданин вселенной, сын Отца-Солнца и Земли-Матери», человек титанического дерзания и воли, неугасимого Прометеева огня, необъятного все звёздного кругозора... Он любил повторять, что если для нас, земных обитателей, жители других планет находятся в небе, то для них наша Земля – тоже в небе, а мы – небожители. Он утверждал, что решения всех мировых загадок надо искать не где-то в заоблачных сферах, на седьмом и восьмом небе, а возле нас и в нас самих, ибо мир един, нет ничего презренного в мире, все божественно.

Natura est Deus in rebus – Природа есть Бог в вещах.

Столкновение этого обожествлявшего весь мир небожителя с отринувшим землю средневековым христианским миром было неизбежно: мученическая смерть Бруно в Риме стала мировым событием.

В том же самом монастыре «*Santa Maria della Minerva*», против здания античного Пантеона, где впоследствии – в 1633 году – Галилео Галилей после своего торжественного отречения чуть слышно прошептал чудесное, гулко по всему свету повторенное легендой слово: «*E pur si muove!*» – «И все же движется!» – Джордано Бруно, выслушав себе смертный приговор от Римского Первосвященника, в свою очередь произнес смертный приговор Папству:

«*Majori forsitan cum timore in me dicitis sententiam quam ego accipiam*» – «Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я выслушиваю его».

Не прошло и трех столетий, как всемогущая власть Папства была уничтожена навеки, а спустя два десятилетия после отнятия у Римского Понтифика светской власти в Вечном городе был торжественно открыт памятник Джордано Бруно как раз на том самом месте, посреди площади Цветов, где когда-то был зажжен костер.

На торжество открытия памятника 9 июня 1889 года собрались в Рим со всего мира представители столетия, какое провидел Бруно, столетия, которое поняло и оценило его.

«Кто бы ни направился в Рим на чествование, – гласило приглашение Международного комитета по устройству памятника, – всякий будет чувствовать, что различие нации и языков он оставил за собою и вступил в отечество, где нет этих перегородок. Присутствующие на открытии памятника, воздвигаемого с согласия и на денежные средства всех народов, будут там свидетельствовать, что Бруно поднял голос за свободу мысли для всех народов и своею смертью во Всемирном городе осветил эту свободу».

В итальянском произведении «Изгнание Торжествующего Зверя» наиболее богато, ярко и живо отразился духовный облик Джордано Бруно. Вместе с тем здесь всего свободнее и полнее сказалась горячая проповедническая натура Ноланца, а в драматическом изложении Диалогов естественнее всего вылилась проповедь новой религии человечества, религия разума и борьбы за свободу мысли и совести, проповедь, поставившая Бруно на исторической грани как творца и вдохновителя новой философии и культуры. В этом отношении «Изгнание Торжествующего Зверя» является типичным и характерным произведением для всего шестнадцатого столетия, когда писали и работали над созданием нового европейского общества такие гениальные люди, как Коперник и Лютер, Сервантес и Шекспир, Бруно и Бэкон.

Не знаю, какой прием встретит у нас в России всегда искреннее и восторженное, порою буйно-огненное слово Бруно.

Я хотел своей работой почтить, сколько было в моих силах, память гениального мыслителя, поэта и борца, сделав певца Все звёздной Любви и Героического Восторга доступным русскому народу хотя бы в одном только произведении.

Служить бессмертному слову – великое счастье!

А. Золотарев

Рим, 17 декабря 1911 года

Астрологическая карта
северного полушария неба с 12 знаками зодиака
Гравюра А. Дюрера

ДЖОРДАНО БРУНО

ИЗГНАНИЕ ТОРЖЕСТВУЮЩЕГО ЗВЕРЯ

*Предложенное Юпитером, выполненное Советом,
возвещенное Меркурием, рассказанное Софией, выслушанное Саулином,
записанное Ноланцем*

В ТРЕХ ДИАЛОГАХ, ПОДРАЗДЕЛЕННЫХ НА ТРИ ЧАСТИ

Посвящено учнейшему и светлейшему кавалеру синьору Филиппу Сиднею

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО,

написанное просвещеннейшему и светлейшему кавалеру

СИНЬОРУ ФИЛИППУ СИДНЕЮ¹ НОЛАНЦЕМ

1. Лорд Сидней – одна из самых интересных фигур XVI столетия. Он совмещал в себе полководца, государственного человека и поэта. В молодых годах он прибыл во Францию ко двору Людовика IX и занимал здесь почетное положение. Варфоломеевская ночь могла бы погубить его; ему удалось спастись, он заблаговременно бежал из Франции, путешествовал по Германии, затем жил долгое время в Падуе, где занимался науками. Возвратившись в Англию, у себя на родине Сидней стал ревностным защитником свободы и просвещения. В качестве общепризнанного мецената он покровительствовал итальянскому изгнаннику – Бруно. Любовь к свободе подарила Сиднею героическую смерть. В 1585 г. он отправился на помощь Нидерландам, восставшим против Испании. Сохранился рассказ о том, как Сидней, смертельно раненный и страдая от жажды, отказался от принесенной ему воды в пользу лежавшего рядом с ним солдата: «Ему гораздо нужнее ваша помощь, чем мне». Он боролся со смертью две недели, успел сочинить торжественную оду и умер 16 октября 1586 г. стойко и мужественно «en philosophe chretien», как философ-христианин.

Слеп, кто не видит солнца, глуп, кто его не познает, неблагодарен, кто не благодарит: не оно ли и свет, что светит, и благо, что возвышает, и благодеяние, что радует, – учитель чувств, отец сущего, творец жизни.

Так что не знаю, светлейший синьор, куда бы я сам годился, если бы не уважал Ваш ум, не чтил Ваши обычаи, не прославлял Ваши заслуги.

Таким показались Вы мне с самого начала, как только я прибыл сюда, на Британский остров, пожить тут, сколько позволит время; таким же Вы обнаруживаете себя множеству людей при всяком удобном случае и возбуждаете удивление всех, постоянно проявляя свою природную благосклонность, поистине героическую.

Но думать за всех нужно всем, благодарить за многих – многим.

Решая так, судьба не позволяет, чтобы я, сам не однажды выказав себя чувствительным к несносному и неуместному неприличию других, навеки запечатлел свою неблагодарность и покинул Вашу прекрасную, счастливую и гостеприимную родину, не поблагодарив, по крайней мере, за все, что сделано мне лично, Вас, а также великодушную и благороднейшую личность синьора Фолька Гривелла².

Он соединен с Вами узами тесной и долгой дружбы, множеством своих внутренних и внешних совершенств, вместе с ним Вы росли, питались и воспитывались. Он походит на Вас, да и по отношению ко мне он был тем вторым, кто после Вас пригласил меня и предложил мне занять вслед за Вашими, первыми, вторые должности у себя. И я бы их принял, а он, конечно, поручил мне, если бы завистливая Эриния не рассеяла меж нами свою отраву подлой, злокозненной и бесчестной корысти.

Так что, приберегая для него некую иную материю, я посвящаю Вам эти диалоги, которые, конечно, будут хороши или дурны, ценны или негодны, возвышенны или подлы, учены или невежественны, высоки или низки, полезны или вредны, плодотворны или бесплодны, густы или разбавлены, религиозны или не посвящены, как и из тех, в чьи руки они попадутся, одни будут одарены свойством одним, другие – совсем противоположным.

И так как глупых и несправедливых несравненно больше, чем умных и справедливых, то если бы я добивался славы и иных плодов, приносимых хором голосов, мне не только нечего было бы надеяться на радостный успех своих занятий и трудов, а скорее нужно было бы ждать поводов для недовольства и предпочесть молчание слову. Если же, напротив, цель моя – быть на виду у вечной истины, для коей все то, что не только очень немногие разумеют, ищут, достигают, но что, мало того, преследуется, презирается, проклинается, тем более становится ценным и высоким: то я всякий раз с тем большею силою стремлюсь побороть бурный поток, чем очевиднее для меня, что извилистое, глубокое и наклонное русло придает ему большую силу.

Итак, пусть толпа смеется, шутит, издевается, восхищается комедиантами и скоморохами, под маскарадного внешностью которых в надежной сохранности скрыто сокровище доброты и истины: все равно, как обратно, разве мало есть таких, что под сурово насупленными бровями, кротким видом, длинною бородою и тогою, наставнически важною, стараются ко всеобщему вреду скрыть свое столько же позорное, сколько горделивое невежество и столь же опасные, сколь прославленные злодеяния.

Тут многие из тех, что не могут приобрести себе славы ученых и добродетельных собственной добродетелью и знанием, очень легко могут выдвинуться, доказав, как мы невежественны и порочны.

2. Лорд Фольк Гривелл – друг Сиднея. Пережив Сиднея почти на 40 лет, он велел на своем памятнике написать: «Здесь лежит друг Филиппа Сиднея». Что касается размолвки между Гривеллом и Бруно, то, по всей вероятности, Бруно навлек на себя гнев и недовольство Гривелла своими насмешками и обличениями английской жизни в своем произведении «Cena delle ceneri» (Великопостная Вечера).

Но, знает Бог, ведает непогрешимая истина, что насколько глупы, развратны и преступны подобного рода люди, настолько я в своих мыслях, словах и действиях не знаю, не имею и не стремлюсь ни к чему иному, кроме искренности, простоты и правды. Именно так и будут судить обо мне там, где не поверят, чтобы героические дела и заслуги были бесплодны и бесцельны; где не станут считать высшую мудрость нескромною верою; где отличают человеческий обман от божественных внушений; где извращение естественных законов не считается делом веры и сверхчеловеческого благочестия; где научное исследование не есть безумие, где не в жадном захвате – честь, не в обжорстве – роскошь, не в толпе рабов, каковы бы они ни были, – хорошее имя, не в лучших одеждах – достоинство, не в богатстве – величие, не в диковинном – истина, не в злобе – благоразумие, не в предательстве – любезность, не в обмане – осторожность, не в притворстве – умение жить, не в неистовстве – сила, не в силе – закон, не в тирании – справедливость, не в насилии – суд и так далее во всем прочем.

Джордано говорит здесь, чтобы все знали, высказывается свободно, дает свое собственное имя, чему природа дает свое собственное бытие; не стыдится говорить о том, что сотворила достойным сама природа; не скрывает того, что она выставляет открыто; зовет хлеб – хлебом, вино – вином, голову – головою, ногу – ногою и прочие части каждую своим именем; называет еду – едою, спанье – спаньем, питье – питьем и так все прочие естественные отправления обозначает присущим им именем. Считает чудеса за чудеса, храбрость и диковинные дела за храбрость и диковинные дела, истину за истину, науку за науку, доброту и доблесть за доброту и доблесть, обман за обман, лицемерие за лицемерие, меч и огонь за меч и огонь, слова и сны за слова и сны, мир за мир, любовь за любовь. Оценивает философов, как философов, ученых, как ученых, монахов, как монахов, священников, как священников, проповедников, как проповедников, пиявок, как пиявок, бездельников, гаеров, шарлатанов, фокусников, барышников, скоморохов и попугаев за то, что они о себе говорят, как себя показывают и что – суть. Точно так же относится и к работникам, благодетелям, мудрецам и героям.

Смелее! Смелее! Ибо видим, как за свою великую любовь к миру он – гражданин и слуга мира, сын Отца-Солнца и Земли-Матери – должен выносить от мира ненависть, проклятия, преследования и изгнание. Но, в ожидании своей смерти, своего перевоплощения, своего изменения, да не будет праздным и нерадивым в мире!

Пусть же представит он теперь Сиднею разложенные в стройном порядке семена своей нравственной философии не для того, чтобы тот удивлялся, познавал, понимал ее, как что-то новое; но для того, чтобы рассматривал, обсуждал и оценивал, принимая все, что следует принять, извиняя все, что следует извинить, беря под свою защиту все, что следует защитить от морщин и бровей лицемеров, от зубов и носа молокососов, от пилы и напилка педантов; предупреждая первых (лицемеров), что автор, конечно, исповедует ту религию, которая зачалась, растет и крепнет воскрешением мертвых, исцелением недужных, отдачею своего, и что не вызовет он сочувствие там, где похищают чужое, заражают здоровых и убивают живых; советуя вторым (молокососам) обратиться к деятельному разуму и духовному солнцу с просьбой послать свой свет тем, у кого нет; разясняя третьим (педантам), что нам не годится быть, как они, рабами известных и определенных мнений и слов, но что Божьею милостью нам дано и в нашей воле заставить слова служить нам, выбирая и приспособляя их для нашей пользы и выгоды.

Пусть же не докучают нам лицемеры своей развращенной совестью, молокососы – слепотою, педанты – дурно направленным рвением, если не хотят первые – быть обвиненными в глупости, зависти и злобе; вторые – получить упрек в невежестве, высокомерии и безрассудстве; третьи – быть ославленными за пошлость, легкомыслие и тщеславие: ибо одни не воздержались от суровой цензуры над нашими суждениями; другие – от дерзкой клеветы на наши мнения; третьи – от бестолкового перетряхивания наших слов.

Итак, чтобы выяснить окончательно всякому, кто только хочет и может, к чему я стремлюсь в этих моих беседах, во всеуслышание заявляю и удостоверяю, что я лично одобряю все, что обычно считают достойным одобрения все благоразумные и добродетельные люди, и вместе с ними отвергаю все противоположное. Поэтому прошу и заклинаю всех: да не выщется кто-нибудь с такой уродливой душою или с таким злобствующим духом, коему вздумалось бы убеждать и себя, и других, что все написанное в этой книге сказано мною у т в е р д и т е л ь н о , и да не верят – если только хотят верить правде, – что я, или по существу, или мимоходом, хочу где-нибудь нанести удар истине и бороться с честным, полезным и естественным, а, стало быть, Божественным, но да станут твердо на том, что со всей своей силой я добиваюсь обратного, наконец, если, как нередко бывает, кто и не вместит написанного, то пусть лучше не судит, а пребывает в сомнении до тех пор, пока, проникнув в самую сердцевину смысла, не вынесет окончательного решения.

Кроме того, не надо упускать из виду, что это – диалоги, где собеседники то говорят сами от себя, то передают чужие речи, причем каждая речь наполнена своим собственным смыслом и произносится с присущим и свойственным каждому лицу задором и страстностью.

Ради всего этого пусть всякий смотрит на эти диалоги не иначе, как на материю и предмет для будущего произведения, ибо, намереваясь трактовать нравственную философию согласно внутреннему свету, лучи которого бросило и бросает в меня божественное солнце разума, я считаю целесообразным прежде всего предпослать нечто вроде прелюдии, как то делают музыканты; набросать кое-какие неясные и темные контуры и тени, как то делают художники; набрать основу и протянуть некие нити, как ткачи, и заложить глубоко и невидимо внизу основание, как великие зодчие.

По-моему, удобнее всего это сделать, перечислив и расположив в известном порядке все первичные формы нравственности, то есть главные добродетели и пороки. Перед вами будет выведен Юпитер, раскаявшийся в том, что, сообразно виду 48 созвездий, заполнил небо множеством зверей и вместе – пороков; теперь он решает изгнать зверей с неба, с места славы и вознесения, указав им на земле точно определенные области, а на их место водворить добродетели, коих столь долго преследовали и столь недостойно гнали отовсюду. Итак, если вы увидите, что, когда это решение станет приводиться в исполнение, начнут порицать то, что, по вашему мнению, не заслуживает порицания, позорить достойное уважения, превозносить предосудительное и обратно, имейте в виду, что все это говорится – даже и теми, кто по своему сану властен говорить так, – не окончательно, вроде мессы в затруднительных обстоятельствах, отдыха в поле, охоты в театре; что все это получит со временем свой смысл, значение и надлежащую оценку, когда музыка будет исполнена полностью, картина нарисована, ткань выткана, здание увенчано сводом.

В этих же диалогах, пока что, София представляет Софию, Саулин играет Саулина, Юпитер – Юпитера, Мом, Юнона, Венера и прочие греки и египтяне, игривые или важные, сколько и каковы бы они ни были, каждый выступает сообразно своей натуре и условиям. Увидите ли вы серьезные или смешные разговоры – помните, что все их одинаково надо рассматривать через особые очки.

В заключение, принимайте как окончательно данные только порядок и число предметов нравственного рассуждения вместе с основами той философии, которая, как вы увидите, полностью олицетворена в них. А что до остального, то пусть каждый возьмет отсюда себе столько плодов, сколько может вместить его сосуд, ибо нет худа, которое не обратилось бы на потребу и пользу добрым, и нет добра, нет достоинства, каковое злым не послужило бы поводом и предметом для соблазна и злодейства.

Следовательно, относясь в этой книге с сомнением, подозрительностью и осторожностью ко всему, где нельзя собрать ценных плодов учения, считайте окончательным нашу мысль, порядок, распределение, расположение, указание метода, древо, театр и поле добродетелей и пороков. Впоследствии нам придется разобраться, проверить, улучшить, исправить, расширить, сократить, подкрепить новыми соображениями. Тогда мы, обняв все своим светом и собственной мыслью, начнем объяснять целое в новых и новых отдельных диалогах, где всеобщая архитектура предлагаемой философии будет вполне закончена и где мы станем рассуждать уже утвердительным способом.

Мы взяли, значит, Юпитера не как вполне законного и благого викария или заместителя первого начала и всеобщей причины, но как нечто изменчивое, подчиненное року перемен. Во всеедином бесконечном бытии и сущности находится бесконечное и бесчисленное множество особей, одной из коих является, по собственному сознанию Юпитера, сам он; особи эти, будучи едины по своей природе, бытию и сущности, с другой стороны, подвластные действию числа, подвергаются бесчисленным превращениям и разнообразным движениям, и переменам. Стало быть, каждая из них, и в частности сам Юпитер, сознает себя тою или иною индивидуальностью, в том или ином составе, с теми или иными свойствами и обстановкой, определенной единицей в ряду других – все это в силу различий противоположностей, каковые все сводятся к единой, основной и первичной – Первому Началу всех прочих, ближайших причин всякого изменения и перемен; чрез это Первое Начало как тот, кто раньше не был Юпитером, становится им, так и тот, кто теперь Юпитер, наконец станет иным, чем Юпитер.

Знает Юпитер и то, что состав вечной вещественной субстанции [каковая не может ни произойти из ничего, ни обратиться в ничто, но способна и к разрежению, и к сгущению, к изменениям формы, порядка, фигуры] разрушается, сложность колеблется, фигура переиначивается, судьба разнообразится; и только элементы всегда остаются теми же по существу, и тем же самым, как был всегда, остается вещественный принцип, который есть истинная субстанция вещей – вечная, не рождаемая, не гибнущая. Хорошо знает и то, что из невещественной субстанции также ничто не меняется, не образуется и ничто не разлагается, но она всегда остается такой и не может стать ни предметом разрушения, ни предметом созидания. Стало быть, не может быть и речи о ее смерти ни самой по себе, ни в силу внешних обстоятельств, ибо смерть есть не что иное, как распад частей, соединенных в одно целое; со смертью прекращается случайная дружба, согласие, сложность, соединение и порядок, но остается у каждого существа его неуничтожимое субстанциональное бытие.

Юпитеру известно далее, что о духовной субстанции, хотя бы она и была в родстве с телами, нельзя понимать так, будто она в собственном смысле входит в состав тел или смешивается с ними, ибо это подобает телу с телом или частице материи одного состава с частицей материи иного состава. Духовная же субстанция есть некий принцип, некое начало, действующее и образующее изнутри, от коего, коим и вокруг коего идет созидание: она есть точь-в-точь как кормчий на корабле, как отец семейства в доме и как артист, что не извне, но изнутри строит и приспособляет здание. Во власти этого принципа объединять противоположные элементы, уравнивать в известной гармонии несогласные свойства, созидать и поддерживать состав живого существа.

Он сгибает тетиву, он набирает основу ткани, натягивает нити, умеряет страсти, распределяет приказания, потребляет и одаряет дыханием, снабжает волокнами мясо, растягивает хрящи, укрепляет кости, разветвляет нервы, опоражнивает артерии, обогащает вены, толкает сердце, надувает легкие – всему споспешествует изнутри жизненным теплом и влажным радикалом, вследствие чего получается столько личностей, с такой разнообразною внешностью, фигурой и лицом.

Так создается жилище во всех так называемых одушевленных предметах, начиная от середины сердца или соответственного ему органа, посредством развития и образования новых членов и сохранения тех, что уже развились и сложились. Точно так же под неумолимым воздействием принципа разложения, теряя свою архитектуру, рушится все здание, освобождая противоположные элементы, порывая связи, отнимая устойчивость личности: ибо нельзя вечно пребывать в одном и том же сложном целом, с одним и тем же темпераментом, увековечивая одни и те же навыки, сохраняя одни и те же склонности. От внешних частей и членов все приводя к сердцу и как бы вновь собирая все бессознательные волнения и мучения, тот формирующий изнутри принцип ясно показывает, что он выходит теми же дверьми, через какие пришлось однажды войти.

Знает Юпитер, что если вещественная материя, способная слагаться, разлагаться, перерабатываться, сжиматься, принимать форму, способная к движению и устойчивости под господством, властью и доблестью души, не может быть уничтожена или в какой-нибудь точке, в каком-нибудь атоме сведена на нет, то и подавно невероятно и невозможно, чтобы природа более превосходная, которая повелевает, управляет, главенствует, движет, оживляет, растит, одаряет чувствами, поддерживает и содержит, была бы в худших условиях, была бы, говоря,

как и хотят некоторые глупцы с именем философов, неким производным гармонии, симметрии и связанности – одним словом, случайностью, которая чрез разложение целого обращается в ничто вместе со своим составом, вместо того чтобы быть принципом и внутренней причиной гармонии, связанности и симметрии, производных от него. Каковой принцип так же не может существовать без тела, как и тело, движимое и управляемое им, с ним единое, с его отсутствием распадающееся, не может быть без него.

Вот этот принцип, значит, и считает Юпитер той сущностью, которая есть воистину человек, а не какой-то случайностью, что вытекает из состава. Это и есть божество, герой, даймонион, особый бог, разумность; в нем, от него и через него, с одной стороны, образовывались и образуются различные составы и тела; с другой, подвергаются различному для каждого особливому бытию, различным именам, различным судьбам. Этот принцип в силу того, что именно он в сознательных поступках и стремлениях сообразно разуму движет и управляет телом, – выше тела и не может быть последним ни обусловлен, ни вызван к действию: только высшею справедливостью, что царит над всем, он обрекается за беспорядочные страсти нести мучения и позор в том же самом или в другом теле и, если проявит себя плохо в управлении каким-нибудь одним жилищем, не смеет надеяться на власть и управление лучшим.

Значит, если, к примеру сказать, кто вел здесь жизнь лошадиную или свиную, то, как многие самые превосходные философы это разумели, а я думаю, что, если и нельзя в это поверить, во всяком случае следует хорошенько рассмотреть это мнение, предопределением роковой справедливости он будет заключен в тюрьму, соответственно известному преступлению или вине, с органами и инструментами, подходящими для такого работника или ремесленника. И таким образом, постоянно переходя из одного состояния в другое, по воле рока вечно будет подвергаться все новым и новым, и худшим и лучшим родам жизни и счастья, смотря по тому, хорошо или дурно проявил себя в только что пережитых условиях и доле.

Мы и наблюдаем, как человек, меняя свои убеждения и склонности, из хорошего становится плохим, из умеренного необузданным, а имевший сходство с одним зверем начинает походить на другого, похуже или получше, вследствие перемены в чертах лица и в фигуре, зависящей от внутреннего духа, но до того явно обнаруживающейся на теле, что ей никогда не ускользнуть от искусного физиономиста.

Вследствие чего, если нам и кажется, что у многих из человеческого рода есть в их лицах, взгляде, голосе, повадках, страстях и склонностях у одних что-то лошадиное, у других – свиное, ослиное, орлиное, бычье, то все это нужно приписать находящемуся в них жизненному принципу, благодаря которому из-за возможной в недавнем прошлом или в ближайшем будущем перемены тела они только что были или вот-вот станут свиньями, лошадьми, осликами или чем иным, что уже проявляется в них, если только воздержанием, трудами, размышлением и другими добродетелями или пороками не сумеют изменить и снискать себе иную долю.

От этого-то взгляда (не без основательной причины он разъяснен нами больше, чем того требует смысл данного места) зависит подвиг покаяния Юпитера, который представлен здесь, как обычно описывается. Он – Бог, с доблестными и благородными поступками, но у него есть и человеческие – резвость, шалость, распутство, а порою пошлость и зверство. Ведь так его рисуют предания, рассказывающие, как он оборачивался, как принимал на себя различные личины, чтобы символизировать смену различных страстей, коим подвергается Юпитер, душа, человек, обретаясь в этой зыбкой материи. Он изображен у нас также управителем и двигателем неба, чтоб дать понять, что в каждом человеке, во всяком индивидууме можно видеть некий мир, некую вселенную, где Юпитер, вседержитель, символизирует собою свет разума, который судит и правит, который раздает приказания и места добродетелям и порокам в этом чудесном здании.

Этот мир мы принимаем в интересах нашей настоящей работы таким, как его воображают себе глупые математики, как допускают не очень мудрые физики, меж коими нелепее всех перипатетики, то есть разделенным прежде всего на множество сфер и затем уже на 48 различных звездных знаков. Этот мир с 48 знаками, на кои первоначально, по их мнению, было разделено восьмое звездносное небо, называемое обычно т в е р д ь ю , будет основой и предметом нашего труда.

Значит, здесь Юпитер, изображающий собою каждого из нас, выведен так, что, с одной стороны, он от зачатия переходит к рождению, из младенца становится юным и сильным и затем постепенно делается все более дряхлым и старым, с другой, из невинного и неумелого делается грешным и ловким, становится дурным, а порою и добрым, из невежды – знающим, из пьяницы – трезвым, из развратника – целомудренным, из шутливового – серьезным, из неправедного – справедливым. К этому Юпитера склоняют иной раз слабеющие силы, иной раз будет толкать и подгонять страх рокового суда, который выше богов и грозит им.

И вот как раз в день, когда на небе празднуется победа над гигантами (символ непрерывной и неустанной борьбы, какую ведет душа с пороками и разнузданными страстями), сей отче решился окончательно привести в исполнение то, что он задолго перед тем задумал и решил: так человека переменить строй жизни и привычки прежде всего призывает некий свет, что находится в наблюдательной и сторожевой будке или на корме нашей души и что некоторыми зовется с и н д е р е з и с 3, а у нас почти всегда олицетворен Момом.

3. «Синдерезис» (sinderesi) – схоластический термин; был принят для обозначения с о з н а н и я в этико-религиозном значении этого слова.

Юпитер, значит, предлагает богам, то есть производит дело разумного рассмотрения голоса совести, и начинает обсуждать то, что нужно сделать: отбирает голоса, напрягает способности, приспособливает мысли; не после обеда и не в ночи нерассудительности, не без солнца разумения, не без света разума, не натошак, утром, сиречь без пылкости духа, хорошо пригретого вышним жаром; но после обеда, то есть вкусив амброзии ревностного усердия и выпив нектара божественной любви, около полудня или ровно в полдень, сиречь когда нам всего меньше вредит лукавое заблуждение и больше всего помогает дружественная истина – в самый светлый промежуток.

Тогда совершается изгнание Торжествующего Зверя, то есть пороков, кои обычно одерживают верх и попирают божественное начало в нас, душа очищается от грехов, начинает украшаться добродетелями и из любви к красоте, которая обнаруживается в природной доброте и справедливости, и из жажды наслаждения, вкушаемого от плодов красоты, и из ненависти и отвращения к враждебной красоте безобразию и унынию.

Это изгнание находит себе отклик и принимается всеми богами, другими словами, добродетели и способности души наперерыв стремятся выполнить все, что считает справедливым, добрым и истинным сей действенный свет, который направляет чувство, ум, рассудок, память, любовь, влечение, ощущение, сознание, волю – способности, олицетворенные Меркурием, Палладою, Дианой, Купидоном, Венерой, Марсом, Момом, Юпитером и прочими божествами.

Итак, туда, где была Медведица в соответствии с местом, ибо оно – самая высокая часть неба, – прежде всех назначается Истина, так как она выше и достойнее всего: она – первая, последняя и средняя, ибо наполняет собою поля Единства, Необходимости, Доброты, Начала, Середины, Конца, Совершенства, зачинается в полях Размышления – метафизическом, физическом, моральном, логическом.

Вместе с Медведицей снисходят Безобразие, Кривда, Недостаток, Изъян, Случайность, Лицемерие, Обман, Коварство.

Место Большой Медведицы остается свободным по причинам, о коих сейчас не место упоминать.

Где изгибается и извивается Дракон, там в соседстве с Истиной располагаются Благоразумие со своими подругами – Диалектикой и Метафизикой, с предстоящими по правую руку Лукавством, Хитростью и Злостью, по левую – Тупоумием, Косностью и Неблагоразумием. Оно вращается в поле Обсуждения.

А прогоняют с этого места Случайность, Непредусмотрительность, Случай, Нерадивость со всеми предстоящими справа и слева.

Оттуда, где одиноко фехтует Цефей, ниспадают Софизм, злокозненное Невежество с рабынями, служанками и своею свитой, а на их место, в соседстве с Благоразумием, является София, где и пребудет на полях божественном, естественном, нравственном и разумном.

Где Волопас правит колесницею, туда взбирается Закон на глаза своей матери Софии, где он будет пребывать в областях божественной, природной, гражданской, политической, экономической и в особенности нравственной, чрез кои Закон возносится до высших предметов, снисходит к низшим, распространяется вишь и вдаль к равным и возвращается к самому себе.

Ниспадают отсюда Прегрешение, Уклонение, Отступление с сыновьями, служителями и присными.

Где светит Северная Корона в содружестве с мечом, туда водворяется Суд как ближайшее последствие Закона и дела Справедливости. Его узрят в пяти областях: Следствия, Судоговорения, Решения, Приговора и Исполнения.

Оттуда, стало быть, падает Неправда со всей ее свитой. Корона, которую Суд держит спокойной левой рукой, обозначает Награду и Мзду, а меч, коим размахивает ревностно десница, – Наказание и Мщение.

Там, где Геркулес словно опрастывает для себя место своей палицей, устанавливает свое пребывание Сила после спора Богатства и Бедности, Скупости и Фортуны с их присными и свитами.

Как вы увидите, Сила утвердится в полях Нашествия, Отпора, Завоевания, Поддержки, Нападения, Защиты; справа от нее падают Дикость, Жестокость, Безумие, слева – Низость, Слабость, Малодушные, и возле нее показываются Бесстрашие, Смелость, Предвидение, Недюжинность, Уверенность, а против нее – Пошлость, Трусость, Сомнение, Отчаяние с подругами и рабынями. Она находится почти повсюду.

Туда, где виднеется 9-струнная Лира, восходит мать Муза со своими 9 дочерьми: Арифметикой, Геометрией, Музыкой, Логикой, Поэзией, Астрологией, Физикой, Метафизикой, Этикой. Невежество же, Косность и Зверство низвергаются оттуда. Вся вселенная – поле действия для матери, а у каждой из дочерей свой предмет.

Где распускает Лебедь свои крылья, туда восходят Раскаяние, Очищение, Отречение, Преобразование, Омовение, а низвергаются Самолюбие, Распутство, Мерзость, Бесстыдство, Нахальство со всею своею роднёю. Пребывают около и в областях Греха и Падения.

Откуда смещают восседавшую на престоле Кассиопею, вместе со Спесью, Высокомерием, Чванством, Хвастовством и прочими подругами, постоянно вращающимися в полях Честолюбия и Лживости, туда всходят умеренное Величие, Слава, Благопристойность, Достоинство, Честь и прочие товарищи с их двором, которые обычно находятся в полях Простоты и Истины, иной же раз в силу необходимости заходят в поле Притворства и подобных ему, что случайно могут служить прибежищем добродетели.

Туда, где жестокий Персей показывает свой горгонов трофей, восходят Труд, Старание, Рвение, Пылкость, Усердие, Дело, Упражнение, Дельность со шпорами Ревности и Благоговения. У Персея крылатые сандалии плодотворной Мысли и Презрения к обыденному благу; помощниками у него Упорство, Ум, Прилежание, Искусство, Исследование и Старательность; сыновьями он признает Изобретение и Приобретение, из которых у каждого по три сосуда, наполненных благами фортуны, благами тела и благами души. Разгуливает он по полям Крепости, Силы, Безопасности, впереди его бегут Позор, Лень, Праздность, Бездействие, Скука, Трусость со всею родней по одну сторону, а по другую – Беспокойство, глупое Занятие, Суетня, Томление, Любопытство,хлопоты, Бестолковщина – все выходцы с полей Раздражительности, Подзуживания, Принуждения, Провокации и прочих прислужников, что строят дворец Раскаяния.

На место Триптолема восходит Человечность со своею семьею: Советом, Помощью, Кротостью, Милостью, Поддержкой, Пособием, Спасением с прочими товарищами и братьями, с их помощниками и сыновьями, находящимися в поле истинного Человеколюбия. К ней нет доступа Человеконенавистничеству и его двору – Зависти, Злости, Презрению, Неилости и прочим братьям их, что расхаживают по полям Неучтивости и других пороков.

Жилище Змеебыка занимают Остроумие, Предусмотрительность, Проницательность и прочие такого рода добродетели, обитающие в полях Совета и Благоразумия; бегут оттуда Нерасторопность, Тупость, Вздорность с толпою всех, что разрослись бурьяном в полях Неблагоразумия и Нерассудительности.

На месте Стрелы показываются обдуманное Решение, Наблюдение и Намерение, кои упражняются в полях упорядоченного Учения, Внимания и Стремления, а Клевета, Предательство, Колкость и прочие сыны Ненависти и Зависти, что наслаждаются в садах у Засады, Шпионства и подобных им подлых и позорных земледельцев, уходят прочь.

В том месте, где изгибается дугою Дельфин, появляются Благожелательность, Любезность, Услуга, которые вместе со своими друзьями обретаются в полях Человеколюбия и Домовитости; оттуда бежит враждебная и надменная толпа на поля Спора, Поединка и Мщения.

Откуда отлетает Орел вместе с Честолюбием, Надменностью, Безрассудностью, Тиранией, Гнетом и прочими хлопотливыми сотоварищами в поля Захвата и Насилия, туда отправляются на жизнь Великодушие, Благотворительность, Благородство, Власть, которые пребывают в полях Достоинства, Господства и Авторитета.

Где был Пегасский Конь, вот там божественный Восторг, Энтузиазм, Восхищение, Пророчество, каковые пребывают в поле Вдохновения; бегут прочь отсюда дикий Восторг, Мания, безумный Порыв, Разложение духа, Потеря внутреннего смысла, что обретаются в поле Чрезмерной Меланхолии – этой пещеры злого гения.

Андромеду с Упорством, Злобою и глупым Убедением, кои разрастаются в поле сугубого Невежества, сменяют Добродушие, Надежда, Ожидание, показывающиеся на поле Доброй Дисциплины.

На смену сброшенного Треугольника утверждается Вера, иначе называемая Верностью и умножающаяся в полях Постоянства, Любви, Искренности, Простоты, Истины и прочих, от коих далеки поля Обмана, Неустойчивости и Лицемерия.

Вместо царства Овна поставляются Епископство, Княжество, Пример, Указание, Совет, Разъяснение, кои блаженствуют в полях Послушания, Подчинения, Согласия, доблестного Соревнования, Подражания, откуда удаляются дурной Пример, Соблазн, Безумие, распинаемые на полях Распутства, Заблуждения, Отступничества, Раскола, Ереси.

Бык становится образом Терпения, Снисходительности, Долготерпения, соразмерного Гнева, пригодных в полях Власти, Служения, Исполнительности, Рвения, Труда, Послушания и прочих. С ним уходят чрезмерный Гнев, Досада, Презрение, Негодование, Неохота, Нетерпение, Жалобы, Стоны, Вспыльчивость, что находятся почти в тех же самых полях.

Где обитали Плеяды, туда восходят Единение, Гражданственность, Сообщество, Народ, Государство, Церковь, которые находятся в полях Общежития, Согласия, Общения, где главенствует благостная Любовь; а с теми низвергаются с неба Монополия, Толпа, Секта, Триумвират, Дробление, Партийность, шатающиеся в полях беспорядочной Привязанности, лукавого Намерения, Восстания, Заговора, где заправляет всем злонамеренный Совет со всею роднёю.

Откуда удаляются Близнецы, туда восходят воплощенная Любовь, Дружба, Мир, блаженствующие на своем собственном поле, а изгнанные уводят с собой несправедливое Пристрастие, которое упрямо вкореняется в поле несправедливого и злобного Желания.

Рак уводит за собой злобное Подавление, недостойное Движение назад, позорный Недостаток, непохвальное Обуздание, Опускание рук, Убирание ног от доброй думы и дела, Перепрыдывание Пенелопы и прочих подобных товарищей и друзей, которые то и дело служат в полях Непостоянства, Малодушия, Нищеты духа, Невежества и многих других; а к звездам возносятся последовательное Движение, Подавление зла, Укрощение лживого и неправого с их служителями, кои работают все в полях честного Страху, умеренной Любви, доброго Намерения, похвального Раскаяния и других союзников, враждебных дурному Прогрессу, притворному Движению вперед, мздолюбивому Застою.

Лев уводит с собой тиранический Террор, Страх и Угрозу, опасный и ненавистный Авторитет, надменную Славу и Наслаждение тем, что тебя больше ненавидят, чем любят. Вращаются они в полях Строгости, Жестокости, Насилия, Подавления, где их мучат тени Боязливости и Подозрения, а на небесное пространство восходят Великодушие, Благосклонность, Блеск, Благородство, Превосходство, каковые служат в полях Правосудия, Сострадания, справедливой Войны, праведного Помилования, ревностно стремясь к тому, чтобы их более любили, чем ненавидели, восходят и там обретают себе Утешение с Безопасностью, Спокойствием духа и их фамилией.

Идут воссоединиться с Девой Воздержание, Стыдливость, Целомудрие, Скрамность, Правдивость, Честность, которые торжествуют в полях Чистоты и Чести, презираемой Бесстыдством, Невоздержанностью и иными матерями враждебных им фамилий.

Весы становятся образом вожденного Равенства, Справедливости, Милости, Благодарности, Уважения и прочих товарищей, управителей и последователей, что живут в тройном поле Распределения, Обмена и Воздаяния, куда не заходят Неправосудие, Немилость, Неблагодарность, Наглость и прочие их подруги, дочери и распорядительницы.

Где изгибал свой гибкий хвост и расставлял клешни Скорпион, там нет больше места ни Обману, ни несправедливому Одобрению, ни притворной Любви, ни Надувательству, ни Предательству, но утверждаются противоположные им добродетели, дочери Простоты, Искренности, Истины, кои пребывают на материнских полях.

Мы видим, как Стрелец становится символом Созерцания, Изучения и доброго Порыва с их последователями и слугами, коим предлежит и подлежит поле Истинного и Доброго, чтоб они могли образовать Разум и Волю, совсем чужды им скучливое Невежество и пустое Безделье.

К оставшемуся на небе Козерогу присоединятся Пустынничество, Уединение, Сокрушение, их матери, подруги и служанки, кои удалятся на поля Отрешения и Свободы, где плохо приходится Беседе, Договору, Собранию, Сожительству и всем остальным из их сыновей, друзей и правителей.

На месте сырого и расточительного Водолея появится Умеренность – мать многих бесчисленных добродетелей, которые любят в особенности показываться в тех местах с дочерьми Гражданственностью и Государственностью, откуда бежит Необузданность страстей вместе с Дикостью, Суровостью и Варварством.

Откуда, вместе с недостойным Молчанием, Завистью к мудрости и Извращением учения, что обитают в полях Человеконенавистничества и Подлости ума, удаляют Рыб, там ставят достойное Молчание и Молчаливость, каковые находятся в полях Благоразумия, Воздержания, Терпения, Умеренности и прочих; от них же бегут в противоположные убежища Говорливость, Многоглаголанье, Сплетня, Ругань, Шутка, Скоморошество, Легкомыслие, Пустословие, Насмешка, Ябеда, Ворчливость.

Где был Кит в засухе, там помещается Спокойствие духа, в безопасности на полях Мира и Отдыха, а Буря, Вихрь, Хлопоты, Беспокойство и прочие союзники и братья их исключаются.

Откуда боги изгоняют врасплох божественного и чудесного Ориона и с ним Ловкость, Надувательство, излишнюю Любезность, напрасное Чудо, Волшебство, Шутовство и Мошенничество, коими всевозможные проводники, кондотьеры и привратники пользуются, приспособляя их для Хвастовства, Тщеславия, Захвата, Грабежа, Подделки и иных многочисленных пороков, на поприще коих они совместно подвизаются, туда возносятся Воинство, борющееся с несправедливыми, видимыми и невидимыми силами, действующее на полях Великодушия, Крепости, всеобщей Любви, Истины и прочих бесчисленных добродетелей.

Где так и останется воображаемая река Еридан, там будет еще кое-что славное, о чем поговорим в другой раз, ибо здесь не место говорить о столь почтенном предмете.

Откуда берут трусливого Зайца вместе с напрасным Страхом, Трусостью, Трепетом, Недоверием, Отчаянием, ложной Подозрительностью и прочими сыновьями и дочерьми отца-Ничтожества и матери-Невежества, там появляется Страх, сын Благоразумия и Рассудительности, служитель Славы и истинной Почести, что могут вырасти на всех добродетельных полях.

Где, вытянув спину, гнался за зайцем Большой Пес, туда поднимаются Неусыпность, Стража, Любовь к республике, Охрана дома, Тираноубийство, Ревность, спасительная Проповедь, каковые обретаются в полях Благоразумия и Естественной Справедливости, а с ним нисходит вниз Охота и прочие дикие и зверские доблести, что только волею Юпитера считаются героическими, хотя на самом деле пребывают на полях Палачества, Зверства и Живодерства.

Уводит за собой Малый Пес Подлизывание, Лесть и рабское Послушание вместе с их друзьями, и туда наверх поднимаются Кротость, Домовитость, Ласковость, Любвеобилие, обретающиеся на полях Благодарности и Верности.

Откуда возвращается в море Корабль вместе с подлой Скупостью, обманной Торговлей, скаредным Прибытком, вездесущим Пиратством и прочими бесчисленными товарищами, даже и во много раз более порочными, там поселяются Щедрость, услужливое Сообщение, современная Запасливость, полезный Договор, достойное Путешествие, благодетельная Перевозка с их братьями, спутниками, кормчими, гребцами, солдатами, проводниками и прочими служащими, что обитают на поле Фортуны.

Где растягивает и расширяет свои кольца южный Змей, прозвищем Гидра, туда ставят предусмотрительную Осторожность, рассудительную Проницательность, возобновляющуюся Мужественность; оттуда падают старческая Вялость, тупое Возвращение в детство вместе с Коварством, Завистью, Раздором, Злословием и другими со столыниками.

Взамен Коршуна с его мрачной Чернотой, мучительной Болтливостью, постыдным и цыганским Надувательством, ненавистным Нападением, слепым Презрением, неряшливым Рабством, поздним Исполнением и нетерпеливой Жадностью воцаряются божественная Магия со своими дочерьми, Гадание со своими служителями и семейством, между коими самый главный и первый – Предсказание, им же обычно пользуются с добрыми целями на полях военного Искусства, Закона, Религии и Жречества.

На месте, где раньше была Чаша и с нею Обжорство и Пьянство с толпою подчиненных, товарищей и присных, появляются Воздержание, Трезвость и Снисхождение к побежденным с их порядками и условиями.

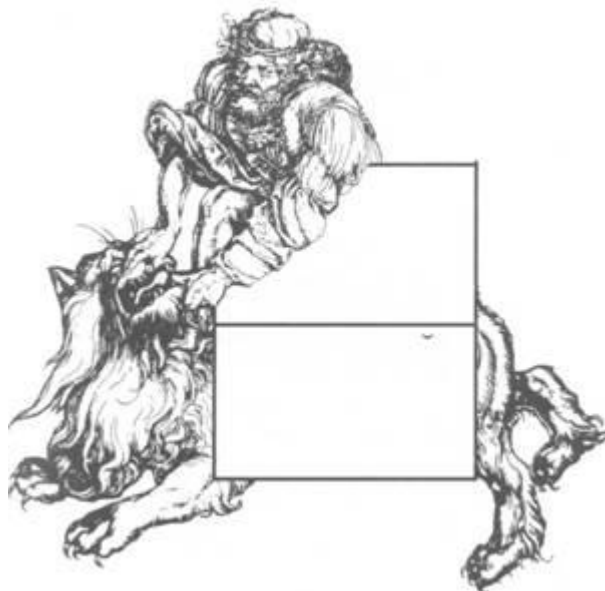
Где неизбежно стоит и утвержден в своем святилище полубог Центавр, вместе с ним водворяются божественная Притча, святое Таинство, нравственная Басня, божественное и святое Священство со своими учителями, хранителями и служителями, оттуда падает и изгоняется Басня пустая и звериная со своей глупой Метафорой, нелепой Аналогией, гиблой Анагогией, суетной Тропологией, темной Фигуратурой, с их лживым двором, свинскими собраниями, бунтовщическими сектами, спутанными ступенями, беспорядочными порядками, безобразными преобразованиями, нечистою чистотою, грязными очищениями и опаснейшими злодействами, кои все пребывают на полях Скупости, Дерзости и Надменности, над кем главенствует свирепая Злость и орудует темное и тучное Невежество.

С Алтарем пребудут Религия, Благочестие и Вера: с восточного угла его падают Легковерие с уймою дурости и Суеверие со всякого рода делами, дельцами и делишками, и с западной стороны несправедливое Не благочестие и бессмысленное Безбожие летят в пропасть.

Где ждет Южная Корона, там – Награда, Честь и Слава – плоды деятельных добродетелей и добродетельных трудов, кои зависят от милости упомянутых небесных внушений.

Откуда берут полуденную Рыбу, там Приобщение к только что упомянутым почетным и славным плодам, там Радость, Река Наслаждения, поток Удовольствия, там Вечеря, там Душа.

*«Питаем ум такую славной пищей,
Что с ней Юпитера амбросия и нектар незавидны».*

Там – Предел бурных трудов, там Ложе, там тихий Отдых, там безопасный Покой.
Будь здоров!

СОБЕСЕДНИКИ

София, Саулин и Меркурий

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ПЕРВОГО ДИАЛОГА

София. Так что если б в телах, материи и сущем не было изменения, разнообразия и чередования, то не было б ничего приятного, ничего хорошего, никакого наслаждения.

Саулин. Ты, София, доказала это очень хорошо.

София. Всякое наслаждение, как мы видим, состоит ни в чем ином, как в известном переходе, пути и движении. В самом деле, отвратительно и печально состояние голода, неприятно и тяжело состояние сытости; но что дает нам наслаждение, так это движение от одного состояния к другому. Состояние любовного пыла мучит нас, состояние удовлетворенной страсти угнетает, но что дарит нам удовольствие, так это переход из одного состояния в другое. Ни в каком настоящем положении нельзя было бы найти наслаждения, если б нам прошлое не стало в тягость. Если работа и приятна нам, то только вначале – после отдыха; и в отдыхе есть наслаждение только сначала, после работы.

Саулин. Если это так, то нет радости без примеси горя; не в движении ли одинаково соприкасаешься и с тем, что нас радует, и с тем, что нас печалит?

София. Правильно говоришь. К сказанному добавлю только, что иной раз сам Юпитер, когда ему надоедает быть Юпитером, устраняется от дел и становится то земледельцем, то охотником, то солдатом – вот он вместе с богами, вот с людьми, вот со зверьми. Горожане устраивают для себя праздники и развлечения в деревнях, а поселяне отдыхают, празднуют и проводят свободные от работы часы в городах.

Кто только что сидел или лежал, тот с удовольствием и радостью ходит, напротив, находит себе отдых в сидении, кому пришлось много бегать. Нравится на воздухе тому, кто слишком долго пробыл дома; влечет к себе комната того, кто пресытился полями.

Часто есть какое бы ни было приятное кушание значит в конце концов получить к нему отвращение. Только перемена одной крайности на другую, благодаря своему соучастию и в той, и в другой крайности, только движение от одной противоположности к другой, благодаря своим серединам, может удовлетворить; и, наконец, насколько велико родство между крайностями, мы можем видеть из того, что они скорее сходятся меж собою, нежели подобное с подобным себе.

Саулин. По-моему, это все так, ибо правосудию нечего делать там, где нет преступлений, согласие устанавливается только там, где были споры; круглое не ложится на круглое, потому что они касаются только в одной точке, но выпуклое покоится на вогнутом; и в нравственном мире – гордый не может ужиться с гордым, бедняк с бедняком, скупой со скупым, но гордый находит себе удовлетворение в униженном, богатый – в бедном, скупой – в расточителе. Значит, если судить с физической, математической и нравственной точек зрения, то ясно, что не малого доискался тот философ⁴, который проник в смысл совпадения противоположностей, и вовсе не глупый практик тот маг, который ищет, в чем состоит оно, это совпадение. Стало быть, все, что вы сказали, – сущая правда. Но я хотел бы знать, о София, ради чего, с какой целью вы это говорите?

София. Отсюда я хочу вывести вот что. Начало, середина и конец – рождение, рост и совершенствование всего, что мы видим, идут от противоположностей, через противоположности, в противоположностях, к противоположностям: там, где есть противоположности, есть действие и противодействие, есть движение, есть разнообразие, есть множество, есть порядок, есть степени, есть последовательность, есть череда. Поэтому каждый, кто хорошенько поразмыслит над этим, никогда не станет отчаиваться или возноситься духом от того, что у него есть и что – он сам в настоящем, как бы это настоящее ни казалось ему, по сравнению с другими жизненными обстановками и долею, хорошим или дурным, худшим или лучшим. Так я со своим божественным предметом – Истиною, которую так давно гонят, скрывают, преследуют и угнетают, считаю этот мой предел, волею судьбы, за начало моего возвращения, появления, возвышения, прославления тем большего, чем больше были противоположные крайности.

Саулин. Точно так же бывает с тем, кому хочется повыше подпрыгнуть от земли: он должен прежде хорошенько нагнуться; а кто стремится наверняка перескочить какой-нибудь ров, тот, отойдя назад шагов на восемь или на десять, набирается духу.

София. Значит, тем скорей надеюсь я на лучшее и счастливое будущее, по милости судьбы, чем хуже приходилось мне до сих пор.

Саулин.

*... Чем ниже,
Чем глубже человек спускается на дно
Фортуны колеса: коль вновь завертится оно, тем ближе,
Тем скорей взберется он, куда ему взобраться суждено.
Так голову свою чуть не кладет сегодня под секиру,
Кто завтра диктовать Законы станет миру.⁵*

4. «не малого доискался тот философ» – Николай Кузанский, учение которого о совпадении противоположностей послужило для Джордано Бруно исходною точкою в утверждении учения о единстве вселенной. В конце своих диалогов «О причине, начале и едином» (*De la causa, principio e uno*) Джордано Бруно, подводя итог всему сказанному, говорит: «В заключение, кто хочет познать величайшие тайны природы, тот пусть наблюдает и разбирается в самых малых и самых больших величинах крайностей и противоположностей. Глубокая магия состоит в том, чтобы уметь, найдя точку соприкосновения, вывести одну крайность из другой...» (*Bruno, Opere italiane. v. I.*).

5. Чем ниже...» – стихи из «Неистового Орланда» Ариосто.

Но, пожалуйста, продолжай, София, более подробно развивать предмет своей речи.

София. Громовержец Юпитер, после того как столько лет держался молодцом, гулял и увлекался любовными и военными похождениями, теперь как бы укрощенный временем начал уклоняться от игривой и порочной жизни и той обстановки, в какой протекают юношеские и зрелые годы.

Саулин. Поэты – да, но философы никогда не изображали так богов. Значит, Юпитер и другие боги стареют? Значит, нет ничего невозможного в том, что и им придется переплывать на другой берег Ахеронта⁶?

София. Молчи,

Саулин. Не отвлекай меня, выслушай до конца.

Саулин. Говори же, я буду слушать очень внимательно. Я убежден, что из твоих уст могут исходить только великие и важные речи, и боюсь одного, сумеет ли моя голова понять и вместить их в себе.

София. Не сомневайся. Так вот, говорю я, Юпитер начал стареть и не допускает больше на совет к себе никого, кроме тех, у кого на голове снег, на лбу морщины, на носу очки, в мозгу мука, в руках палка, в ногах свинец, в голове, говорю, воображение правдивое, размышление усердное, память твердая, на челе разумение, в очах благоразумие, в носу мудрость, в ушах внимание, на языке правда, в груди искренность, в сердце упорядоченные чувства, в плечах терпение, на спине забвение обид, в желудке умеренность, в животе чистота, в лоне сдержанность, в ногах постоянство, в ступнях точность, в шуйце пятикнижие законов, в деснице рассудительный разум, положительное знание, закономерное правосудие, повелевающий авторитет и исполнительная власть.

Саулин. Хорошо бы жилье, да нужны ему хорошие чистка и мытье.

6. Ахеронт – река, через которую в лодке Харона переплывали тени усопших в ад.

София. Теперь нет зверей, в каких обращался Юпитер, да нет и Европ⁷, которые орогатили бы его в быка; нет Данай⁸, которые побледнили бы его в золото; нет Лед⁹, которые окрылили бы его в лебедя; нет таких, как нимфы Астерии¹⁰ и фригийские юноши¹¹, которые окогтили бы его в орла; нет Деоид¹², что озмеили бы его, ни Мнемозин¹³, что разжаловали бы его в пастухи, ни Антиоп¹⁴, что полуозверили бы его в сатира, ни Алкмен¹⁵, которые преобразили бы его в Амфитриона; ибо кормчий, поворачивавший и направлявший корабль превращений, так ослабел, что почти не в силах противиться неистовству волн, а, может, под кораблем становится все мельче.

Паруса так измочалились и изнашивались, что напрасно надувает их ветер. Что до весел, на которых обычно при противном ветре и бурливой погоде двигалось судно, то теперь, будь хоть какая погода, пусть по воле Нептуна совсем утихнет его поле, тщетно лоцман станет свистеть: «На нос! В корму! Назад! В весла!» – гребцы стали вроде паралитиков.

Саулин. Ох! Большое несчастье!

София. Поэтому пусть никто больше не описывает и не изображает Юпитера грубым и чувственным, ибо благой Отче занялся усовершенствованием духа.

Саулин. Как тот, что держал-держал при себе столько жен, столько жениных служанок и наложниц, а в конце концов пресытился, утомился, устал и молвил: «Суета сует и всяческая суета!»

София. Думает Юпитер о своем Судном Дне, ибо предел или больше, или меньше, или ровно 36 000 лет, как идет повсюду молва, близок предел, когда Революция Мирового Года грозит тем, что другой Небесный Вседержитель примет власть. Вот Юпитер и боится, как бы вследствие изменений, какие приносит с собой переворот, и в силу различных, до сих пор неслыханных и невиданных взаимоотношений и положений планет, волею судьбы, наследственная последовательность событий, перестав быть такой, как она была в предыдущей Великой Мировой Революции, сделалась значительно разнообразнее и пестрее, чем-то предсказывают всевозможные астрологи и прочие прорицатели.

7. Европа – дочь египетского царя Ио. Юпитер, увлекшись ею, превратился в быка и в таком виде унес ее из Египта на противоположный берег Средиземного моря – в Европу.

8. Даная – мать Персея. Отцу ее – Акризию – было предсказано, что внук лишит его престола. Он запер Данаю в башню, но Юпитер, прельстись красотой Данаи, проник к ней в виде золотого дождя и сделал ее матерью. Акризий бросил дочь и внука в ящике в море. Ящик выбросило на остров Сериф, где Персей был воспитан царем Полидеком.

9. Леда – супруга лакедемонского царя Тиндарея, которою овладел Юпитер, принявши вид лебедя.

10. Астерия – дочь титана Цея. Юпитер преследовал ее в образе орла: она была превращена сначала в куропатку, а затем в камень, упала в море и стала островом Делосом в Эгейском море.

11. «Фригийские юноши» – намек на Ганимеда, фригийского юношу-красавца, которого похитил Юпитер к себе на небо, превратившись в орла.

12. Деоида (в тексте у Бруно стоит Dolide, но Джентиле указывает, что это или ошибка памяти Бруно, или неверное чтение в древних изданиях Овидия, так как ясно, что все это место вдохновлено шестой главою «Метаморфоз», где перечисляются – 103-115 стих, – любовные превращения Юпитера) – дочь Деои или Цереры – Прозерпина.

13. Мнемозина – мать муз. У Гезиода в «Теогонии» сказано:

И Мнемозину также любил он (Зевс) прекраснорудрую,

От которой Муз златокоронных родилось

Девять, которым более всего нравятся

пиры и радостные песнопения.

(Теогония Гезиода – Георгия Властова. СПб. 1897 г.).

14. Антиопа – дочь беотийского царя Никтея. Один из двух ее сыновей, рожденных от Юпитера, был певец Амфион.

15. Алкмена – мать Геркулеса. Юпитер принял образ мужа ее Амфитриона, чтобы овладеть ею.

Саулин. Стало быть, есть опасение, как бы не явился какой-нибудь более осторожный Уран, который по примеру попа Ивана¹⁶, чтоб предупредить возможные в будущем неудобства, прогонит своих сыновей в ущелья горы Амарат и, кроме того, из опасения, чтоб какой-нибудь Сатурн не оскотил его, всегда станет носить железные штаны и ни за что не будет ложиться спать без алмазных. А тогда уже, раз не будет иметь места предшествующее действие, закроется дверь и всем прочим последующим; и напрасно станут ждать дня рождения Кипрской богини¹⁷, свержения хромого Сатурна, возвышения Юпитера, размножения сынов и сынов сынов, внуков и внуков внуков вплоть до того счетом поколения, какое живет в наше время и будет еще жить после нас до предреченного предела.

«И снова к троянским стенам великий Ахилл не прибудет».¹⁸

София. В таком-то положении вещей, постоянно заглядывая в назойливый мемориал слабеющей силы и уходящей доблести и предчувствуя смерть, Юпитер ежедневно шлет пламенные обеты и изливается в страстных мольбах судьбе, дабы в наступающих веках события были направлены в его пользу.

Саулин. Ты, София, говоришь мне диковинные вещи. Неужели, по-вашему. Юпитер не знает, что такое судьба, которую называют почти все очень правдивым прозвищем – неумолимой. Ведь наверняка случалось же ему во время своих вакаций (опять-таки с разрешения судьбы) читать кого-либо из поэтов, а тогда, легко статья, ему попался под руку трагик Сенека, у которого он мог прочесть следующее:

*Рок нас ведет, и мы покоряемся року:
Жизненных нитей, судьбой обреченных для пряжи,
Хлопотливая мысль изменить не может.
Все, что ни делаем и как ни живем, –
От высокого и неизменного зависит веления;
И неумолимая сестра
Закрученную нить не раскрутит назад.
Парки блюдут известный порядок,
В то время как каждый из нас
Идет не зная навстречу своей судьбе.*¹⁹

16. Поп Иван – легендарная личность Средневековья. Рассказывали о нем, что его царство находится в Азии и Африке и что сам он бессмертен. Известный путешественник итальянец Марко Поло дает место этому царству в северном Китае. Позднее стали переносить это царство в Африку, в частности в Абиссинию. (Der Presbyter Iohannes in Sage u. Geschichte – Oppert; La legende du pretre lean – Brunei).

17. «Рождение Кипрской богини» – Венеры. У Гезиода в Теогонии сказано:

*Genitalia autem, когда он отрезав железом,
Бросил с твердой земли в многоволнующееся море,
То носились они долгое время по открытому морю,
доколе кругом их белая
Пена около бессмертного тела не возникла: от них дева
Произошла и прежде всего к Цитере божественной
Двигалась; оттуда прибыла к обтекаемому водами
Кипру.
Здесь вышла чтимая прекрасная богиня, травы кругом
Под ножкой нежной возрастали: ее Афродитой,
Из пены рожденною богиней, а также
красивовенчанною Цитереюю
Называли ее боги и люди, ибо из пены
Возникла она; а Цитерею потому,
что достигла Цитеры.
Также Кипром рожденною, ибо родилась
на обмываемом волнами Кипре.*

(Теогония Гезиода – Г. Властова).

18. «И снова...» - переиначенный стих Вергилия из знаменитой и высоко почитавшейся в Средневековье четвертой эклоги. В переводе Вл. Соловьева этот стих дан так:

«И вторично пошлют Ахилла великого к Трое».

София. И еще – судьба обрекла Юпитера неуклонно и всемерно идти навстречу своему предназначению, хотя бы и знал этот самый Юпитер, что все неизменно и не может быть иначе, чем оно есть. Судьба определила мольбы, которые доходят и которые не доходят, а чтоб не огорчать переселяющиеся души, положила на пороге изменений непременно вкушать от Летейских вод с той целью, чтоб каждый благодаря забвению с тем большим чувством и рвением стремился удержаться в своем настоящем положении. Потому-то юноши не требуют назад свое детство, дети не добиваются утробной жизни, и никто в этой жизни – того состояния, в каком он жил прежде, чем очутиться в тех или иных природных условиях. Свинья не хочет умирать, чтобы не стать не свиньей. Лошадь больше всего опасается перестать быть лошастью. Юпитер в настоящее трудное время страшно боится не быть Юпитером. Но благодарение и слава судьбе: не испив вод этой реки, он не переменит своего положения.

Саулин. Значит, София, – неслыханная вещь! – и этому божееству есть куда обращать свои мольбы? И оно трепещет правосудия? Я удивлялся прежде, почему это боги больше всего страшатся нарушить клятву Стиксовым болотом²⁰. Теперь понимаю: причина – наказание, которое и они должны понести.

София. Это так. Кузнецу своему Вулкану Юпитер запретил работать по праздникам; Вакху наказал не выпускать своей свиты и не позволять Эвантам²¹ гулять, разве что во время карнавала и в главные праздники года, только после ужина, с заходом солнца, да и то не без нарочитого на каждый раз позволения.

Мом, тот самый, что когда-то давным-давно говорил против богов и, как им казалось, слишком строго обличал их грехи, за что был изгнан с собраний и советов и прикреплен к звезде, находящейся в кончике хвоста Каллисто²², дабы не мог перейти пределы параллели, под коей стоит гора Кавказ, где бедный бог изнемогал от холода и голода, – вызван теперь обратно, оправдан, восстановлен в своем прежнем достоинстве и назначен ординарным и экстраординарным проповедником с широчайшими полномочиями обличать пороки, невзирая ни на чьи титулы и сан.

Купидону Юпитер запретил впредь ходить повсюду в присутствии людей, героев, богов таким голоштаным, как у него есть привычка, и приказал ему не оскорблять отныне зрение небожителей, показывая детородные части всему Млечному Пути и олимпийскому Сенату, но ходить впредь одетым, по крайней мере, от пояса до низу. Кроме того, Юпитер строго-настрого наказал ему, чтоб он не смел сыпать своими стрелами, кроме как для естественной потребности, а чтоб любовь у людей он сделал, как у животных, приурочив ее к точно определенным временам года. Пусть точно так, как для кошек месяцем влюбленности обычно служит март, для ослов – май, для людей были приспособлены те дни, когда Петрарка влюбился в Лауру²³ и Данте – в Беатриче. И да будет это постановление временным вплоть до ближайшего собрания, которое состоится, когда Солнце поднимется на 10 градусов Весов, на верховья реки Еридана там, где сгиб Орионова колена.

19. «Рок нас ведет...» – стихи из трагедии «Эдип» Сенеки.

20. «почему это боги больше всего страшатся нарушить клятву Стиксовым болотом» – в своем латинском произведении «О начале вещей» (De rerum principiis) Бруно говорит: Стикс, или бездна, обозначает собою одно из двух начал материи: начало влажное, жидкое и дающее форму. «Под именем Стикса все божественные философы, и маги, и поэты разумеют родительницу вод (matricem aquarum); символизируя это, Орфей, Лин, Гезиод и все поэты говорят, что Стикс – нерушимая клятва для богов». Opera III. «Рок нас ведет...» – стихи из трагедии «Эдип» Сенеки.

21. Эванты – свита Вакха, от праздничного клика «Эвоз!» на торжествах в честь Вакха.

22. «в кончике хвоста Каллисто» – созвездия Медведицы, ибо в нее превращена была нимфа Каллисто.

23. «когда Петрарка влюбился в Лауру» – как сам Петрарка признается, это случилось 6 апреля 1327 г.

На этом собрании снова будет восстановлен природный закон, в силу которого будет дозволено всякому мужу иметь столько жен, скольких он в состоянии прокормить и оплодотворить, ибо расточительно, несправедливо и в сущности противно законам естества, чтоб это человек творческое семя, которое могло бы создавать героев и наполнять пустые обители эмпиреи, сеялось в одну, уже оплодотворенную и беременную, женщину или в еще худшие личности, как иные, незаконно преследуемые, что из боязни дурной славы делают выкидыши.

Саулин. Очень предусмотрительно, по моему рассуждению. Что же дальше?

София. Ганимеду, который вызывал гнусную подозрительность ревнивой Юноны и был у Юпитера в большом почете, так что одному ему позволялось подходить к Юпитеру и подавать трехзубчатые стрелки, в то время как сзади в почтительном отдалении держались все боги, если у него нет иных добродетелей, кроме той, в которой теперь нет нужды, грозит опасность, как бы из Юпитеровых пажей не стать конюхом у Марса.

Саулин. Отчего такая перемена?

София. Да все оттуда же, откуда и для Юпитера, и еще оттого, что завистливый Сатурн в былые дни так ощутительно схватил своею грубою рукой Ганимеда за подбородок и румяные щечки, что от такого прикосновения лицо у него стало зарастать шерстью, и вот мало-помалу исчезла его грация, та грация, что сумела когда-то сманить Юпитера с неба, а самого Ганимеда с помощью Юпитера вознесла на небо, так что сын человеческий обожествился, а Отец богов оптичился.

Саулин. Удивительнейшие вещи! Продолжай.

София. Юпитер обязал всех богов не держать при себе пажей или спальников моложе 25 лет.

Саулин. Ой, ой! Что же это, как же Аполлон-то со своим милым Пацинтом?

София. Ох, если б ты знал, как он недоволен!

Саулин. Вполне вероятно, что это его огорчение вызвало потемнение неба более чем на неделю; его дыхание нагнало столько облаков, его вздохи – такие бурные ветры, и его слезы – такие проливные дожди.

София. Угадал.

Саулин. Что ж будет с бедным юношею?

София. Аполлон решил его отослать для изучения человеческих наук в какой-нибудь университет или реформатскую коллегия и подставить его под розги какого-нибудь педанта.

Саулин. О, Фортуна, о, предательская судьба! Как тебе покажется этот дутыш в педантах? Не лучше ли было поручить его попечению какого-нибудь поэта, отдать его в руки оратора или приспособить к древу креста?

Не удобнее ли было отправить его под строгое руководство...

София. Перестань, перестань! Что должно быть, будет; что должно было быть, есть. Итак, чтоб покончить с историей о Ганимеде, доскажу. Позавчера он, надеясь на обычную приветливость, со всегдашнею мальчишескою усмешкою подал Юпитеру чашу нектара, а тот, мрачно взглянув на него, молвил: «Неужели тебе не стыдно, сын Троо? Неужели ты все еще считаешь себя мальчиком? Неужели с годами ты не остепенился, и у тебя

не прибавилось разума? Разве тебе невдомек, что уже прошло то время, когда при прохождении нашем через внешний двор меня оглушали Силен, Фавн, Приап и прочие, считавшие для себя счастьем, если могли найти удобный случай ущипнуть тебя или только дотронуться до одежды, а после на память о щипке не мыли рук перед едой и перед тем, как совершать иные дела, какие им подсказывала фантазия. Теперь время размыслить. Подумай-ка, не переменить ли тебе ремесло. Мне не до пустяков сейчас».

Если б кто видел, как изменилось лицо бедного мальчика или юноши, не знаю, чему поддался бы он скорее – состраданию, смеху или борьбе обоих чувств.

Саулин. Я думаю на этот раз, risit Apollo.

София. Погоди. Все, что ты до сих пор слышал, только цветочки.

Саулин. Говори же.

София. Вчера, в день праздника победы богов над гигантами, сейчас же после пира, та, что одна владычествует над вещественною природой, и благодаря которой наслаждается все, что наслаждается в поднебесной, –

*Матерь Энеева племени, радость людей и
бессмертных,
Ты, о Венера благая, что между светилами неба
Свет проливаешь свой радостный на судоходное море
И плодоносную землю. Все суице в мире созданы
Зиждятся только тобой и видят лучистое солнце.
Перед тобой облака разгоняются светом, богиня,
Где появляешься ты, там земля вся пестреет цветами,
Пышным нарядом своим улыбается тихое море,
И примиренное небо все блещет лучистым сияньем,
Как только милый свой лик открывает весна
молодая²⁴, –*

приказав открыть бал, предстала перед Юпитером с таким изяществом, что смогла бы утешить и очаровать мрачного Харона, и по обычаю первая подала руку Юпитеру. Последний, вместо того чтобы, как заведено, повторяю, обнять ее левой рукой и прижать грудь к груди, а двумя первыми пальцами правой взять ее за нижнюю губку, приложив уста к устам, зубы к зубам, язык к языку (ласки более страстные, чем приличествует отцу и дочери) и с ней в таком виде выступить на бал, – вместо всего этого Юпитер вчера, прижав правую руку к сердцу и отстранив Венеру назад (как будто говоря: «Noli me tangere»), с сострадательным видом и лицом, полным благочестия, рек ей: «Ах, Венера, Венера! Неужели ты раз навсегда не задумаешься над нашим положением, и в частности над своим? Подумай-ка, справедливо ли воображают о нас люди, будто тот, кто стар – вечно стар, кто молод – вечно молод, кто мальчик – вечно мальчик, и так все пребывает на вечные времена таким же, как оно было, когда мы вознесены были с земли на небо. Не думаешь ли ты, если там наши изображения и портреты представляют всегда одно и то же зрелище, так и здесь не происходит никаких изменений и перемен в нашем телесном составе?

Сегодня по поводу праздника мне вспомнилось, каким я был в те времена, когда разил молниями и побеждал гордых гигантов, которые осмелились взгромоздить на Оссу Пелию и на Пелию Олимп; когда я смог низвергнуть в мрачные пещеры бездонного Орка дикого Бриарея²⁵, которому Мать-Земля дала сто плеч и сто рук, чтобы бросать скалы на богов и завоевывать небо; когда я привязал дерзкого Тифоея там, где Тирренское море сливается с Ионическим, прикрепив его на острове Тринакрии²⁶, назначив остров вечной гробницей для живого тела титана. Недаром говорит поэт:

*Остров просторный Тринакрии был на
гигантовы члены
Навален, и своей громадной тяжестью давит
Он Тифоея, дерзнувшего место искать среди эфира.
Все ж упирается он и силится часто подняться:
Но десную его Авзонский Пелор прикрывает,
Левую - ты вот, Пахин; Лилибеем придавлены ноги,
Голову Этна теснит, под коею навзничь лежащий*

24. «Матерь Энеева племени...» – у Джордано Бруно приведены в вольном переводе 9 первых стихов из поэмы Лукреция «О природе вещей»; здесь приведено 13 первых стихов в переводе Рачинского (изд. Скорпион).

25. Бриарей и Тифоей, или Тифей, – титаны, сыны земли, «дерзнувшие места искать среди эфира», как говорит о них Овидий, и восставшие на богов.

26. «Тринакрия» – о. Сицилия.

*Тифоей изрыгает песок и пламя из пасти*²⁷.

Я, что на другого гиганта бросил остров Прочиду, я, который укротил дерзость Ликаона и вовремя Девкалиона затопил землю, восставшую на небо, и еще многими иными славными подвигами показавший себя достойнейшим своей власти, вот теперь не нахожу сил противостоять каким-то жалким людишкам, и приходится мне, к великому своему позору, предоставить мир на волю случая и фортуны. Так что всякий, кто лучше за нею гонится, успевает и кто ее побеждает, наслаждается. Я стал теперь тем эзоповским львом, которого безнаказанно лягает осел, а за ним и бык. Я сейчас вроде бесчувственного чурбана, к которому свинья идет чесать свое грязное брюхо.

Знаменитейшие оракулы, святилища и алтари, какие были у меня, теперь повергнуты наземь и самым позорным образом поруганы, а вместо них воздвигнуты жертвенники и статуи тем, кого я стыжусь назвать, ибо они хуже наших сатиров и фавнов и других полужверей, они даже подлее египетских крокодилов: те все же – под руководством магов – показывали собою некие знамения божества, а эти – суцая пыль земли! Произошло это все по несправедливости враждебной нам Фортуны, которая избрала и возвысила их не столько для того, чтобы почтить их, сколько для вящего нашего унижения, посрамления и позора. Законы, статуты, культы, таинства, жертвоприношения и церемонии, которые я дал через своих посланников Меркуриев, которые я учинил, назначил, установил, расстроены и уничтожены. Вместо них учиняются самые грязные и не достойнейшие подлости, какие только смогла выдумать эта Слепая, чтоб сделать людей, которые благодаря нам становились героями, хуже зверей. До нашего носа не достигает больше запах жареного, приготавливаемого на жертвенниках, так что, если иной раз захочется поесть, отправляйся на кухню, как нищенка.

И хотя кое-где алтари курятся еще ладаном (*quod dat avara manus*)²⁸, все же я боюсь, как бы мало-помалу этот дым не развеялся дымом, не оставив после себя больше никаких следов от наших святых обрядов. Мы знаем хорошо по опыту, что мир точь-в-точь как ретивый конь. Узнай он, что его оседлал ездок, не умеющий ловко править, он исполнится презрения и попытается сбросить с седла такого седока, а сбросив, начнет его лягать копытами.

Вот у меня сохнет тело, и разжижается мозг; сыплется песок, и падают зубы; золотится кожа, и серебрится волос; расширяются зрачки, и укорачивается зрение; слабеет дыхание, и усиливается кашель; при ходьбе я трясусь, а сидя цепенею; трепещет мой пульс, и твердеют ребра; суставы мои ссыхаются, и связки разбухают, и, наконец, что меня больше всего мучит, мозолятся пятки, и размягчаются лодыжки:

*Юнона моя не ревнует меня,
Юнона моя уж не любит меня.*

О твоём Вулкане, оставляя в стороне прочих богов, рассуди сама. Где теперь сила моего кузнеца, а твоего супруга, который, бывало, с такой мощью потрясал крепкую наковальню, чьим громовым ударам, выходившим из огнедышащей Этны на кругосвет, отвечало Эхо от пещер окруженного полями Везувия²⁹ и от скалистого Табурна? Неужели эта сила исчезла? Неужели исчезла? Неужели он не в состоянии раздуть мехи и зажечь огонь? Неужели нет сил поднять тяжелый молот и ковать раскаленный металл?

Да и ты, сестра, если все еще не веришь другим, спроси у своего зеркала и увидишь, как из-за морщин, прибывающих на твоём лице, и из-за борозд, что проводит на нем плуг времени, тебя с каждым днем все труднее рисовать правдивому художнику, который захотел бы рисовать тебя с натуры.

27. Остров просторный...» – стихи из Овидия, пятой книги, в переводе Фета; в тексте у Джордано – вольный перевод.

28. «*quod dat avara manus*» – что дает скупая рука.

29. Табурн – как и Везувий, гора в окрестностях Нолы, родного города Бруно.

На твоих щечках там, где ты при каждой улыбке открывала две прелестные ямочки, два круга, две точки, которые, когда ты улыбалась улыбкою, освещавшей весь мир, делали в семь раз очаровательнее твое лицо, и откуда так же, как из твоих очей, ты шутя бросала столь острые и пламенные стрелы Амура, там теперь, начиная от углов рта, с той и другой стороны, стали вырисовываться четыре скобки, что своими двойными полуокружными арками охватывая рот, тем самым мешают тебе смеяться и, протягиваясь от зубов к ушам, дают тебе сходство с крокодилом. Не говоря уже о том, что твой внутренний геометр, который смеется или нет – сушит в тебе жизненную влагу и, сближая все тесней и теснее кожу с костями, утончая покровы, все резче и резче выписывает на лице твоём четыре параллели, тем самым указывая тебе прямой путь к смерти...

Что ты плачешь, Венера? Чего смеешься, Мом?» – сказал Юпитер, заметив, как один оскалил зубы, а другая залилась слезами.

«Еще Мом помнит, как один из шутов (каждый шут обычно шутя говорит больше правды своему государю, чем весь его двор, и услугами шутов пользуются те, кто не смеет высказаться открыто) говорил, будто Эскулап, вырвав у тебя два гнилых зуба, заменил их песком из оленьего зуба и кораллом и будто сделал это так секретно, что теперь нет петрушки на небе, который бы не знал этого. Видишь, милая сестра, как нас укрощает предательское время, как все мы подвержены изменениям. И больше всего меня удручает то, что у нас нет ни надежды, ни уверенности вернуться вновь в то самое состояние, в каком мы так долго были. Мы уйдем, но вернемся уже не теми же самими. И как мы забыли о том, чем были раньше своего теперешнего состояния, так не можем узнать, что с нами будет впереди.

Точно так же и страх, и благочестие, и религия наша, почитание, уважение и любовь к нам уходят прочь, а вместе с ними сила, провидение, доблесть, достоинство, величие и красота, исходившая от нас, исчезнут, как тень, вместе с телом. Одна истина с совершенною добродетелью неизменна и бессмертна, и, если бывает, что ее гонят и скрывают, то все же с неизбежностью она воскресает в свое время с помощью служанки своей Софии.

Остережемся же и не оскорбим божество судьбы, причинив обиду этим двум божествам – Близнецам, этому двойному божеству, которое так возлюбила и одарила судьба своим покровительством. Поразмыслим о нашем будущем состоянии и не будем подобны тем, кто мало чтит всеобщее божество судьбы, но вознесем наши сердца и чувства к этому щедрому подателю всякого добра и распределителю всех жребиев. Станем молить ее, чтоб при нашем переходе или перевоплощениях нам достались счастливые гении. А если она и неумолима, то все же нужно молить ее о том, чтоб остаться или в теперешнем положении, или перейти в другое, лучшее, или подобное, или немного худшее. Добрые чувства к верховному Существому есть как бы залог грядущих милостей от него.

Подобно тому как предназначенного быть человеком естественно и необходимо судьба ведет через чрево матери, как дух, предназначенный воплотиться в рыбу, прежде всего должен попасть в воду, так тому, кто предназначен быть угодным божеству, приличествует пройти путем добрых обетов и молитв».

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ПЕРВОГО ДИАЛОГА

Такими словами, то и дело прерывая их вздохами, великий Отец небесного отечества закончил свою беседу с Венерой и обратил предположение устроить бал в предложение созвать великий совет богов круглого стола; то есть не подставных богов, но настоящих, у кого голова совета, а не тех, у кого бараньи головы, бычачьи рога, козлиная борода, ослиные уши, козьи лбы, куриные желудки, лошадиные животы, ноги мула и хвост скорпиона.

Поэтому, как только Мизен³⁰, сын Эола (ибо Меркурий с презрением отказался быть, как прежде, глашатаем и вестником приказов), провозгласил о воле Юпитера, все боги, разошедшиеся было по дворцу, быстро очутились в сборе. И вот, когда наступило молчание, когда после всех уже сам Юпитер с печальным и грустным видом, но вместе и с высоким самообладанием, с властительным величием шествовал на свое место, как раз перед тем, как ему взойти на солею и появиться в трибунале, вынырнул Мом и заявил со своей обычной развязностью Юпитеру так тихо, что все услышали, следующее:

– Это собрание должно быть перенесено на другой день и в иные условия, Отче. Зазвать на конклав в такое время, сейчас же после пира, – такая насмешка кажется мне делом рук твоего нежно любимого секретаря. Ведь нектар, плохо переваренный желудком, не успокаивает и укрепляет, но изменяет и удручает природу, смущает воображение, одних делая беспричинно смешливыми, других – беспорядочно веселыми, третьих – суеверно набожными, четвертых – попусту героическими, пятых – холериками, шестых – строителями воздушных замков, – и все это до тех пор, пока вместе с полным испарением одних и тех же паров чрез различно усложненные мозги всякое воздействие исчезнет и рассеется как дым. Сдается мне, Юпитер, тебя вывели из равновесия и огорчают какие-то странные неопределившиеся еще мысли. Всяк осудит тебя за это без снисхождения, хотя я один осмеливаюсь сказать тебе, побежденному и мучимому мрачной меланхолией: зачем было звать нас на совет без заблаговременного предупреждения, в праздничный день, после обеда, после хорошей еды и выпивки? Как при всех этих обстоятельствах хотите вы трактовать о вещах – сколько я могу понять и, так сказать, вынюхать – очень важных?

Так как не в обычае, да и не особенно дозволялось прочим богам оспаривать Мома, то Юпитер, бросив на него полунасмешливый, полупрезрительный взгляд и ни слова не ответив, взошел на высокую кафедру, сел и оглядел венки собравшегося Великого Сената. Под этим взглядом у всех забились сердца и от удивления, и от ошеломляющего страха, и от полноты уважения и почтения, какие возбуждает в смертных и бессмертных грудях величие. Затем, опустив несколько брови и подняв зеницы вверх, Юпитер, вздохнув полной грудью, разразился следующей речью.

30. Мизен – трубач в войске Энея. Погиб после высадки на итальянский берег. Могила его в Неаполитанском заливе – знаменитый Мизенский мыс – Capo Miseno – западная оконечность залива.

РЕЧЬ ЮПИТЕРА

Не ждите, о боги, чтобы я, по своему обыкновению, ударил вам в уши искусственным вступлением с вычурной нитью повествования и с изящным объемистым заключением. Не надейтесь на разукрашенную ткань слов, гладко вылощенную вереницу мыслей, на богатое снаряжение изящных предложений, на пышное великолепие разработанных периодов и на то, чтоб я, согласно ораторским правилам, трижды закруглил свои взгляды, прежде чем их высказать: «Non hoc ista sibi tempus spectacula poscit»³¹.

Верьте мне, ибо будете верить истине, уже двенадцать раз восполнила свои посеребренные рога целомудренная Люцина³², прежде чем я остановился на решении созвать это собрание сегодня, в тот час и при тех условиях, какие видите. И так как был занят главным образом тем, о чем я, к сожалению, должен умолчать, то мне не пришлось обдумать свою речь. Слышу, вы удивлены: почему в такое время, оторвав вас от ваших досугов, я пригласил вас тотчас после пира на неожиданное совещание? Чувствую: вы ропщете на то, что в праздничный день в ваши сердца толкнулись важные дела, и нет никого из вас, кто не был бы обеспокоен звуками труб и возгласием эдикта. Но я, хотя все это и произошло по моей воле, а моя воля и приказание есть основа справедливости, все-таки прежде всего не премину освободить вас от изумления и смущения. Медленны, говорю я, серьезны и вески должны быть предложения, зрелы, тайны и осторожны обсуждения, но зато исполнение должно быть крылатым, скорым и быстрым. Поэтому не думайте, якобы мной за обедом овладело какое-то странное настроение, связавшее и покоровившее меня после обеда, так что я не по зрелом размышлении, а под влиянием нектарных паров взялся за дело. Напротив, ровно год тому назад, с этого самого дня, приступил я про себя к рассмотрению всего того, что я изложу сейчас и сегодня. Потому после обеда, что не в обычае приносить плохие известия на голодный желудок; неожиданно, ибо очень хорошо знаю, вы не так-то охотно, не как на праздник, ходите на совет, и многие из вас весьма упорно их избегают: одни, боясь нажить себе врагов; другие, не умея разобраться, где победители и где побежденные; кто из страха, что отвергнут его предложения; кто в обиде на то, что его мнений иной раз не одобряют; кто, чтоб заявить себя нейтральным в щекотливых вопросах, которые затрагивают враждующие стороны; кто, чтобы не отягощать своей совести; эти – по одной, те – по другой причине.

Итак, напоминаю вам, братья и сыны: кому судьба дала право вкушать амбросию, пить нектар и наслаждаться величием, на тех вместе с тем падают все тяготы величия. Диадема, митра, корона не дают чести главе, не отягощая ее; царский скипетр и мантия не украшают, не изнуряя тела. Вам хочется знать, почему я избрал праздничный и именно сегодняшний день? Неужели же, неужели, по-вашему, в этот день можно праздновать? Разве этот день не должен быть самым трагическим днем всего года? Кто из вас, хорошенько подумавши, не назовет позорнейшим делом праздновать память победы над гигантами в то время, как нас презирают и позорят земные отребья? Лучше бы всемогущей судьбе угодно было изгнать нас с неба тогда, когда враги наши еще не унизили нас так своею доблестью и достоинством и не обличили наших изъязнов. Гораздо лучше бы нам сейчас здесь не быть, гораздо лучше бы, если б нас тогда изгнали, ибо страх перед нами, который делал нас такими славными, исчез; разбито благоговейное отношение к нашему величию, предвидению и справедливости, и, что всего хуже, у нас нет ни возможности, ни сил поправить несчастье, искупить наш позор, ибо справедливость, при помощи которой судьба управляет правителями мира, отняла у нас весь наш авторитет и власть, коими мы не умели пользоваться; открыла, обнаружила, обнажила перед глазами смертных все наше недостойное поведение, заставив самое небо с такою же очевидностью, как ясны и очевидны звезды, свидетельствовать о наших преступлениях.

31. «Non hoc ista...» – К зрелищам время теперь не к таким призывает. (Вергилий, Энеида. Кн. VI. Пер. Фета).

32. «Целомудренная Люцина» – Диана.

Не на небе ли можно видеть открыто плоды, реликвии, доносы, голоса, писания, истории наших кровосмесительств, разврата, растлений, гнева, презрения, похищений и прочих неправд, и преступлений, и, что горше всего, какое мы допустили величайшее заблуждение, вознеся с триумфом на небо пороки и посадив их там, а справедливость и добродетели заставив терпеть изгнание, быть в небрежении, в самой преисподней!

Начну с малого, с простительных прегрешений: почему это Дельтатон³³ – я говорю о Треугольнике – получил себе четыре звезды, вблизи головы Медузы под задней частью Андромеды и над рогами Овна? Да чтоб показать, что пристрастие есть и у богов. Что делает Дельфин³⁴ рядом с Козерогом, на севере от него владея 15 звездами? Он тут, чтоб любовались на вознесение того, кто был хорошим маклером, чтоб не сказать сводником, между Нептуном и Амфитритой. Почему семь дочерей Атланта³⁵ расселись вверх над самой шеей белого Быка? Чтоб, оскорбляя величие всех нас – прочих богов, вечно чваниться тем, что их отец поддерживает нас и разваливающееся небо, или чтобы просто было бы на чем показать легкомыслие божеств, которые их туда водворили. Почему Юнона украсила Рака³⁶ 9 звездами, не считая 4 ближних, не составляющих созвездия? Да только по прихоти, за то, что он ущипнул Геркулеса, когда тот сражался с чудовищем. Кто мне сумеет дать другое объяснение, кроме бессмысленного повеления богов, в силу которого Змеебык, называемый нами, греками, Змеедержец, приобрел со своею змейкой поле в 36 звезд? А что за важный и удобный повод у Стрельца³⁷ захватить 31 звезду? Да тот, что он сын Евфимии – няньки и кормилицы Муз. Почему же не матери? Потому что он сверх того умел плясать и забавлять бездельными играми. Почему Водолей владеет 45 звездами около Козерога? Не за то ли, что спас дочь Венеры Фацету, вытасченную из пруда? Но почему же это пространство отдано не тем, кому мы, боги, так многим обязаны, и кто, несмотря на это, лежит в земле, почему их предпочли оказавшему услугу, недостойную такого большого вознаграждения? Потому что так было угодно Венере.

Ну, а Рыбы... пусть они заслужили некую мзду за то, что достали из реки Евфрата яйца, высиженные голубкой и возбуждавшие жалость у богини Патоса³⁸, но тем не менее разве, по-вашему, их стоило за это украсить 34 звездами, не считая 4-х около, разве стоило им дать обиталище вне воды, в самой знаменитой области неба?

33. Дельтатон – треугольник. Дельта – знак и символ Минервы. В системе пифагорейцев Минерва была олицетворением числа трех и обозначалась треугольником. В Теогонии Гезиода сказано о Минерве (Афине):

*Ему же самому (Зевсу) из главы родилась светлоокая
Тритогаейя.*

*Страшная, возбуждающая смятение,
войскам повелевающая, неутомимая,
Глубокопочтимая, которую веселят*

шум и гул войны и битвы.

В индийской мифологии Кришна изображается с треугольником в распростертой руке. Естественно, что Бруно берет здесь треугольник пристрастия, вражды и спора меж богами.

34. Дельфин – Нептун прельстился Амфитритой, по сказанию Гигинуса (Astr. XVII), но она презрела его искания и убежала к Атланту. Тогда Нептун (Посейдон) отправил сватов к Амфитриту; среди них очень искусным оказался Дельфин, который сумел уговорить Амфитриту и заслужил за то вечную благодарность от владыки морей.

35. «Семь дочерей Атланта» – Гиადы и Плеяды; первые дочери Атласа от Этры, вторые – от Плио. Одна из Плеяд – Майя – родила от Юпитера (Зевса) Меркурия (Гермеса).

36. Рак – как передает Гигинус в своей астрономии (XXIII), был вознесен Юноной на небо за то, что ущипнул Геркулеса в пятку, когда тот сражался с Лернейскою гидрою, – и был убит тут же на месте разгневанным Геркулесом.

37. «Стрельца» – у Гигинуса (Astr. II) написано: «Некоторые утверждают, что это был некто, именем Крот, сын Евфимии, кормилицы Муз. Он жил, по представлению драматурга Созисфена, на горе Геликон и, забавляясь обычно играми с Музами, нередко предавался охотничьему ремеслу».

38. Богиня Патоса (город на о. Кипре) – Афродита, как она преломилась в сознании греков под влиянием сирийских культов. Это та самая «четвертая Венера», как говорит Цицерон (De natura deorum, lib. III, 59), дочь С и р и и Кипра, которая называется Астарта».

Чего ради Орион³⁹ во всеоружии, растопырив руки, бьется один-одинешенек в венке из 38 звезд, в южной широте около Быка? Он там просто по прихоти Нептуна. Тому мало было одарить его преимуществами на воде, где у Нептуна законная власть, нет, он еще – вне своей вотчины – хочет выдвинуть Ориона при столь малых задатках.

Заяц, Большой Пес и Малый, как вы сами знаете, получили 48 звезд в южной части неба за какие-то мелочи, вроде тех, что заставили вас приблизить к себе Гидру, Чашу и Ворона⁴⁰, одаренных 41 звездой. Ворон... не в память ли того, как его послали однажды боги за питьевой водою, а он на пути увидел фиговое дерево и на нем фиги. Измученный голодом Ворон стал ждать, когда плоды созреют, и, только напившись, вспомнил о воде, полетел набрать в клюв воды, увидел там дракона, испугался и воротился к богам с пустым зобом. А боги, чтоб засвидетельствовать свою находчивость и ум, написали на небе историю о столь прелестном и ловком слугителе. Не правда ли, мило мы расходовали свое время, чернила и бумагу?

А Южную Корону, что видна под луком и ногами Стрельца разукрашенная 13 сверкающими топазами, кто ее предназначил быть вечно не при голове? Зачем это вам понадобилось придать прелестный вид из 12 светил с шестью другими около этой южной рыбе, поместившейся под ногами у Водолея и Козерога⁴¹? Об Алтаре, или башенке, или жертвеннике, или святилище, – зовите как угодно – я уже не говорю, ибо сейчас ему более, чем когда-либо, приличествует быть на небе, так как на земле для него нет места: теперь ему здесь хорошо, как реликвии или даже как памятнику над потонувшим кораблем нашей религии и культа.

О Козероге я не скажу ничего, ибо, мне кажется, он по достоинству занимает небо. Не он ли оказал нам столько услуг: ведь только благодаря его наставлениям мы смогли победить Тифона⁴², ибо богам нужно было превратиться в зверей, если они хотели выйти с честью из той войны; и Козерог преподавал нам науку войны, научив нас, что нельзя побеждать, если не умеешь становиться зверем.

Не говорю и о Деве, ибо только в небе она может сохранить свою девственность, только там она вне опасности под стражей с одной стороны Льва, с другой – Скорпиона. Бедняжка сбежала с земли, ибо вследствие чрезмерной похотливости и страстности женщин, которые обычно чем больше беременеют, тем более стремятся к соитию, она не могла быть в безопасности от осквернения даже во чреве матери. Да наслаждается же своими 26 алмазами и еще 6-ю около!

39. Орион – сын Нептуна; имел чудесный дар погружаться и жить в воде. В него влюбилась Диана. Аполлон приревновал и, обладая более зорким зрением, чем Диана, подзадорил ее стрелять в темное пятно на воде. Диана, сделавшись невольной убийцей своего любимца, вознесла его на небо. (Hygin. Astr. XXXIV).

40. «Приблизить к себе Гидру, Чашу и Ворона» – у Гигинуса (Astr. XV) написано: «Над Гидрою сидит Ворон, и рядом с ним поставлена Чаша. Ворон был слугою Аполлона. Когда тому понадобилась вода для жертвоприношения, он послал Ворона принести свежей воды. На пути Ворон увидел дерево с неспелыми фигами. Томимый жадностью к фигам, Ворон остался на дереве ждать, пока поспеют плоды, и только, когда фиги уже созрели и были съедены почти все обжорою, тогда Ворон явился к Аполлону с полною чашею. Аполлон, которому пришлось самому достать себе воды, наказал Ворона: пока спеют фиги, не пить воды, – и поставил между Вороном и Чашей змею Гидру, для того чтобы она отгоняла от Чаши жаждущего Ворона».

41. Козерог – считался олицетворением козлоногого бога Пана и в то же время молочным братом Юпитера, выкормленного козю. Вовремя Гигантомахии он нагнал такой страх на гигантов, что выражение «панический страх», «паника», по мнению Гигинуса, получило отсюда всеобщее распространение. По другой версии, когда губитель Тифон пришел в Египет, то все боги из страха перед ним приняли на себя различные звериные обличья: Меркурий обернулся ибисом, а Пан нырнул в воду, причем нижняя часть тела стала рыбьей, а верхняя – козлиной. Оборотничество спасло богов от Тифона.

42. «Тифона» – так по высказанной Джентиле в примечании к тексту догадке; в тексте: «Пифона».

О безмерном величии сих двух ослов, кои светят в пространстве, принадлежащем Раку, не смею говорить, ибо и по праву, и по разуму всего более – таковых есть царствие небесное, как я это докажу в другом месте⁴³ наисильнейшими доказательствами, не осмеливаясь о такой важной материи говорить попутно. Об одном только очень горюю, что с этими божественными животными обращаются так скаречно: им не дали собственного помещения, но посадили в гостях у этого зада, ходящего животного и дали им нищенское вознаграждение в две звезды, по звезде на каждого, и обе не больше четвертой величины.

Стало быть, об Алтаре, Козероге, Деве и Ослах (хотя мне и не нравится, что поступили с некоторыми из них не по достоинству и скорее обидели, нежели почтили) не хочу сейчас говорить окончательно. Перехожу к другим, подлежащим нашему обсуждению, кои идут в тот же счет, что и вышеупомянутые.

Неужели вы хотите, чтоб все прочие земные реки возроптали на вас за то, что вы обошли их? В самом деле, почему это предпочли вы Еридан⁴⁴ всем другим, не менее достойным и великим и даже другим, более достойным и великим рекам, и почему это он один получил 34 светоча, которые виднеются по сю и по ту сторону тропика Козерога? Неужели, по-вашему, достаточно сказать, что там жили сестры Фазтона? Или, может, желаете эту реку прославить за то, что в ее воды упал сраженный моей молнией сын Аполлона, когда тот злоупотребил отцовским саном, влиянием и властью?

Почему это конь Беллерофонта⁴⁵ вскочил наверх и облечен властью над 20 звездами на небе, в то время как всадник лежит погребенным в земле? Чего ради Стрела со своими 5 яркими звездами светит вблизи Орла и Дельфина? Не для того ли, чтоб обидеть, убрали вы ее от Стрельца, так что, когда у него выйдут в колчане все стрелы, он не сможет воспользоваться ею, или же просто для того, чтобы ей не быть там, где есть хоть какой-нибудь смысл ее пребывания на небе.

Далее я желал бы знать, зачем между шкурою Льва и головою этого милого белого Лебеда находится Лира, сделанная из рогов быка в форме черепахи. Хотел бы я знать, пребывает ли она для прославления черепахи, или рогов, или лиры, или же, чтоб всякий любовался мастерством Меркурия, который сделал ее во свидетельство своего легкомыслия и пустого хвастовства.

Вот, о боги, наши дела, отборные наши рукоделья, коими прославили мы себя на небесах. Не правда ли, как мало они отличаются от тех игрушек, что обычно устраивают дети, когда, стремясь подражать старшим, торгуют грязью, сучками и соломинками. Разве, по-вашему, не наш долг – указать смысл и отдать отчет во всем этом? Разве вы не убеждены, что нас одинаково будут уличать, допрашивать, судить и осуждать за наши праздные дела, как за наши праздные слова?

43. «Я это докажу в другом месте» – намек Бруно на свое произведение «Каббала Пегасского коня» (Cabala del cavallo pegaseo). Ослами назывались две звезды в голове созвездия Рака.

44. Еридан – мифическая река, в которую упал Фазтон, сраженный молнией Юпитера.

45. Конь Беллерофонта – крылатый Пегасский конь. Убив нечаянно одного коринфского гражданина, Беллерофонт бежал к царю Прету. Супруга царя Антея полюбила юношу и, так как он не поддавался на ее чары, оклеветала его перед царем. Боясь наложить сам руки на гостя, Прет отослал его к тестю своему, ликийскому царю Иобату с письмом-дощечкой, на коей были начертаны «злосоветные знаки».

Много на дщице складной начертал их, ему на погибель:

(Илиада. Кн. VI).

Иобат послал Беллерофонта убить Химеру:

«Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру

Лютую, коей порода была не от смертных:

Лев головою, задом дракон и коза серединой».

С помощью Афины юноша завладел крылатым конем Пегасом и убил Химеру в Ликийских горах. Возгордившись постоянной удачей, Беллерофонт хотел подняться к богам, но Зевс привел в ярость коня, и Пегас сбросил его на землю. По Гигину (Astr. XVIII), Беллерофонт уже совсем достиг неба, но взглянул на землю – испугался и полетел вниз. Конь же был вознесен на небо.

Богиня Справедливости, богиня Умеренности, богиня Постоянства, богиня Щедрости, богиня Терпения, богиня Истины, богиня Знания, богиня Мнемозина, богиня София и все прочие богини и боги изгнаны не только с неба, но и с земли, а вместо них в пышных дворцах, воздвигнутых для их местопребывания высоким Провидением, теперь находятся дельфины, козы, коршуны, змеи и прочая грязь, легкомыслие, причуды и глупости.

Если нам кажется это неудобным и нас грызет и упрекает совесть за то добро, какое мы не сумели сделать, то насколько более – вы должны в этом согласиться со мной – заслужили мы наказания и осуждения за те тяжелейшие злодеяния и преступления, совершив которые, мы не только не раскаялись, не только не искупили их, но, мало того, в честь их торжественно справили триумфы и воздвигли их, как трофеи, не на каком-нибудь жертвеннике, тленном и разрушаемом, не в земном храме, но на небе и вечных звездах. Можно терпеть, о боги, и можно легко отпускать грехи немощи и малорассудительного легкомыслия, но какое милосердие и снисхождение таким грешникам, кои, будучи поставлены блости справедливость и воздавать за преступнейшие прегрешения, совершают сами еще большие, так как чествуют, награждают и возносят на небеса преступления вместе с преступниками?

За какое великое и доблестное деяние получил Персей⁴⁶ 26 звезд? За то, что, в сандалиях и с хрустальным щитом-невидимкою, он, подслуживаясь раздраженной Минерве, умертвил спящих Горгон и принес ей в подарок голову Медузы⁴⁷. И мало его одного – понадобилось на долгую и славную память посадить сюда еще с 23 звездами жену его Андромеду, да еще с 13 звездами зятя Цефея, что предал свою невинную дочь поцелуям морского чудовища из-за Нептунова каприза, так как тот рассердился на ее мать Кассиопею⁴⁸, зачем она считала себя красивее Нереид. Поэтому и мать можно видеть тут же сидящей на троне, который украшен 13 звездами, на границах Полярного круга.

А этого отца златорунных ягнят⁴⁹ кто заставил танцевать на равноденственной точке, с его 18 звездами, не считая тех, что около? Уже не для того ли он там, чтобы свидетельствовать о дурачливости и неряшестве царя Колхиды, о бесстыдстве Медеи, о похотливой разнузданности Ясона и о несправедливом провидении всех нас? Эти два юноши, следующие в Зодиаке за Быком⁵⁰, со своими 18 звездами, не считая неясных семи около, чему хорошему или доброму могут научить, если не взаимной любви меж двумя подростками? За что это одарен 21 звездой Скорпион, не считая 8-и в клешнях и трех неясных?

46. Персей – сын Юпитера и Данаи. О нем у Овидия в четвертой книге Метаморфоз.

47. Медуза – самая страшная из сестер Горгон. Из мести обезображенная Минервой, она была так ужасна, что окаменяла своим взором все. После пира Персей сам рассказывает о своем подвиге такими словами:

*...и долго бродя по пустынным
Диким местам и утесам, покрытым лесом дремучим,
Дома Горгон он достиг; и кругом по полям и дорогам
Видел образы он и людей, и животных, которым
Окаменеть всем пришлось, как есть, при виде Медузы.
Он же в медном щите, что был на руке его левой,
На отражаемый лик смотрел ужасной Медузы.
А как тяжкий сон овладел змеями и ею,
Голову с шеи сорвал. Пегас, проворный крылами,
С братом своим родились из крови матери тотчас.*

(Овидий. Превращение. Кн. IV. Пер. Фета)

48. Кассиопея – супруга Цефея, раздражила Нереид тем, что считала себя и свою дочь Андромеду красивее дочерей Нептуна. Те пожаловались отцу своему, и он наказал страну Цефея наводнением и чудищем. По словам оракула, для умиловления Нептуна царскую дочь надо было принести в жертву. Андромеда была прикована к скале у моря, но ее спас Персей.

49. «Отец златорунных ягнят» – созвездие Овна.

50. «Два юноши – следующие в Зодиаке за Быком» – созвездие Близнецов: Кастора и Поллукса.

В награду за убийство, которое по зависти и легкомыслию устроила Диана, заставившая Скорпиона убить своего соперника, охотника Ориона. Хирон⁵¹ со своим зверем получил, как вы хорошо знаете, 66 звезд в южных широтах неба за то, что был воспитателем сына, рожденного от кровосмешения между Пелеем и Фетидой⁵².

Знаете вы, что венец Ариадны⁵³, в котором блещут 8 звезд и который сияет перед грудью Волопаса и кольцами Змеи, там единственно ради вечного воспоминания о беспорядочной любви отца Либеры⁵⁴, который сошелся с дочерью критского царя, отвергнутой насильником Тезеем.

Этот Лев, с василиском в сердце, ради чего получил здесь рядом с Раком область в 35 звезд? Не затем ли, чтоб быть вместе со своим соратником и сорабом гневной Юноны? Не приспособила ли она этого Льва к опустошению Клеонской страны, пока он не дождался себе на голову прибытия мужественного Алькида?

Говоря по правде, кажется мне неудобным, чтоб непобедимый Геркулес, мой трудолюбивый сын, занимал это место несмотря на то, что своими многочисленными подвигами, казалось, он заслужил его больше всех и что со своей львиной шкурой и палицей он как бы защищает свои 28 звезд; все же не годится ему быть тут, ибо отсюда он свидетельствует пред очами справедливости об оскорблении, какое я нанес брачным узам своей Юноны – я и моя любовница Мегара⁵⁵, мать Геркулеса.

Корабль Арго⁵⁶ со своими 45 яркими звездами, что вбиты в него, – не для того ли там в обширном поле, соседнем с Антарктическим полярным кругом, чтоб увековечить великую ошибку мудрой Минервы, создавшей вместе с ним первых пиратов, так что и на море, как и на земле, появились проворные разбойники?

51. Хирон – также называемый Кентавром, был воспитателем Ахиллеса.

52. Фетида – или Тетис (греч. Τηθύς), одна из Нереид, мать Ахиллеса.

53. «Венец Ариадны» – Минос, критский царь, наложил на афинян ежегодную дань – доставлять по 7 юношей и девиц в Крит на съедение чудовищу Минотавру. Герой Тезей устроил так, что на него выпал жребий, и явился к Миносу. Дочь Миноса – Ариадна, влюбившись в Тезея, снабдила его мечом и клубком нити, при помощи которой он мог выбраться из лабиринта, убив Минотавра.

*И при помощи девы никем не найденная прежде
Трудная дверь найдена была с указующей нитью:
Тотчас похитив Эгид (Тезей) Минаиду, к Дию направил
Бег корабля и свою сопутницу бросил жестокий
На ее берегу. Но оставленной и возопившей
Либер объятья принес и помощь; а чтоб вековечно
Славной созвездьем ей быть, с чела ее взявши корону,
Взбросил на небо ее.*

(Овидий. Превращение. Кн. VIII).

54. «Любви отца Либеры» – Вакха. Либер, или Лией, – прозвище Вакха, как освободителя и разрешителя от всех забот и печалей.

55. Мегара – Алкмена, мать Геркулеса.

56. «Корабль Арго» – «Затем позади хвоста Большого Пса, согласно звездному расписанию, находится Корабль, что, как говорят, по милости Минервы, оставлен среди звезд, ибо это она сделала первый корабль, – и море, бывшее раньше для людей бездорожным, стало с тех пор большою дорогою, благодаря уму мореплавателей». Германик, Схолия. С кораблем Арго связан один из самых интересных и волнующих мифов древности – о походе аргонавтов в Колхиду за Золотым руном. Целый цикл героических сказаний до сих пор живо дает чувствовать современному читателю, с каким энтузиазмом совершенно было завоевание морской стихии, и человек сделался бесстрашным пловцом и исследователем новых стран. Предводителем аргонавтов был Язон. В числе его спутников были певец Орфей, прорицатель Амфиарай, Кастор и Полидевк, Теламон и Пелей, Геракл, Мелеагр, Тезей, Лаэрт и др. – весь цвет Греции. Колхидой правил могущественный царь Аэт, сын Солнца (Гелиоса). Медея, дочь Аэта, влюбившись в Язона, помогла ему укротить быков, побить витязей, рождавшихся из зубов дракона, и, наконец, усыпить недремлющего стража Золотого руна, чудовище-дракона. Язон увез Медею с собою в Элладу, женился на ней, но, когда она стала стариться, охладел к ней, променяв ее на юную и прекрасную Главку, дочь коринфского царя. Медея, жестоко отомстив отцу своей соперницы и самой Главке, убив в гневе обоих сыновей своих от Язона, вернулась к отцу в Колхиду. А Язон не пережил гибели своего славного корабля Арго.

И, возвращаясь снова туда, где протянулся небесный пояс, почему это Бык получил 32 ясные звезды у начала Зодиака, не считая той, что на кончике северного рога, и 11 других, называемых тусклыми? Да потому, что есть такой Юпитер, – о, горе мне! – который похитил дочь у Агенора, сестру у Кадма⁵⁷. Что это за Орел, завладевший на небесной тверди атриумом в 15 звезд по ту сторону Стрельца к полюсу? Увы! Есть такой Юпитер, что справляет там торжество похищения Ганимеда и своей победной пламенной любви.

Эта Медведица, эта Медведица, о, боги, почему она в самой лучшей, в самой красивой части неба, почему поставлена здесь, как бы на некоей высокой башне, как бы на самой открытой площади и для самого славного зрелища, какое может представиться во вселенной нашим очам? Неужели затем, чтобы не было очей, которые бы не видели, какой пожар охватил Отца богов после земного пожара из-за колесницы Фазтона в тот самый миг, как я ходил, осматривая разрушительные следы огня, исправлял все, вызывая реки, с испуга разбежавшиеся по пещерам, когда я только что занялся своей любимой страной Аркадией, – вдруг другой огонь зажегся у меня в груди от блеска девичьего лица Нонакрины⁵⁸, вошел в меня через очи, сжал сердце, разгорячил кости и проник в самый мозг костей, так что ничем – ни водой, ни зельем – нельзя было помочь мне и охладить мой огонь. В этом огне была стрела, что пронзила мне сердце, цепь, что сковала мою душу, и коготь, что зацепил меня и отдал на добычу ее красоте. Я совершил безбожное насилие, я опозорил подругу Дианы и оскорбил мою преданнейшую супругу. Когда же она обратила ту, из-за которой в избытке своих чувств я нарушил верность, и представила мне ее в образе и под видом Медведицы, то я не только не почувствовал ужаса перед ее отвратительным видом, наоборот, это самое чудище показалось мне настолько красивым и даже так понравилось, что мне захотелось вознести на самое высокое и великолепное место небесного свода ее живое изображение; вознести этот грех, эту гадость, это ужасное пятно, которое из брезгливости страшится омыть вода Океана, которое Фетида не допускает до себя из боязни заразить свои воды, которому Диана запретила вход в свою пустынь, страшась, как бы не осквернить своей святой коллегии, и, по той же самой причине, не хотят принимать речные Нереиды и Нимфы. Я, несчастный грешник, исповедую свою вину, исповедую свою тягчайшую вину перед беспорочной, совершеннейшей справедливостью и каюсь, что до сих пор я очень много грешил и дурным своим примером еще и вам давал полное разрешение и право делать то же самое; вместе с тем исповедую, что достойно я вкупе с вами навлек на себя негодование судьбы, которая нас за все это не хочет уже признавать богами, а за то, что мы уступили небо разной земной сволочи, попустила разрушить наши храмы, изображения и статуи, какие были у нас на земле, да по заслугам изгнаны будут с неба те, что недостойно вознесли на небо все позорное и низкое.

Увы мне, боги, что делаем? Что думаем? Чего медлим? Мы согрешили, мы упорствуем в своих заблуждениях, и вот идет возмездие, идет, увеличиваясь вместе с заблуждением. Позаботимся же, позаботимся о нашем деле, ибо если судьба отказала нам в невозможности падать, то она же дала нам возможность подняться; если мы так легко сумели упасть, то так же легко снова встанем на ноги. От этого наказания, к коему привели нас наши грехи, и худшего, могущего постигнуть нас, мы можем без труда избавиться путем раскаяния, которое зависит от нас самих. Мы связаны узами прегрешений, но руки милосердия разрешат нас. Да поднимет нас наша серьезность оттуда, куда уронило нас наше легкомыслие. Вернемся к справедливости, ибо, отдалившись от нее, мы отдалились от самих себя, так что мы уже более не боги, мы не есть мы. Возвратимся же к ней, если хотим возвратиться к себе самим.

57. «Дочь у Агенора, сестра у Кадма» – Европу.

58. Нонакрины – Каллисто, дочь царя Ликаона, которая вместе с Дианой охотилась в Аркадии на горе Нонакри.

Порядок и способ нашего исправления такой: прежде всего сбросим со своих плеч тяжелое бремя грехов – нашу обузу; откинем с очей наших завесу непредусмотрительности – нашу помеху; освободим сердце от самолюбивых чувств – нашей задержки; откинем от себя тщетные мысли – нашу тяготу; начнем ревностно разрушать орудие заблуждений и здания развратности, заслоняющие улицы и препятствующие пути; разобьем и уничтожим, насколько возможно, все триумфы и трофеи своих неблагоприятных деяний, да ясно станет справедливому суду наше искреннее раскаяние в совершенных грехах. Горе! Горе! О боги, сбросим с неба эти маски, статуи, фигуры, изображения, картины, процессии и истории нашей жадности, страстности, похищений, злобы, обид и позора. Долой, долой эту темную и мрачную ночь наших заблуждений, ибо прекрасная заря нового дня справедливости зовет нас; приготовимся встретить восходящее солнце, да не застанет оно нас такими, каковы мы теперь. Надо очиститься и стать прекрасными, нужно омыться и очиститься не только нам самим, но и нашим домам и нашим кровлям; очистим и внутреннее наше, и внешнее. Очистим, говорю я, разберемся прежде всего на небе, которое мысленно внутри нас есть, а затем уже в этом чувственном мире, который телесно представляется нашим очам.

Сбросим прочь с неба нашей души Медведицу безобразия, Стрелу развлечения, Конька легкомыслия, Большого Пса ворчания, Малого Пса лести. Выгоним от нас Геркулеса насилия, Лиру заговора, Треугольник не благочестия, Волопаса непостоянства, Цефея жестокости. Прочь от нас Дракон зависти, Лебедь неблагоприятия, Кассиопея тщеславия, Андромеда тоски, Персей хлопотливости. Прогоним Змеебыка проклятия, Орла надменности, Дельфина распутства, Коня нетерпения, Гидру вожделения. Долой от нас Кит жадности, Орион высокомерия, Река роскоши, Горгона невежества, Заяц напрасного страха. Вырвем навсегда из нашей груди Арго – корабль скупости, Чашу невоздержания, Весы неравенства, Реку попятного движения, Козерога обмана. Да не приблизятся к нам Скорпион лукавства, Центавр чувственности, Алтарь суеверия, Корона гордости, Рыба подлого молчания. С ними да скроются от нас Близнецы дурного родства, Бык низменных забот, Овен нерассудительности, Лев тирании, Водолей распушенности, Дева бесплодной беседы, Стрелец развлечения.

Если мы, о боги, очистим наше обиталище, если так мы обновим наше небо, то обновятся созвездия и влияния, обновятся внушения, обновятся судьбы, ибо от сего горнего мира зависит все, а противоположные причины производят противоположные действия. О, воистину блаженны мы, если сумеем устроить сожителство души нашей и мысли. Кто из вас недоволен настоящим положением, да возрадуется настоящему совету. Если хотим изменить положение, изменим обычаи. Если хотим улучшить и украсить жизнь нашу, да не будут обычаи теми же или еще хуже.

Очистим внутреннее чувство, зная, что от просветления внутреннего мира нетрудно пойти дальше к преобразованию чувственного и внешнего. Первое очищение, о боги, вижу – вы его делаете, вы его уже сделали, ваше решение я вижу, я увидел, оно уже принято, только что принято, ибо не успело подвергнуться противодействию времени.

Итак, скорее приступим ко второму очищению, к очищению внешнего, телесного, чувственного и ограниченного. Но приступим к нему с известной подготовкой, последовательностью и в порядке: выждем, согласуем одно с другим, сравним это основание с тем, прежде чем определять, так как о вещах телесных, протекающих во времени, и решение не может быть делом одного мига.

Вот вам трехдневный срок, в продолжение коего вам придется решать и определять между собой не то, должно ли быть это преобразование или нет, ибо волею судьбы, как только я внес вам свое предложение, вы вкупе все нашли его весьма пригодным, необходимым и превосходным; и я не по каким-либо внешним знакам, не по фигуре или тени, но действительно и по истине вижу ваши чувства, как вы в свою очередь видите мои; и как только ваших ушей коснулось мое предложение, блеск вашего согласия достиг моих очей.

Значит, вам остается подумать и обсудить меж собой лишь способ, каким надо приступить к обеспечению удаляемых с неба, как приготовить для них другие страны и места и, затем, как заполнить все эти седалища, чтоб небо не опустело, но заселилось и украсилось лучше прежнего. По истечении трех дней вы явитесь с предварительным подробным решением ко мне для того, чтоб, в случае спорных решений, мы четвертый день посвятили установлению и обнародованию формы новой колонии. Я сказал.

Так, о Саулин, отец Юпитер нагремел в уши, так воспламенил дух и тронул сердце Небесного Сената и народа, что, когда еще он говорил, по лицам и жестам сам мог ясно заметить, что в их уме было окончательно принято его предложение. Так что, когда великий патриарх богов произнес свое последнее заключительное слово и воцарилась тишина, все в один голос и в один тон сказали:

«Очень охотно, о Юпитер, согласны мы сделать то, что предложил ты и что поистине предопределила сама судьба».

Затем начался шум толпы: здесь – явные знаки радостного решения, там – охотного повиновения; тут – сомнения, там – мысли; где – рукоплескания, где – покачивание головой кого-то затронутого; в одном месте – одна точка зрения, там – другая, пока, вследствие того, что приспело время вечерять, каждый не отправился восвояси.

Саулин. Да, эти дела не скоро делаются, о София!

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ПЕРВОГО ДИАЛОГА

София. На четвертые сутки, ровно в полдень, собрались снова на всеобщий совет, где дозволено было присутствовать не только вышепоименованным божествам, более главным, но, кроме того, всем прочим, коим, как бы в силу естественного закона, предоставлено небо. В то время как божественный Сенат и народ уже были на местах, и после того, как, по установленному обряду, на трон из золота и сапфира взошел Юпитер в диадеме и мантии той формы, в коей он обычно появлялся в самых торжественных собраниях; когда все успокоилось и замерло, а внимание собрания чутко насторожилось, так что собравшиеся казались статуями или картинами, на средину выступил со своими полномочиями, знаками отличия и свитой Меркурий, доброе мое божество.

И, выступив перед лицом Великого Родителя, вкратце рассказал, истолковал и изложил все то, что вовсе не составляло тайны для всего совета, но что надо было возгласить, дабы соблюсти законную форму и обрядность, а именно: боги готовы и расположены без притворства и обмана, но свободно и добровольно принять, и привести в исполнение все, что настоящий синод захотел бы решить, постановить и приказать. После таких слов Меркурий повернулся к стоящим окрест богам и попросил их поднятием рук открыто подтвердить все, что он от их имени только что изложил в присутствии Громовержца.

И так было сделано.

Затем отверз уста Великий Прародитель и изрек следующее:

– Если, о боги, славною была наша победа над гигантами, которые очень недолго боролись с нами и были чужды нам, были открытыми врагами, которые оспаривали у нас один только Олимп и не могли, да и не пытались сделать ничего другого, кроме как низринуть нас с неба, насколько же славнее и почетнее будет наша победа над самими собой – победителями гигантов? Насколько почтеннее и славнее, говорю я, победа над нашими страстями, что так долго торжествуют над нами и, будучи нашими домашними внутренними врагами, тиранят нас, всячески помыкая нами! Если, по-нашему, достоин праздника день, когда была одержана победа, плоды коей были мгновенны, то сколь торжественнее должен быть тот день, плодотворная слава которого пребудет вечною для грядущих веков.

Продолжайте же праздновать день победы, но пусть то, что говорят о победе над гигантами, скажут и о победе над богами, ибо в последнем случае мы победили самих себя.

Да установится же в сей день новое торжество – Очищение Неба – и да будет оно для нас большим торжеством, чем когда-то для египтян – переселение от них прокаженного народа, а для евреев – исход из вавилонского пленения.

Днесь болезнь, чума, проказа изгоняются с неба в пустыни, днесь обрывается цепь преступлений и отсекается доза прегрешений, грозившая нам вечным мучением. Итак, раз все вы добровольно приступаете к этому преобразованию и уже, как я полагаю, заранее обдумали способ, коим возможно и должно осуществить его, то дабы эти места не пустовали и дабы переселенцам были даны приличествующие каждому места, я начну высказывать свое мнение о каждом особо. Если оно покажется вам достойным одобрения – говорите; если покажется неудобным – объясните; если, по вашему мнению, можно сделать лучше – заявите; если что-нибудь и нужно отбросить – скажите ваше мнение; если что нужно прибавить – научите; у каждого – полная свобода высказать свое суждение, а молчание – знак согласия.

Тут почти все боги встали и этим знаком одобрили предложение.

«– Итак, чтобы положить начало», – сказал Юпитер, – рассмотрим прежде всего тех, что на севере, столкнемся относительно их, а затем мало-помалу и в порядке станем двигаться вперед, вплоть до конца. За вами – слово: как смотрите и что рассуждаете о Медведице?

Боги, которым надлежало говорить первыми, стали принуждать Мома, чтобы тот ответил, и он сказал:

– Великий позор, о Юпитер, и тем больший, что, как ты и сам признал это, в самом знаменитом месте неба, там, где, по словам пифагорейцев (которые признают, что у мира есть руки, ноги, туловище и голова), находится самая высокая часть мира, коей противостоит другая крайняя, что зовется ими низшею областью; около того места, о котором поет один поэт этой секты:

Hie vertex nobis semper sublimis, at ilium

Sub pedibus Styx atra videt manesque profundum...

Здесь нам всегда – вершина вершин, но ее же

Зрит у себя под ногами Стикс страшный и адовы тени –⁵⁹

там, откуда моряки просят себе совета в запутанных и неведомых морских путях; куда воздымают руки все путешественники, застигнутые бурей, куда стремились гиганты; куда гордый народ Бэлы воздвигал вавилонскую башню; где маги калибейского зеркала ищут прорицаний от Флерона, одного из великих князей северных духов; где – по словам каббалистов – Самуил хотел воздвигнуть престол, чтобы уподобиться изначальному громовержцу – там ты посадил этого грязного звереныша, повелев ему показывать не закрученным усом, не чем-либо вроде руки или ноги, или вообще какой-нибудь иной, менее позорной части тела, но хвостом (который наперекор медвежьей природе, по воле Юноны, отвис у него сзади), как будто это указатель, достойный такого места, – повелел показывать всем земным, морским и небесным зрителям великолепный полюс и главный пункт мира. Сколь, значит, плохо ты сделал, пригвоздив туда этого зверя, настолько же хорошо ты поступишь теперь, убрав его оттуда. Открой же нам, куда хочешь его послать и кем желаешь заместить?

– Пусть идет, – изрек Юпитер, – куда вам всем вздумается и угодно: к Орсам Англии или к Орсини⁶⁰ – Чезарини тож – Рима, если хотите пристроить его в хорошем городе и у места.

«– По-моему, запереть ее в бернские подземелья», – сказала Юнона.

– Не злобствуй так, жена моя, – возразил Юпитер.

– Пусть идет, куда знает, лишь бы опростала и освободила место, на которое, так как тут самый прекрасный трон, желаю посадить Истину; ибо туда не достанут когти злословия, там не отравит свинец зависти, не потопят сумерки заблуждения. Там пребудет Истина стойкой и крепкой, в безопасности от наводнений и бурь, там она станет надежным поводырем тех, кто блуждает по бурному греховному морю, сияя оттуда, как ясное и чистое зеркало созерцания.

Отец Сатурн молвил:

– А как поступить с Большой Медведицей? Предложи, Мом.

А тот ответил:

– Пусть идет старушка к молодой – компаньонкой, только смотрите, не сделалась бы сводницей. Случись так, в наказание отдадим ее какому-нибудь нищему. Пусть ходит себе с ней да показывает, катает на ней ребятишек и за лечение лихорадок и других хворей зарабатывает для нее и для себя средства к жизни.

Спрашивает Марс:

– А как быть с нашим Драконом, о Юпитер⁶¹?

– Пусть выскажется Мом, – возразил Отец.

59. «Hie vertex...» – Вергилий, Георгики, I.

60. Орсини и Бернские подземелья – намек на фамилии, города и государства, что имели на своих гербах медведя (Orsa - Орса – по-итальянски медведица, отсюда фамилия Орсини; Ваг – Бер - по-немецки – медведь, отсюда название города Берна в Швейцарии).

61. «А как быть с нашим Драконом» – по Гигинусу это тот самый Дракон, что сторожил золотые яблоки в саду Гесперидов и был убит Геркулесом. Золотые яблоки имеют свое особое эзотерическое (тайное, прикровенное) значение, которое внушило Бруно мысль сделать Дракона символом недоступности и непреклонности. Яблоко так же, как и фи́га, – символ чувственной любви. У греков яблоко называется *melon* – черное, у римлян *malum* – зло.

– Это совсем бесполезный зверь. Он мертвый – лучше живого. Поэтому, если вы согласны, отправим его пастись в Испанию или на какой-нибудь из Оркадских островов. Только берегитесь, как бы он своим хвостом не наделал какой беды звездам и не уронил бы их в море.

Аполлон ответил:

– Не сомневайся, Мом, ибо я прикажу какой-нибудь Цирцее или Медее⁶² вновь усыпить его теми же самыми стихами, какие, бывало, легко убаюкивали его, когда он был стражем золотых яблок, усыпить и в таком виде тихо-тихо перенести на землю. И, по-моему, незачем ему и умирать. Пусть себе идет, указывая всюду, где есть варварская красота, ибо золотые яблоки будут красота; дракон – гордость; Ясон – любовник, а чары, усыпляющие дракона, будет то, что

Такого сердца нет жестокого, какое б не склонилось

На предложенье, на любовь, на слезы,

На долгое искание и даже порой на плату богатую:

*Столько хладного желанья нет, чтобы не загореться.*⁶³

Кем желаешь заместить его?

– Благоразумием, – ответил Юпитер. – Ему подобает быть рядом с Истиной, ибо последней ни управиться, ни двинуться, ни укрепиться нельзя без благоразумия, и только в тесном содружестве они смогут когда-нибудь добиться успеха и почета.

– Предусмотрительно! – изрекли боги.

А Марс вставил:

– Этот Цефей, будучи царем, не сумел своими руками увеличить данного ему судьбой царства. Ну, а теперь совсем не годится ему, разметавши руки и раскорячив ноги, занимать такую громадную площадь на небе.

– Так что ж, – молвил Юпитер, – не дать ли ему испить вод Леты, чтобы он забылся и, утратив память о своих земных и небесных владениях, возродился безногим и безруким животным?

– Быть посему! – согласились боги. – И да наследует ему София, ибо бедняжка тоже должна воспользоваться успехами и счастьем своей неразлучной подруги, Истины, с которой она всегда вместе делила все неудачи, скорби, обиды и труды. Кроме того, не знаю, без помощи Софии сумеет ли та добиться наград и почестей.

«– Весьма охотно, боги», – сказал Юпитер, – уступаю и соглашаюсь с вами, ибо того хочет всякий порядок и разум, а всего более потому, что, думаю, вдали от своей столь любимой и избранной подруги Истина чувствовала бы себя плохо.

«– А как быть, по-твоему, Мом», – спросила Диана, – с Волопасом, что в звездном уборе правит колесницею?

Мом ответил:

– Так как это и есть тот Аркас – плод безбожного чрева и благородного семени, который и по сей час свидетельствует об ужасных тайнах великого нашего Отца, то его нужно удалить отсюда. Позаботьтесь же устроить это.

Аполлон предложил:

– Как сын Каллисто, пусть следует за матерью.

Диана прибавила:

– Как бывший охотник за медведями, пусть следует за матерью, лишь бы не повредил сзади ей шкуры.

62. Цирцея и Медее – две в древности знаменитые чаровницы: обе происходили от Гелиоса (Солнца) – одна (Цирцея, или Киркея) дочь Солнца, другая – внучка.

63. «Такого сердца нет...» – переделка стихов Тассо из Аминты. Бруно от себя прибавил: «порой за плату».

Меркурий в свою очередь:

– И потому еще, что он, как вы видите, не знает другой дороги, пусть следует всегда за матерью, которая должна возвратиться в Еримантский лес⁶⁴.

– Так будет лучше, – подтвердил и Юпитер, – а так как бедняжка была изнасилована, то я хочу возместить ей все убытки и, если это будет угодно Юноне, отослать ее туда в ее прежней красоте.

«– С моим удовольствием», – сказала Юнона, – при условии, конечно, что вы вернете ей девственность, значит, и благоволение Дианы.

– Не станем больше говорить об этом, – сказал Юпитер, – рассмотрим лучше, кого посадить на место Волопаса.

После долгих и долгих споров Юпитер высказался так:

– Да будет там Закон, так как необходимо еще и ему быть на небе, ибо как сей Закон есть сын небесной и божественной мудрости, так оный другой Закон – сын земной мудрости, чрез которую эта небесная богиня разливает и сообщает блеск своего собственного света, шествуя чрез пустынные и уединенные места земли.

«– Хорошо удумано, о Юпитер», – сказала Паллада, – ибо только тот Закон и праведен, и хорош, у которого мать – София, а отец – Разум, да сыну и не пристало удаляться от матери. Пусть все устроится здесь, как угодно Юпитеру, дабы люди смотрели снизу и учились, как должно быть все устроено и у них.

– Затем следует место Северной Короны. Вся – из сапфира, пышно украшенная яркими алмазами, со своими 8 горящими карбункулами, по четыре в ряд, она представляет великолепнейшее зрелище. Так как она сделана внизу и снизу перенесена сюда, то, по моему, ее стоит преподнести какому-нибудь героическому князю, который был бы ее достоин. Пусть же решит наш Отец, кто больше заслуживает такого подарка.

– Да пребудет на небе, – изрек Юпитер, – и ждет, пока ею наградят будущую непобедимую десницу того, кто огнем и мечом возвратит столь вождьеленный мир несчастной и бедной Европе, низринув вождей этого – лютейшего Лернейской гидры – чудовища, что, распространяя роковой яд многообразных ересей⁶⁵, с исполинскою быстротой ползет во все страны Европы по всем ее венам.

Мом прибавил:

– Будет с него, если только уничтожить эту ленивую клику педантов, которые, не творя добрых дел согласно божественному закону, считают себя и хотят считаться людьми религиозными и угодными богам и говорят: творить добро – добро, делать зло – зло, однако приближаются к богу и угождают ему вовсе не тем добром, что делается, или тем злом, что не делается, но надеждой и верой согласно их катехизису. Судите сами, боги, было ли когда более бесстыдное злодейство: его не видят лишь те, кто ничего не видит.

«– Уж подлинно», – сказал Меркурий, – кто не знает никакого заблуждения, тот не знает и этого, от него же родятся все прочие. Если бы Юпитер сам и все мы вместе предложили такой завет людям, то мы стали бы хуже смерти, ибо, нисколько не заботясь о человеческом обществе, действовали б только ради своего тщеславия.

«– Всего хуже то», – сказал Мом, – что они порочат нас, выдавая все это за установления свыше, и вместе с тем проклинаят наши плодотворные дела, называя их недостатками и пороками.

64. «Еримантский лес» – в Аркадии.

65. «Яд многообразных ересей» – многообразные ереси не что иное, как Реформация, о которой и дальше говорит Джордано Бруно. Что касается отношения Бруно к Реформации, то уже первые личные столкновения в Женеве с кальвинистами настроили его весьма критически к религиозным новаторам: он не нашел у них ни свободы мысли, в которой так нуждался, ни тех широких, освобождающих идей и идеалов, которыми он был полон сам.

И, между тем, как никто не делает для них, и сами они, ни для кого ничего не делая (ибо все их дело – злословить дела), несмотря на то живут делами тех, кто работал вовсе не для них, кто для других основывал храмы, часовни, гостиницы, госпитали, коллегии и университеты – значит, открыто действуют, как воры и присвоители чужого добра, наследственного добра тех, что, если и не так совершенны и не так добры, как им должно быть, все же не сделались настолько безнравственными и опасными для мира, как они. Напротив – весьма необходимы государству, сведущи в умозрительных науках, строгой нравственности, с неустанным усердием и заботой помогают друг другу и поддерживают общежитие (ради коего установлены все законы), так как добрым людям обещают награду, а злым – грозят наказанием. А те, заявляя, что всемерно заботятся о вещах невидимых, коих ни сами, ни прочие не в силах постигнуть, говорят, будто все зависит только от предопределенной каждому судьбы да каких-то внутренних озарений и фантазий, коими якобы всего более улаживаются боги.

– Так что, – сказал Меркурий, – нечего им ни досадовать, ни усердствовать из-за того, что некоторые верят в необходимость дел, ибо судьба тех – да и собственная их судьба, – верующих совершенно по-иному определена и не изменится, перейдут ли они от веры к неверию, и каково станет их вероисповедание – такое или иное. И в силу той же причины им нечего ожесточаться против тех, кто им не верит и считает их преступнейшими людьми, ибо судьба не изменится из-за того, что те поверят и станут считать их хорошими людьми. Вдобавок еще, согласно их учению, не в их воле и изменить своей вере. Но те другие, что верят по-иному, по праву и за совесть, могут не только относиться неприязненно, но, мало того, считать великою жертвою богам и благодеянием миру – преследовать, убивать и уничтожать их с лица земли за то, что они похуже гусениц, жадной саранчи и тех гарпий, что, сами не делая ничего хорошего, только пожирают, портят и топчут ногами чужое имущество, мешая тем, кто захотел бы им воспользоваться.

««– Все те, кто здраво судит», – сказал Аполлон», – считают законы благом, ибо цель их быть, и сравнительно лучшими законами считают те из них, что дают большие удобства для лучшего быта. Ибо одни из законов даны нами, другие выдуманы людьми, главным образом, для удобства человеческой жизни, а так как некоторым не приходится видеть заслуженных ими плодов в этой жизни, то им обещано и предуказано добро и зло, награда и наказание по их делам в иной жизни. Стало быть, – заключил Аполлон, – из всех этих разно верующих и разно учащих только одни они заслуживают преследований на небе и на земле и должны быть, как чума, искоренены из мира, только они одни, истребление коих дело похвальное и благоутробное, достойны милосердия не больше, чем волки, медведи и змеи; и чем несравнимо больше разрушений и заразы от них, тем несравнимо больше заслуга того, кто их изничтожит. Так что – хорошо рассудил Мом – приличествует всего более Южная Корона тому, кто предназначен судьбою уничтожить это ужасное чудовище мира.

– Хорошо, – сказал Юпитер, – вот моя воля и решение. Эту Корону использовать согласно разумному предложению Меркурия, Мома и Аполлона, одобренному всеми вами. Эта зараза, будучи делом насильническим, противоестественным и противозаконным, конечно, не долговечна; для вас ясно, что ее ждет своя судьба или злейший рок, ибо и число таких людей возрастает только для того, чтоб падение было более ужасным.

««– Достойная награда Корона», – сказал Сатурн, – тому, кто прекратит эту язву, но злонамеренным слишком мало и несоответственно наказание – только лишение человеческого общества. По-моему, было бы вполне справедливо, чтоб они, оставив свое тело, затем, в продолжение многих пятилетий и столетий, всячески переселяясь из тела в тело, наконец вошли бы в свиней, самых поганных животных мира, или стали бы морскими ежами, которые пригвождены к скалам.

««– Совсем другого требует справедливость», – сказал Меркурий. – По-моему, за праздность следует наказывать работой. Так что пусть лучше вселятся в ослов: там они сберегут свое невежество и избавятся от лени, а за непрерывную работу погонщики будут давать им немного сена и соломы и нещадно бить.

Это мнение единогласно одобрили все боги.

Тогда Юпитер изрек приговор:

– Да принадлежит Корона вечно тому, кто нанесет им последний удар, и да странствуют они 3000 лет, переселяясь все время из ослов в ослов.

Кроме того, вместо этой Короны Вещественной да будет Корона Идеальная, передаваемая до бесконечности, так что от нее могло бы возникнуть бесконечное множество других, в то время как сама она ни на йоту не уменьшается и не умаляется в своей славе и действительности. С этою Короною, само собой разумеется, соединяется Идеальный Меч, равным образом обладающий более действительным бытием, нежели какой бы то ни было иной меч, существующий в границах пространства. Под этой Коронай и Мечом Юпитер разумеет Всеобщий Суд, который вознаградит или накажет всякого в мире по мере его заслуги и преступлений.

Вполне одобрили все боги эту предусмотрительность, ибо Закону приличествует восседать рядом с Судом, так как суд должен руководиться законом, и закону должно осуществляться в суде; суд должен исполнять, а закон – повелевать, закон весь – в теории, суд весь – практика.

Когда были закончены долгие беседы и рассуждения об этом престоле, Мом, указывая Юпитеру на Геркулеса⁶⁶, спросил:

– Ну, а что же нам сделать с твоим побочным сыном?

– Вы слышали, боги, – возразил Юпитер, – на каких основаниях мой Геркулес должен уйти отсюда со всеми прочими. Но я не хочу, чтобы его уход походил на все прочие, ибо повод, способ и причина его вознесения были далеко не такими, как у них: он один и единственно за свои доблести и героические подвиги заслужил небо и – незаконный – показал себя достойным усыновления Юпитеру. И признайтесь, он лишен неба только за то, что он пришелец со стороны, а не бог по природе. Но это моя, а вовсе не его вина, что я, как уже было сказано, чрез него стал прославлен. И я верю – совесть подскажет вам, – если кого и следовало бы изъять из общего правила и определения, то, конечно, Геркулеса. Так что, если мы его устраним отсюда и пошлем на землю, то следовало б устроить это с не меньшим почетом и уважением, как если бы он остался на небе.

Поднялись многие, скажу, большая часть богов, и сказали:

– С большим, если возможно, с большим!

– Значит, постановляю, – продолжал Юпитер, – дать ему по этому случаю, как личности деятельной и сильной, поручение и заботу сделаться земным богом, которого почитали бы больше, чем подлинного небесного полубога.

Те же самые подтвердили: быть по сему!

А так как нашлись такие, что раньше не встали и теперь ничего не сказали, то Юпитер обратился к ним и спросил их, не хотят ли они что объяснить. Тогда одни сказали: «Одобряем»; другие: «Допускаем». Юнона изрекла: «Не препятствую».

66. Геркулес – сын Юпитера от Алкмены, супруги Амфитриона. Геркулес (Геракл) был любимым героем эллинского эпоса. За свои полные страдания и трудов скитальческую жизнь, за свои 12 славных подвигов, совершенных им по воле судьбы для своего родича Еврисфея, правителя Микен, Геркулес получил бессмертие и, после того как пламя костра пожрало то, что было в герое смертного и тленного, сам он был волею богов вознесен на Олимп и обожествлен.

Затем Юпитер объявил постановление в окончательной форме:

– Вследствие того, что в настоящее время кой-где на земле объявились чудовища, если и не такие, как были во времена древних возделывателей земли, зато, может быть, худшие, я, Юпитер, Отец и Всеобщий Промыслитель, постановляю, дабы Геркулес, мой заместитель и служитель моей могучей десницы, отправился на землю, если и не таким, как прежде, иль не большим великаном, зато одаренным большим усердием, ревностью, крепостью ума и деятельностью духа; и подобно тому как, когда был рожден и воспитан на земле, он показал себя великим, во-первых, тем, что одолел и победил столько чудовищ, и, во-вторых, тем, что из ада вернулся вновь победителем на землю, из ада, куда он явился нечаемым утешителем друзей и неожиданным мстителем надменных тиранов, так в настоящий миг да покажется своей Матери-Земле в третий раз он – новый, столь необходимый и вожденный промыслитель; пусть ходит по весям ее и смотрит, не опустошает ли города Аркадии какой-нибудь Немейский лев⁶⁷; не появился ли снова Клеонский лев в Фессалии; не воскресла ли гидра⁶⁸, эта лернейская чума, и не собрала ли вновь свои отросшие головы; пусть доглядит, не появился ли во Фракии Диомед⁶⁹, что кормил коней в Эбро кровью путешественников, и обратит свой взор на Ливию, где, может быть, Антей, столько раз возрождавшийся духом, возродился, наконец, и телом. Удостоверится, нет ли в царстве Иберийском какого трехголового Гериона⁷⁰. Поднимет голову и поглядит, не летают ли по воздуху губительные Стимфалийские птицы⁷¹, говорю о тех Гарпиях, что иногда затмевали воздух и мешали видеть яркие звезды. Посмотрит, не гуляет ли по Эримантским пустыням какой-нибудь мрачный Вепрь.

67. «Немейский лев» – убийство этого льва было первым подвигом Геркулеса, совершенным в Аргивской земле. Геркулес задушил льва, взвалил чудовище на плечи и принес на себе в Микены.

68. «Лернейская гидра» – тоже, как и Немейский лев, порождение чудовища Тифона и исполинской змеи Ехидны. Отрубив все 9 голов Гидры, Геркулес разрезал тело чудовища и наплат ядом печени свои стрелы.

69. «Диомед» – Геракл должен был по приказанию Еврисфея привести в Микены коней Диомеда.

70. «Герион» – трехглавый исполин, у которого Геркулес должен был взять и доставить в Микены быков. Геркулес, убив и Диомеда, и Гериона, благополучно привел к концу тяжелые поручения.

71. «Стимфалийские птицы» – жили в лесистой, глубокой долине близ аркадского города Стимфала. Это была огромная стая страшных хищных птиц: у них были медные крылья, когти и клювы; свои перья они бросали на людей, точно стрелы. Они нападали на людей и животных и пожирали их. Геркулес часть Стимфалийских птиц перебил, часть прогнал далеко из Эллады на о. Аретиас к Эвксинскому понту (Черному морю).

Не наткнется ли на какого-нибудь быка вроде того, что наводил ужас на стольких народов; не пора ли выгнать на свет «какого-нибудь трехликого Цербера⁷², изрыгающего вместе с лаем смертоносный яд; нет ли у кровавых алтарей какого-нибудь палача Бузириса⁷³; не появился ли в пустынях какой олень с золотыми рогами вроде того, что на бронзовых ногах носился, как ветер; не собрала ли мятежные войска какая-либо новая царица Амазонок; не владычествует ли где какой подозрительный и коварный Ахеллой с непостоянным многообразным и изменчивым лицом; нет ли Гесперид⁷⁴, где на попечение дракона оставлены золотые яблоки; не появились ли вновь знаменитые и смелые царицы Термодонтского народа⁷⁵; не разбойничает ли по Италии какой Ланчинийский удалец, не тешится ли какой грабитель Как⁷⁶, что огнем и пламенем защищает свою добычу. Если эти, или подобные, или другие, новые и неслыханные чудища встретятся ему на пути или нападут на него, в то время как он будет шествовать по огромнейшей спине земли, да изменяет, преобразует, изгоняет, преследует, связывает, укрощает, лишает, рассеивает, разрывает, разбивает, рушит, угнетает, топит, жжет, ломает, убивает, искореняет. В ознаменование столь великих подвигов, в награду за славные деяния приказываю в местах будущих героических деяний воздвигать ему трофеи, статуи, колоссы, даже жертвенники и храмы, если судьба не против меня.

«– Поистине, Юпитер», – сказал Мом, – теперь ты мне кажешься совсем-совсем добрым Отцом, ибо вижу – отцовское чувство не помешало тебе воздать по заслугам твоему Алкиду, который, если и недостоин такого, то, может, заслуживает большего, даже по мнению Юноны, что, вижу, приветливо принимает мои слова...

– Но вот мой так долгожданный Меркурий, о Саулин, так что придется отложить наш разговор до другого раза.

Пожалуйста, отойди от меня и дай нам побеседовать друг с другом наедине.

Саулин. Хорошо! До свидания, до завтра.

София. Вот тот, кому я вчера молилась, наконец, когда меня стало охватывать отчаяние, явился мне.

Вчера мои моления дошли до него, эту ночь – выслушаны, и сегодня утром исполнены им самим. Если он сейчас же не явился на мой зов, то, должно быть, его задержало что-нибудь важное, ибо думаю – он любит меня не меньше, чем я сама себя. Вот вижу, как он исходит из этого огненного облака, которое гонит южный ветер к центру нашего горизонта и которое, расступаясь перед яркими лучами солнца, распускается веером, как бы венчая мою славную планету. О святой Отче, высокое величие, благодарю тебя, ибо вижу, как мое крылатое божество летит из самой середины облака, ударяя по воздуху распростертыми крыльями, радостно, с кадуцеем в руке, рассекает небо на моих глазах, быстрее Юпитеровой птицы, сластнее дыханья Юноны, диковиннее аравийского Феникса; вот прилетел ко мне, любезно предстал предо мною, с особенною ласковостью обращается ко мне.

72. «Цербера» – самым трудным подвигом Геркулеса было последнее поручение Еврисфея: привести из мрачного тартара страшного пса, трехглавого Цербера. Пред совершением этого подвига Геракл посетил Элевзин и был там посвящен в элевзинские таинства, освобождавшие человека от страха смерти. Благодаря его приобщению к элевзинским мистериям, Плутон принял Геркулеса очень благосклонно, и герою удалось сковать Цербера и привести на землю.

73. Бузирис – правитель Египта, приносивший в жертву Юпитеру всех иноземцев. Когда Геркулес прибыл в Египет, Бузирис сковал его и повел к алтарю; но герой разорвал оковы и убил Бузирида.

74. Геспериды – нимфы, дочери Атланта. Они ухаживали за дивным златоплодным деревом, что вырастила некогда земля. Стерег яблоки страшный дракон, никогда не смежавший очи. Атлант сам достал яблоки для Геркулеса за то, что тот согласился на это время подержать вместо Атланта на себе небесный свод.

75. «Царица термодонтского народа» – Гипполита, царица Амазонок, живших на Эвксинском понте при устье реки Термодона. Для Адметы, дочери Еврисфея, герой должен был достать пояс Гипполиты.

76. «Как» – огнедышащий исполин Как, похитивший у Геркулеса двух быков, когда он, возвращаясь со стадами Герiona, остановился в долине Тибра там, где теперь стоит Рим. Геркулес убил Кака в собственном жилище великана – пещере Авентинской горы.

Меркурий. Вот я и с тобою, благосклонный и послушный твоим мольбам, моя София, ибо ты вызвала меня, и твои мольбы достигли ко мне не, как обычно, благовонным курением, но пронзающей и быстролетной стрелой яркого луча.

София. Но что это значит, мое божество: ты тоже против обычая не сразу явился ко мне?

Меркурий. Скажу тебе правду, София. Твоя молитва застала меня в то время, как я вернулся из ада, передав в руки Миноса, Еака, Радаманта 246752 души, которые после всяческих мучений, борьбы и нужды окончили путь одушевления тел. Там была со мною небесная София, в просторечии именуемая Минервой и Палладой, и она тотчас по платью и походке признала твое посольство.

София. Она легко могла признать, ибо, как и с тобой, я частенько беседовала с нею.

Меркурий. И молвила мне: «Не к тебе ли это посольство, посмотри, Меркурий, от нашей родной и земной дочери. Я желаю представить тебе ту, что живет моим духом и искони, будучи рядом с тьмою, исходит от света моего отца».

«Дело лишнее, о рожденная из головы Юпитера, – ответил я ей, – представлять мне столь любимую нашу общую сестру и дочь».

Тут я подошел к твоей вестнице: обнимаю ее, целую, кладу послание в бумажник, расстегиваю пуговицы у жилета и засовываю его под сорочку к самому сердцу. Юпитер (бывший тут не вдалеке и занятый тайною беседой с Эолом и Океаном – наказывал им тотчас же вернуться сюда вниз), увидев, что я сделал, прервал разговор, быстро и с любопытством спросил меня, что за памятку положил я себе на грудь. Когда же я ему ответил, что это – твое дело, он сказал: «Ох, моя бедная София, каково-то ей там, что она делает? Ах, бедняжка, уже по этому несчастному клочочку бумаги мне ясно, что ее дела неважные. Давненько у нас не было вестей от нее. Ну что ж она просит? Чего ей недостает? Что тебе предлагает?» – «Одного только, – отвечаю, – явиться к ней на часок». «– «Хорошо», – сказал Юпитер и стал доканчивать разговор с двумя богами, а затем поспешно подозвал меня к себе и сказал: – Ну, ну, скорей, управимся с делами, и ты пойдешь, узнаешь, чего хочет эта бедняжка, а я – к своей надоедливой жене, которая, по правде, тяготит меня больше, чем вся вселенская тяга».

Тотчас же стал приказывать (таков у нас на небе новый порядок), чтобы я собственной своей рукой записал все, о чем надлежит промыслить сегодня в мире.

София. Расскажи мне, пожалуйста, кое-что об этих делах, ибо ты возбудил в моей груди интерес.

Меркурий. Изволь. Юпитер распорядился, чтобы сегодня в полдень⁷⁷ в саду Францина две дыни из всех прочих совсем созрели, но чтоб их сорвали не раньше как через три дня, когда, по общему убеждению, их можно станет есть. Воля Юпитера, чтоб в то же самое время из сада у подножия горы Чикала, в доме Ивана Бруно 30 ивиум⁷⁸ были вовремя собраны, 17 попадали от ветра на землю, 15 – съедены червями. Чтоб Васта, супруга Альбанцио, подвивая себе волосы на висках и перегрев щипцы, спалила бы 57 волосинок, но головы не обожгла и, на этот раз почуяв гарь, терпеливо перенесла ее, не злословя меня, Юпитера. Чтоб у нее от бычачьего помета родилось 252 улитки, из коих 14 потоптал и раздавил насмерть Альбанцио, 26 умерли, опрокинувшись, 22 поселились в хлеву, 80 отправились в путешествие по двору, 42 удалились на жительство в соседний с воротами виноградник, 16 пошли, влача свой домик туда, где им удобнее, остальные – на счастье.

77. «распорядился, чтобы сегодня в полдень» – дальше идет целая вереница имен, которые были дороги Джордано Бруно по детским и юношеским воспоминаниям. Дом, где родился и вырос Филипп (Джордано – было монашеским его именем) Бруно, находился в маленькой деревеньке – *lasale di San Giovanni*, – расположенной у подошвы горы Чикала, к востоку от Нолы – *Spampanato, Bruno e Nola*.

78. «Ивиум» (*iviuma*) – Джентиле делает такое примечание: «Мне очень жаль, что я совершенно ничего не сумею сказать об этом «*iviuma*» и прилагательных «*iviumi*». Повторение этих слов у Бруно убеждает, что тут не может быть и речи о типографской ошибке, тем более, что Бруно очень тщательно исправил это свое произведение». Немецкий переводчик – Куленбек – передает это слово – «виноград». Я оставил итальянское слово неизменным.

Чтоб у Лауренцы, когда она станет чесаться, выпало 17 волос, 13 порвались и из них за три дня 10 вновь отросли, а семь – никогда более. Собаке Антония Саволина – принести пятерых щенят, троим из них дожить до своего времени, двум – быть выброшенными, а из первых трех – одному быть в мать, другому разниться от матери, третьему – частью в мать, частью в отца. Как раз в это самое время закуковать кукушке и так, чтоб ее слышно было в доме, и прокуковать ей ровно 12 раз, а затем вспорхнуть и полететь на развалины замка Чикалы на 11 минут, а оттуда на Скарванту⁷⁹, а что дальше, о том позаботимся после. Юбке, которую мастер Данезе станет кроить на скамье, быть испорченной. Из досок кровати Константина вылезть и поползти на подушку 17 клопам: семи большущим, четверем – малюсеньким и одному – так себе; а что с ними будет сегодня вечером при свете свечи, о том озаботимся после. Чтоб на 15-й минуте того же самого часа у старушки Фиурулы из-за движения языка, который повернется в четвертый раз через небо, выпал третий коренной зуб из правой нижней челюсти, и чтоб выпал без крови и без боли, ибо этот зуб наконец достиг предела своего шатания, длившегося ровно 17 лунных месяцев. У сына Мартинелло пусть начнут пробиваться волоски мужества на подбородке и ломаться голос. Чтоб у Паулина, когда он захочет поднять с земли сломавшуюся иглу, лопнул от напряжения красный шнурок на шароварах, а если выругается из-за этого, наказать его сегодня же вечером: пусть макароны у него будут пересолены и подгорят, разобьется полная фляжка вина, а если выругается и по этой причине, то промыслим о сем после. Кротам, кои за эти четыре дня отправятся из недр земли на воздух, прийти двум на поверхность земли одновременно, одному – ровно в полдень, другому – на 15 минут и 19 секунд позднее, и на расстоянии один от другого в три шага, одну ступню и полпальца, в саду Антона Фальвано; о времени и месте прочих позаботимся после.

София. Тебе было бы много дела, о Меркурий, если б ты захотел рассказать о всех делах Юпитерова провидения, а пересказать каждое приказание отдельно одно за другим, по-моему, все равно что пересчитать все песчинки земли. Столько времени понадобилось тебе пересказать четыре пустяковины, из бесконечного множества их, в одно и то же время совершающихся в маленьком местечке, где 4 или 5 домиков, не очень великолепных, а что было бы, если б ты должен был отдать отчет о событиях, которые случились за этот час в том городке, что стоит у подножия горы Чикала. Наверное, тебе не хватило бы года пересказать все по отдельности, как ты начал было делать. А как думаешь, если б сверх того захотел ты пересказать все, что случилось по городку Ноле, по Неаполитанскому королевству, по Италии, по Европе, на всем земном шаре и на каждом другом шаре в бесконечном пространстве, так как число миров, подчиненных провидению Юпитера, бесконечно. Поистине, на один пересказ всего того, что случилось и призвано к бытию в одно мгновенье в объеме одного только из этих шаров или миров, тебе придется попросить не 100 языков и железных глоток, как делают поэты, но тысячу тысяч миллионов в пределах одного года, да и тогда не выполнить одной тысячной части.

И, говоря по правде, Меркурий, не знаю, что значат эти твои доклады: ведь из-за них многие мои почитатели, называемые философами, считают, что у бедного Великого Отца слишком много хлопот, беспокойства и затруднений, так что уверены, будто счастьем Юпитера нечего завидовать ни одному смертному, как бы ни было жалко положение. Тем более, что в то самое время, какое он тратит на предположения и предопределения всех этих событий, безусловно возникает бесконечное множество бесконечных случаев для новых определений, да и ты, пока рассказываешь мне о них, в то же время должен, если хочешь править свою должность, устраивать бесконечное количество новых бесконечных событий.

79. Скарванта – замок, бывший на одном из холмов, что высятся между Сан-Паоло и Казамаргано. Сейчас его не существует.

Меркурий. Ты знаешь, София, если ты – София, что Юпитер все делает без хлопот, замешательства и затруднений, ибо о бесчисленных родах и бесконечном множестве особей промышленности, указывая порядок, и указывая порядок не в какой-нибудь последовательности, но вместе и сразу: он не создает, по образу отдельных творцов, каждую вещь отдельным творческим актом, бесконечным количеством усилий творя бесконечное количество дел, но все прошедшее, настоящее и будущее творит простым и единым актом.

София. Я могу понять только то, Меркурий, что не одновременно же вы исчисляете и приводите в исполнение все эти дела, да и они не заключаются в одном несложном целом; а затем, творец должен соответствовать творимому или, по крайней мере, соответствовать в самом способе творчества.

Меркурий. Это – правда. Так оно и должно быть, и не может быть иначе в творчестве отдельном, ближайшем и естественном, ибо здесь разуму и мере единичной творимой двигаемой силы соответствуют мера и разум единичного творческого движущего акта, направленного на единичный предмет. Но не то всеобщий деятель, ибо он соответствует, если можно так сказать, всему бесконечному действию, исходящему от него для всех мест, времен, качеств и предметов, а не применительно к известному месту, времени, качеству и вещи.

София. Я знаю, Меркурий, что всеобщее познание отличается от частичного, как бесконечное от конечного.

Меркурий. Скажи лучше: как единица от бесконечного числа. И должна знать еще, София, что единство заключается в бесконечном числе, и бесконечное число в единстве, другими словами: единство есть скрытая бесконечность, и бесконечность есть раскрытое единство; так что, где нет единства, там нет числа, нет ни конечного, ни бесконечного; там же, где есть число – конечное или бесконечное, – там необходимо есть единство. Единство, значит, есть сущность числа. Следовательно, тот, кто не случайно, как некоторые умы, но по существу, как всеобщий разум, познает единство, познает единое и число, познает конечное и бесконечное, конец и предел понимания и крайности всего, и он может сделать все не только в общем, но и в частности, ибо нет частности, не включенной во всеобщее, нет числа, в котором и подавно не было бы единства, каковое и есть само число. И поскольку, стало быть, без всякого труда и затруднения промышленности Юпитер обо всем, повсюду и всегда, постольку с необходимостью бытие и единство есть во всех числах, во всех местах, во всех временах и атомах времени, места и числа, и один и тот же принцип бытия – во всех бесконечных индивидуумах, которые были, есть и будут. Но я явился сюда вовсе не для этого диспута, и не для него – думаю – вызван был тобою.

София. Правда, мне хорошо известно, все эти предметы стоят того, чтобы мои философы разрешили их и чтоб они были вполне поняты, конечно, не мною, ибо я могу понять только с трудом, в сравнениях и подобиях, не мною, но Софией небесною и тобою. Но твой рассказ заставил меня заняться этим вопросом раньше даже, чем своими частными интересами и намерениями. И, конечно, мне казалось, что ты, справедливейшее божество, без всяких предисловий мог бы перейти к столь незначительному и маловажному моему делу.

Меркурий. Я поступил так не из тщеславия, но по глубокой предусмотрительности, София, ибо считал нужными для тебя эти замечания. Ведь я знаю, ты так сильно смущена большими несчастьями, что тебе очень нетрудно настроиться на не совсем благочестивые мысли о правлении богов, каковое справедливо и свято во веки веков, хотя бы на твой взгляд дело это обстояло очень сомнительно. Я и хотел прежде, чем трактовать о другом, внушить тебе такое воззрение, обезопасить тебя от сомнений, какие могли у тебя явиться и частенько являлись, ибо, будучи земной и рассудочной, ты не могла ясно понимать значение Юпитерова провидения и работы всех нас, его сотрудников.

София. Почему же, Меркурий, усердие движет тобою именно сейчас, а не в другие разы?

Меркурий. Скажу тебе то, что откладывал до сей поры: твои обеты, твоя мольба, твое посольство, хотя и дошли к нам на небо быстро и скоро, но в половине лета обледенелыми, нерешительными, колеблющимися, как будто их отправили скорее на всякий случай, чем поручили провидению, как будто сомневались, дойдут ли они до наших ушей, внемлющих якобы просьбам более существенным. Но ты заблуждаешься, София, если думаешь, что мы не заботимся столько же о самом малом, сколько и о самом главном, ибо все самое великое и главнейшее не может осуществиться без самого малейшего и ничтожнейшего. Стало быть, обо всем, как бы мало оно ни было, заботится бесконечно Великое Провидение: всякая сколь угодно презреннейшая мелочь в целом и всеобщем порядке является важнейшею, ибо великие вещи слагаются из малых, малые из малейших, а те – из неделимых и самых малых. Так я разумею о великих сущностях, так – о великих силах и великих действиях.

София. Правда, ибо нет такого великого, такого великолепного, такого прекрасного создания, которое не было бы составлено из вещей, по общему мнению, и суждению, презренных и безобразных.

Меркурий. Акт божественного познания есть сущность бытия всех вещей, и, стало быть, поскольку все вещи, и конечные, и бесконечные, имеют бытие, всех их можно познавать, упорядочивать, предопределять. Божественное познание не следует за вещами, как наше, но предупреждает вещи и находится во всех вещах, так что если б его не было там, то не было бы и причин, ближайших и вторичных.

София. Потому-то ты и хочешь, Меркурий, чтобы я не стеснялась тем, велико иль мало мое дело, и обращалась не только за тем, что для меня существенно и важно, но и за тем, что случайно и неважно, ибо Юпитер – во всем, все наполняет и все слышит.

Меркурий. Именно. Вот почему не забудь впредь ярче воспламенять свои мольбы и не посылай их Юпитеру так небрежно, плохо снаряженными, холодными; он и твоя Паллада поручили мне, прежде чем говорить о другом, осторожно сказать это.

София. Благодарю вас всех.

Меркурий. Итак, объяснись же, почему ты вызвала меня к себе.

София. Полное изменение обычаев, которое я вижу по Юпитеру, и все то, что я узнала от тебя, заставило меня решиться просить у него и настаивать на том, о чем я раньше не дерзала из страха, что какая-нибудь Венера, или Купидон, или Ганимед не допустят и прогонят мое посольство, если бы оно явилось у дверей Юпитеровых палат. Теперь, когда все преобразовано, назначены новые привратники, стража и служители, когда и сам Юпитер стал благорасположен к справедливости, мне хочется через тебя представить ему свою просьбу о горьких обидах, учиненных мне разного рода людьми на земле, и просить его быть ко мне милостивым и заступиться за меня, по совести.

Меркурий. Эту твою просьбу, как очень длинную и немаловажную, а также согласно вновь введенному порядку на небе, чтобы все сношения, как гражданские, так и уголовные, были зарегистрированы в канцелярии со всеми своими условиями, намерениями и обстоятельствами, ты должна подать в письменном виде, и тогда я ее уже представлю Юпитеру и Небесному Сенату.

София. Для чего этот новый порядок?

Меркурий. Чтоб принудить таким способом всех богов поступать справедливо, ибо регистрация, увековечивая память о событиях, заставит бояться вечного позора и бежать нескончаемого порицания и осуждения, коим грозит независимая Правда, царствующая над царями и главенствующая над всеми богами.

София. Так, значит, я и сделаю. Но обдумать и написать – надо время. Поэтому, прошу тебя, приди завтра ко мне или в ближайший следующий день.

Меркурий. Непременно. А ты подумай о том, что делаешь.

Конец первого диалога

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ВТОРОГО ДИАЛОГА

Саулин. Пожалуйста, София, прежде чем продолжать, укажи мне причины того порядка и такого расположения божеств, какие устроил Юпитер в звездах. И прежде всего, почему на самом возвышенном месте – ибо так о нем обычно думают – он посадил Истину?

София. Это нетрудно. Истина, Саулин, превыше всего: она есть единство, господствующее над всем; она – добро, главенствующее во всем, ибо едино есть сущее, доброе и истинное, и то же самое – истинное, сущее и доброе. Истина есть такое бытие, которое не ниже любой вещи, ибо, если ты вообразишь что-нибудь, как бывшее раньше истины, ты тем самым должен его рассматривать иным, чем истина; а если иным, чем истина, то должен понимать его, как такое, у которого нет истины в самом себе, которое существует без истины, не истинно, следственно, ложное, пустое, никакое, несуществующее.

Ничто не может быть раньше истины, если только оно не первое и не выше истины, а такое истинное бытие не может быть иначе, чем через истину. Постольку же не может быть что-нибудь вместе с истиной и в то же время – без истины, ибо, если чрез истину оно не стало истинным, то оно не сущее, оно ложное, оно – ничто. Равным образом не может быть ничего после истины, ибо если – после нее, то без нее; если – без нее, значит, не истинно, ибо нет истины в нем, значит, будет ложно, будет ничто. Стало быть, истина раньше всех вещей и со всеми вещами, и после всех вещей и выше всего, со всем, после всего; от нее и начало, и середина, и конец.

Истина – раньше всех вещей, в отношении причины и начала, ибо от нее происходят вещи; она – во всех вещах, и она есть сущность вещей, ибо чрез нее они существуют; она – после всех вещей, ибо чрез нее они неложно постигаются. Она – и в идеях, и в природе, и в познании; она – и в метафизике, и в физике, и в логике. Значит, истина превыше всех вещей; а то, что превыше всех вещей, хотя бы оно было познано на иных основаниях и названо иными именами, в сущности, все же необходимо будет та же самая истина.

Вот поэтому-то вполне разумно Юпитер определил Истине – блистать на самой выдающейся части неба. Но, конечно, та истина, которую ты зришь чувственно и которую можешь обнять высотой своего ума, вовсе не есть высшая и первая, а только некое изображение, некое подобие и отсвет иной, каковая превыше Юпитера, о ком мы постоянно упоминаем, и кто служит предметом нашего олицетворения.

Саулин. Достойно и праведно, о София; ибо истина – самое искреннее, самое божественное из всего, даже – сама божественность и чистота, добро и красота вещей; насилие не в силах отнять ее, старость – состарить; скрывая, ее не умалишь, сообщая, не растратишь, ибо чувство не замутит ее, время не сморщит, место не скроет, ночь не прервет, мрак не застелет ее, наоборот, чем яростнее на нее нападают, тем все более и более она оживает и растет. Без защитника и покровителя сама себя защищает, почему и дружится с немногими мудрецами, ненавидит толпу, не дается тем, что ищут ее не ради ее самой, не хочет показываться ни тем, что дерзко выставляют себя перед нею, ни тем, что холодно ищут ее: живет очень высоко, где все на нее смотрят, и редкие видят.

Но почему, о София, за нею следует благоразумие? Может, потому, что те, кто хочет созерцать истину и проповедовать ее, должны благоразумно владеть собою.

София. Не в этом дело. У этой богини, которая всего ближе к истине, два имени: Провидение и Благоразумие. Она называется провидением, поскольку проявляется и пребывает в высших началах, и зовется благоразумием, поскольку действует в нас: все равно как солнцем зовут обычно и то, что греет и рассеивает свет, и, кроме того, сам рассеянный блеск и свет, отражаемый зеркалами и прочими предметами. Провидением, следовательно, она называется в применении к вещам высшего мира, и тогда она – подруга истины и не может существовать без нее, будучи в одно и то же время и свободой, и необходимостью.

Так что истина, провидение, свобода, необходимость, единство, сущность, бытие – все это суть одно совершеннейшее, как я разъясню тебе лучше в другой раз.

А сейчас для настоящего рассуждения тебе не бесполезно знать лишь то, что это провидение низводит на нас благоразумие, которое есть не что иное, как некий рассудок, ограниченный временем, и руководящий разум, который обнимает всеобщее и частное; слугой у него диалектика, а вожатым – приобретенная мудрость, или, как ее обычно зовут, метафизика, изучающая общие основы всего доступного человеческому познанию: обе – и метафизика и диалектика – все свои соображения передают на употребление благоразумию, а у того есть еще два предательских и порочных врага: справа – хитрость, коварство и злоба; слева – тупость, безделье, неразумение. И обращено благоразумие к рассудительной добродетели, как храбрость к взрыву гнева, умеренность к согласию на желаемое и справедливость на все действия, как внешние, так и внутренние.

Саулин. Значит, по-твоему, благоразумие в нас от провидения, и благоразумие здесь, в мире физическом, соответствует провидению там, в мире первообразов: оно дает смертным щит для разумной борьбы против напастей; оно учит нас возможно быстрым и лучшим предосторожностям там, где нам грозят и пугают нас большие утраты; оно приноравливает наши низшие силы, так что те, не изменяясь сами, приспособляют нашу душу и волю к вещам, временам и обстоятельствам. Благодаря ему для благорасположенных людей не бывает никаких неожиданностей и внезапностей: ни в чем они не сомневаются, но всего ждут, ничто не находят подозрительным, но всего берегутся, помнят о прошлом, устраивают настоящее и предвидят будущее. Теперь скажи мне, почему София следует и находится всего ближе к благоразумию и истине?

София. Как провидение и истина, София – двух родов. Одна – высшая, небесная, если можно так выразиться, сверхмирная; и она-то и есть то же самое, что провидение, все равно как свет и глаз – одно и то же: глаз – тот же свет, и свет – тот же глаз. Другая – зависимая, мирская и низшая – не есть сама истина, но подобие и участница истины; не солнце, но луна, земля или какое иное светило, заимствующее свой свет от другого.

Так что эта София не по существу, а по участию: она – глаз, который воспринимает свет и освещается внешним и странствующим светом; не глаз сам по себе, но от другого; не имеет бытия в себе, но через другое.

Ибо не есть единое, сущее, истинное; но от единого, сущего, истинного; к единому, сущему, истинному; через единое, сущее, истинное; в едином, сущем, истинном; единым, сущим, истинным. Первая – невидима, невообразима и непостижима; над всем, во всем, под всем; вторая – является в образах на небе, светится в умах, сообщается в словах, воспринимается искусствами, раскрывается в беседах, запечатлевается в писаниях. Для нее тот, кто выдает себя знающим то, чего он не знает, – дерзкий софист; а кто говорит, что он не знает того, что он знает, – неблагодарен к творческому разуму, обижает истину и оскорбляет меня. А таковы все те, что ищут меня не ради меня самой или ради высшей добродетели и любви к божеству – выше всякого Юпитера и всякого неба, – а для того, чтобы продать меня за деньги, или за почести, или за какой-нибудь иной прибыток; или ищут меня не столько для того, чтобы самим знать, сколько для того, чтобы их знали; или же для клеветничества, для нападения, для того чтобы сделаться несносными цензорами и строгими блюстителями за чужим счастьем; из них же одни – жалкие люди, другие суетны, третьи – злобны и подлы.

Но благоразумны те, что ищут меня для назидания своей души; а те, что блюдут меня для назидания прочих, человечны; ищущие меня бескорыстно – любознательны; а те, что ищут меня из любви к высшей и первой истине, – мудры и, следовательно, счастливы.

Саулин. Почему это, София, не все, владеющие тобою в равной степени, бывают одинаково сердечными людьми, наоборот, бывает и так, что чем больше кто овладевает тобой, тем становится хуже?

София. Отчего, Саулин, солнце согревает не всех, кого освещает, а иногда – всего меньше тех, кого больше всего освещает?

Саулин. Я понимаю тебя, София: ты различными способами созерцаешь, постигаешь и объясняешь истину и действие той, что служит высшим основанием твоего бытия, до коей, восходя разными ступенями и по различным лестницам, все вожделеют, пытаются, стремятся и сияются достичь, которая – предмет, единственная цель и предел различных стремлений – движет всемерно различных носителей духовных способностей, направляя их к единой и простейшей истине. Но как нет того, кто мог бы до нее коснуться, так здесь внизу нет такого, кто мог бы ее совершенно понять; ибо она непостижима и дается лишь тем, в ком она пребывает сущностью, то есть только себе же самой. И вследствие того со стороны ее можно видеть только в тени, подобии, в зеркале, с поверхности и по внешности. Нет никого в этом мире, кто бы по велению промысла и усилием благоразумия подошел бы к ней ближе, чем ты, София. В то время как сама ты ведешь к ней различные секты, из коих каждая добывается истины по-своему: то удивлением, то сравнением, то изысканием, то мнением, то суждением; одни – с Помощью естественной магии, другие – суеверным гаданием, то через отрицание других, то через утверждение, путем сложения, путем разложения; одни – путем определений, другие – путем доказательств, одни – принципами приобретенными, другие – божественными; Истина – всюду сущая и нигде не пребывающая – призывает их без изъятия, предлагая умственным взорам великую книгу всех вещей и сил природы и нашептывая им в уши внутреннего ума о всех родах вещей, доступных познанию, как видимых, так и невидимых.

София. За Софией следует Закон, ее сын: через него изволит она действовать и осуществляться. Им князья правят, царства и республики держатся. Он, применяясь к укладу и обычаям народов и племен, подавляет дерзость страхом, ограждает доброту от преступников, вызывает у виновных угрызения совести, страх правосудия и трепет наказаний.

Юпитер вознес Закон на небо с таким условием, да устроит он, чтобы властвующие не считали себя неуязвимыми в своей силе и превосходстве; напротив, передавая все высшему провидению и Закону (коим, как божественным и природным, устанавливается и гражданский), да внушит вырывающимся из паутинных сетей, что для них уготованы более крепкие сети, путы, цепи, кандалы, что по приказу вечного и священного Закона более сильные будут сильнее скручены и связаны, если не в этой одежде и не в этом обиталище, то в других, более худших. Затем повелел и наказал Юпитер Закону всего строже поступать в тех обстоятельствах, ради коих он главным образом и прежде всего назначен, т. е. во всем, что касается сожительства людей и гражданственности: дабы беззащитные ограждены были от власти имущих, слабые не угнетались сильными, низлагались тираны, назначались и утверждались справедливые правители и цари, поощрялись республики, насилие не подавляло разум, невежество не презирало науку, богатые помогали бедным, добродетели и занятия, полезные и необходимые обществу, поощрялись, развивались и поддерживались, преуспевающие возвышались и награждались, а праздные, скупые и собственники презирались и выставлялись на позор. Дабы страх и почтение к невидимым силам, честь, почтение и страх к ближайшим живым правителям держались; никто не получил власти, кроме тех, что выдались своими заслугами, доблестью и умом или сами по себе, что редко бывает и почти невозможно, или с помощью и по совету других, что – желательно, обычно и необходимо.

Юпитер дал Закону власть законодательствовать, которая всего больше – в том, чтобы не делать ничего, что влечет за собой презрение и негодование, неизбежные, если пойти двумя дорогами: или дорогою несправедливости, приказывая и утверждая неправду, или дорогою трудности, утверждая и повелевая невозможное, что тоже несправедливо. Двумя руками можно издавать каждый закон: одна – справедливости, другая – возможности, и каждая из них поверяется другой; именно, многое – возможно, но несправедливо, наоборот, все справедливое – возможно.

Саулин. Хорошо твое слово, София: нельзя допускать ни одного закона, который бы не был предназначен для пользы человеческого общежития.

Это хорошо обдумал и наказал Юпитер Закону: ибо нисходят ли с неба, выходят ли от земли – не должны быть ни одобрены, ни приняты никакие установления или законы, которые не приносят ни пользы, ни удобства и не направляют к лучшей цели. Самым лучшим законом мы можем считать тот, что направляет души и преобразует умы так, что они начинают приносить плоды, полезные и необходимые человеческому обществу. Конечно, это должно быть божественным делом, искусством искусств и дисциплиной дисциплин: исправлять и обуздывать людей, среди всех животных обладающих самым сложным устройством, разнообразнейшими обычаями, весьма непохожими друг на друга склонностями, различнейшими хотениями, самыми прихотливыми стремлениями.

Но, горе мне, София, до чего мы дошли – мог ли кто когда подумать, что это возможно? – говорят, будто бы самая настоящая религия⁸⁰ – та, что позорит, уничтожает, унижает делание и действие добрых дел; ибо о делах-де не заботятся боги, и ими, как бы они ни были велики, не оправдываются люди.

София. Я как во сне, Саулин. Мне кажется, твои слова скорее призрак, порождение расстроенного воображения, чем правда; и даже пусть есть такие, что проповедуют так и убеждают в том несчастных людей, все же не сомневайся. Мир легко заметит, что ему не переварить этого. Ведь очень легко убедиться, что нельзя жить без законов и религии.

Итак, мы рассмотрели вкратце, с какими прекрасными полномочиями водворен на небе Закон; теперь послушай, на каких условиях в соседи ему дан Суд. Юпитер вручил Суду меч и корону: да награждает короной того, кто поступает хорошо и воздерживается от зла, да карает мечом тех, кто всегда готов на преступление, и суть бесполезные и бесплодные растения.

Суду – вручил защиту и попечение об истинном законе, уничтожение неправды и лжи, внушаемых лукавыми гениями и врагами тихой и счастливой человеческой жизни; приказал также – Суду вместе с Законом – не уничтожать, но, сколь возможно, возжигать стремление к славе в человеческих сердцах, ибо это единственные самые верные шпоры, которые возбуждают людей и воспаляют их к героическим поступкам, увеличивающим, поддерживающим и укрепляющим республики.

Саулин. А вот наши приверженцы выдуманной религии, называя тщетной всю эту славу, говорят, будто нужно гордиться – не знаю какой – каббалистической трагедией⁸¹.

София. Не следует суду посягать на то, что думает или воображает себе каждый, лишь бы слова и жесты его не нарушали спокойствия; но больше всего – исправлять и поддерживать то, что выражается в деяниях; не судить о дереве по прекрасной листве, но по плодам добрым, ибо те, что не дают их, будут потреблены и заменены другими, которые принесут плод. Да не верят, что боги хотя сколько-нибудь чувствуют и себя затронутыми тем, что не трогает ни одного человека, ибо боги заботятся только о том, что и людей заботит, а трогаются и гnevаются лишь на такие речи, дела и мысли человеческие, которые подрывают уважение, коим держатся республики: ведь боги не были бы богами, если бы проникались горем или радостью, наслаждением или неудовольствием из-за того, что думают или делают люди, ведь тогда они стали бы зависимее людей или, по крайней мере, получали бы больше от людей, чем люди от них. Но, будучи бесстрастными, боги проявляют гнев и радость действием, а не чувством. Вот почему они не грозят наказанием и не обещают награды за зло или добро, что – в самих людях, но только за то, которое совершено в международных и гражданских сношениях, коим боги по недостаточности человеческих законов и установлений помогают своими божественными.

80. «будто бы самая настоящая религия – та, что позорит, уничтожает, унижает делание и действие добрых дел» – намек на Реформацию.

81. «Говорят, будто нужно гордиться – не знаю какой – каббалистической трагедией» – Бруно нападает здесь со всею страстностью и огнем своей динамической деятельной натуры на протестантское учение об оправдании верою.

Как же недостойно, глупо, невежественно и кощунственно думать, что боги ищут уважения, страха, любви, служения и почтения от людей ради другой какой цели и пользы, как не для самих же людей: ибо, будучи славнейшими в себе, так что извне ничего нельзя прибавить к их славе, боги установили законы не для своей славы, но для того, чтобы сообщить славу людям. Вот почему, чем дальше законы и суды от доброты и истины Закона и Суда, тем скорее они перестают устраивать и упорядочивать прежде всего область нравственных отношений людей друг к другу.

Саулин. Поистине, София, Юпитер показал своим повелением, что деревья, насажденные в садах законов, посажены богами ради плодов, и особенно таких, коими бы кормились, питались и сохранялись люди: только таких плодов запах дает богам наслаждение.

София. Слушай. Суд, как того хочет Юпитер, должен внушать людям, что боги желают любви и благоговения исключительно ради блага человеческого общества и для наивысшего предотвращения пороков, докучающих последнему. Поэтому внутренние прегрешения должны быть наказаны, поскольку они обнаруживаются или могут обнаружиться во внешнем действии, и внутренне праведный никогда не станет праведным без внешних дел, все равно как растение не растение, если у него ни сейчас, ни в будущем не предвидится плодов. Воля Юпитера, дабы из целого ряда грехов большими считались такие, что приносят ущерб государству; меньшими – частному лицу; самыми малыми, когда дело идет о договоре двух; и ни во что не ставит грех, не приведший к дурному примеру или действию, приключившийся от случайного порыва в душевном состоянии индивидуума. И, соответственно этому ряду грехов, вышние боги чувствуют себя оскорбленными или больше, или менее, или меньше всего, и, наконец, вовсе не оскорбленными, а дела противоположного свойства возбуждают в них чувство удовлетворения в соответственных степенях.

Юпитер приказал еще Суду впредь одобрять раскаяние, но никогда не равнять его с невинностью; одобрять веру и уважение, но никак не равнять их с делом и подвигом. Да смотрит Суд так же на исповедание и слово в сравнении с исправлением и воздержанием; да вознаграждает мысли лишь постольку, поскольку они просвечиваются во внешнем поведении и возможных действиях. Да не ставит рядом того, кто укрощает тело, с тем, кто обуздывает дух; не равняет бесполезного пустынножительства с плодотворною общительностью. Да различает обычаи и религии не столько по различию одежд, сколько по хорошим и лучшим навыкам в добродетели и воспитании. Да сочувствует не столько тому, может, бессильному и холодному, кто обуздал любострастный пыл, но скорее тому, кто утишил приступ гнева и кто наверняка не робок, но терпелив. Да не рукоплещет тому, кто – может, бесполезно – принуждал себя не проявлять любострастия, а скорее тому, кто заставил себя не быть злословцем и злодеем; да не считает большим грехом гордое стремление к славе, откуда часто проистекает благо республики, чем глухую страсть к деньгам. Да не прославляет того, кто вылечил презренного и бесполезного хромца, который и здоровый мало или немного более стоит больного, больше, чем того, кто освободил родину и восстановил впадший в уныние дух; не считает равным или даже большим геройством умение затушить без воды огонь пожарища, чем без крови подавить вспыхнувшее народное восстание; не позволяет воздвигать статуи трусам и врагам республиканского государства и во вред нравам человеческого общежития взывать к ним с речами и снами, но тем, кто строит храмы богам, распространяет культ и служение таким законам и религиям, благодаря коим возжигаются великодушие и пыл к славе – награде за полезные услуги отечеству и всему человеческому роду, – ради чего основаны также университеты, где изучаются нравы, искусства и военное дело. Да воздержится и не обещает почестей и наград вечной жизни и бессмертия тем, кого одобряют педанты и болтуны, но тем, кто любезен богам за то, что посвящает себя всецело совершенствованию своего и чужих умов, служению для общества, усердному выполнению дел великодушия, справедливости и милосердия.

За это самое боги возвеличили римский народ перед прочими, ибо он своими великолепными поступками более других народов сумел уподобиться и походить на богов, прощая покоряющихся, покоря гордых, отпуская обиды, не забывая услуг, помогая нуждающимся, защищая обиженных, возвышая угнетенных, обуздывая насильников, выдвигая вперед способных, принижая преступных: тех – устраняя и до конца изничтожая бичом и секирою, других – почитая и прославляя статуями и колоссами. Вследствие чего народ этот показал себя обузданнее и дальше от пороков некультурности и варварства, более отборным и готовым на геройские подвиги, чем другие когда-либо существовавшие народы: и пока таковы были римские законы и религия, таковы были нравы и подвиги, таковы же – честь и счастье.

Саулин. Я желал бы, чтобы Суду было наказано сделать что-нибудь решительное против необузданности грамматиков⁸², что бесчинствуют в наше время по Европе.

София. Очень хорошо, Саулин, на их счет приказал, поручил и определил Юпитер, дабы Суд удостоверился, правда ли, что они заставляют людей презирать или, по крайней мере, беззаботно относиться к законодательству и законам, толкуя, будто бы боги предписывают невозможные вещи и правят, как бы дурачась, т. е. разъясняя людям, будто боги только и умеют повелевать, чего люди не могут выполнить. Посмотрел бы, не портят ли – якобы из желания преобразовать безобразные законы и религии – наверняка все, что есть в религиях доброго, подтверждая и возвышая до самых звезд все, что есть и можно вообразить извращенного и суетного. Приносят ли они иные плоды, кроме разрыва сношений, сеяния несогласий, нарушения связей, возмущения детей против отцов, рабов против господ, подданных против управителей, кроме раскола между народами, племенами, товарищами и братьями; кроме разорения семейств, городов, республик и царств; и в заключение, не вносят ли они, несмотря на свои мирные приветы, всюду, куда ни появятся, меч разделения и огонь рассеяния, отнимая сына у отца, ближнего у ближнего, гражданина у отечества и творя прочие ужасные разлучения против природы и закона? И несмотря на свои заверения, будто служат тому, кто воскрешает мертвых и исцеляет недужных; пусть посмотрит, не хуже ли они всех, кого вскормила земля, заражая здоровых и убивая живых не столько огнем и железом, сколько своим погибельным языком.

Что это за мир и согласие предлагают они бедным народам? Не хотят ли и не мечтают ли, будто весь мир, одобрив и согласившись с их злостным и надменнейшим невежеством, успокоит их лукавую совесть, тогда как сами они не хотят ни принять, ни согласиться, ни подчиниться никакому закону, справедливости и учению: ведь во всем остальном мире и в прошлых веках не было такого несогласия и разногласия, как меж ними. Ибо среди 10000 подобных учителей не сыщешь одного, у которого бы не было собственного катехизиса, если уже не обнародованного, то готового к обнародованию, о том, что он не одобряет никакого другого установления, кроме своего, находя во всех прочих, что осудить, отбросить и подвергнуть сомнению; среди них есть даже такие, что противоречат сами себе, отменяя сегодня то, что они же писали вчера. Что они успели, какие обычаи сами вводят и внушают другим в делах справедливости, милосердия, сохранения и увеличения общественных благ?

82. «необузданности грамматиков» – Бруно снова нападает здесь на сторонников реформы. Чтобы сделать понятнее эти нападки, необходимо помнить, что Бруно впервые встретился с Реформацией в кальвинистической Женеве в 1579 г., когда там еще жив был фанатичный дух Кальвина. Как известно, во время теократического режима Кальвина в Женеве только за время с 1542 по 1546 гг. по обвинению в ереси было казнено 30 мужчин и 28 женщин: из них 10 – были обезглавлены, 13 – повешены, 35 – сожжены, 76 других поплатились изгнанием: в Женеве был казнен известный врач Сервет.

Бруно также не избег столкновения. Сохранились документы в Женевском архиве, из коих видно, что Джордано Бруно подвергся заключению в тюрьме за свое полемическое сочинение против профессора философии Де-Лафе (de la Faye), в котором Бруно ругал «педагогами» протестантских пасторов (Giordano Bruno, Geneve, Documents inedités par Theophile Dufour, directeur des archives de Geneve. Geneve, 1884).

Воздвиглись ли благодаря их доктрине и учительству академии, университеты, храмы, больницы, коллегии, школы и заведения для искусства и науки, или же где все это раньше было, так и осталось по-прежнему со столькими же факультетами, как до их прихода и появления меж людьми? Далее – пусть посмотрит Суд, – увеличилось ли все это благодаря их заботам или же по небрежности их уменьшилось, пало в развалины, разрушение и рассеяние? Завладевают ли они чужим имуществом или же увеличивают свое собственное добро, и, наконец, те, что перешли на их сторону, увеличивают ли и устраивают ли общественное благополучие, как делали их противники и предшественники, или же совместно только тратят, разрушают и пожирают, а отвергая дела, уничтожают всякое усердие к созданию нового и к поддержке старого?

Если все это так, если они будут упорствовать в своем убеждении, если и после предупреждения заявят себя вовсе неисправимыми, то Юпитер поручает Суду – под страхом немилости и потери занятой должности – рассеять, погубить, изничтожить и выбросить их с какой угодно силой, мощью и ловкостью так, чтоб и самое имя столь заразного семени было забыто. А все поколения Земли призывает Юпитер – под страхом разорения – вооружиться в защиту Суда до окончательного приведения в исполнение декрета Юпитера против этого позорного пятна мира.

Саулин. Я думаю, София, Юпитер не захочет так строго и окончательно осудить этих несчастных, не попытавшись предварительно, нельзя ли их исправить, и, дав понять свое заблуждение и злословие, призвать к покаянию.

София. Так, хорошо. Потому-то Юпитер и приказал Суду действовать следующим образом. У них должны быть взяты все имения, приобретенные теми, кто проповедовал, славословил и наставлял милостыне, оставленные и завещанные теми, кто благотворил и верил в их дела, и упорядоченные теми, кто верил, что эти благотворения, благодеяния и завещания есть угодное богам. Таким образом уничтожатся плоды деревьев, что выросли из ненавистного им семени, а сами они станут поддерживать себя, сохранять, защищать и питаться только теми плодами, теми подаяниями и пособиями, которые приносят и приносили верующие, одобряющие и защищающие их мнение. Да не позволено будет более похищать и насильно захватывать то, что для общей пользы, свободно и с благодарностью, совсем в других целях и с другими средствами, создали и посеяли другие. Да удалятся они из этих якобы оскверненных домов и не едят от хлеба отлученных, но да идут жить в чистых и никому не принадлежащих домах и питаются там пищей, приуготовленной им посредством реформированного закона вновь этими благочестивыми личностями, которые так пренебрегают деланием дел и только по какой-то нелепой и глупой фантазии считают себя небесными царями и сынами божьими, а на самом деле более верят и полагаются на пустую бычачью и ослиную веру, чем на полезное и великодушное дело.

Саулин. Скоро обнаружится, могут ли приобрести хоть пядь земли те, что так щедро и расточительно раздают небесные царства, и узнается об этих новых повелителях небесных эмпирей, как свободно станут они посылать своих небесных посланников – Меркуриев из того же, что и они, теста (может, за недостаток веры в дела милосердия) – обрабатывать поля и заниматься прочими ремеслами, ибо они, не утруждая слишком головы, уверяют, будто – не знаю какая – справедливость одного стала их собственным оправданием, от каковой чистоты и справедливости исключены они уже одним тем, что, будучи смущены злодейством, хищением, насилием и человекоубийством, каковое они сделали, теперь нисколько не доверяются, не ждут и вовсе не надеются на милостыню, дела благотворительности, сострадания и справедливости.

София. Как можно, Саулин, чтоб при такой совести у них когда-либо явилась настоящая любовь к деланию добра, истинное раскаяние и страх совершить какое-либо зло, если они за зло, ими соделанное, так уверены, а к делам справедливости имеют такое недоверие!

Саулин. Ты видишь следствия, София. Ибо ясная и верная вещь: если кто от какой угодно веры и исповедания перейдет к этой, то сделается из щедрого скупым, из кроткого – дерзким, из скромного – гордым, из дающего свое – похитителем и присвоителем чужого, из доброго – лицемерным, из искреннего – притворным, из простеца – злобным, из знающего себя – самым заносчивым, из доброжелательного и любознательного – готовым на всякое зло и невежество и, в заключение, из плохого станет худшим, хуже какого не может быть.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ВТОРОГО ДИАЛОГА

София. Итак, продолжим разговор, прерванный вчера появлением Меркурия.

Саулин. Да, теперь, после объяснения причины призвания и расположения добрых божеств в тех местах, где были звери, как раз пора посмотреть прочих заместителей, и, пожалуйста, потрудись каждый раз объяснять мне причины и основания. Мы остановились вчера на том, как отец Юпитер снарядил в путь Геркулеса, следовательно, прежде всего надо узнать, кем заместил он Геркулеса.

София. Я, о Саулин, воочию видела, как на небе происходило то самое, что в фантазии, во сне в тени, в духе пророческом видел Крантор⁸³: именно, спор Богатства, Наслаждения, Здоровья и Силы. Ибо не успел Юпитер исключить Геркулеса, как выступило вперед Богатство и сказала:

– Мне, Отче, принадлежит это место.

Ему возразил Юпитер:

– Почему?

И оно:

– Даже удивляюсь, ты до сих пор не позвал, ты до того забыл меня, что не только призывал других богинь и божеств, которые должны уступить мне, но, наконец, заставил меня выступить самому и защищаться против нанесенной мне несправедливости и обиды.

Юпитер возразил:

– Говори же о своем деле, Богатство! По-моему, не дав тебе ни одного из разделенных уже мест, я не был несправедлив; и уверен, что если не отдам и то, о коем сейчас – речь, тоже не сделаю несправедливости; смотри, не ждет ли тебя худшее, чем ты думаешь.

– Что может и должно случиться со мною по вашему Суду хуже того, что уже случилось? – сказала Богатство. – Ответь, на каких основаниях ты предпочел мне Истину, Благоразумие, Софию, Закон, Суд, если я – то, из-за чего Истина чтится, Благоразумие распределяется, София награждается, Закон царствует, Суд наводит порядок; а без меня: Истина – в позоре, Благоразумие – в презрении, Закон – нем, София – в пренебрежении, Суд – хром; ибо я даю первой – место, второму – нерв, третьей – свет, четвертому – власть, пятому – силу и всем вместе – радость, красоту, роскошь, освобождая от тягостей и нищеты.

Возразил Мом:

– Ты, о Богатство, столько же говоришь правду, сколько и ложь, ибо вместе с тем ты – и то, из-за чего хромает Суд, Закон немотствует, София предается на муки, Благоразумие – в темнице и Истина – в унижении, так как ты дружишь с лжецами и невеждами, поощряешь рукою жребия глупость, воспламеняешь души к наслаждениям и портишь их, подталкивая к насилию, сопротивляясь справедливости; а затем всем, владеющим тобою, приносишь ты столько же блаженства, сколько тяготы, как безобразия, так и красоты, грязи и украшения: ты, не полагая предела тягости и нищеты, даешь им только другой вид, так что кажешься лишь хорошим, будучи скорее дурным, по видимости мило, в сущности отвратительно, в воображении полезно, но, по правде, всех губительнее. Ибо когда ты возьмешь руководить какого-нибудь злого человека (обычно я вижу тебя в доме преступников, редко – у добрых людей), ты сейчас же свергаешь долой Истину, изгоняешь ее из городов в пустыни, перебиваешь ноги Благоразумию, заставляешь стыдиться Софию, замыкаешь уста Закону, отнимаешь смелость у Суда, одним словом, всех делаешь самыми подлыми.

– Из этого, Мом, – возразило Богатство, – ты можешь познать мою власть и превосходство: я открываю и сжимаю кулак, отдаю на ту или иную сторону – и вот эти пять божеств: или в могуществе и силе, или же в презрении и небрежении, и, говоря прямо, я могу их прогнать на небо или в ад.

Тут Юпитер возразил:

– Нам нужны на небо и на небесные троны только добрые божества.

83. Крантор – один из философов платоников. Упомянутая Бруно аллегория находится у Секста Эмпирика в творении его «Против математиков».

Прочь отсюда все дурные и те, кто более плох, чем хорош, и те, кто безразлично и хорош, и не хорош; между такими, по-моему, и твое место, так как ты с хорошими – хорошее, и нет тебя хуже со злодеями.

«– Знаешь, Юпитер», – сказала Богатство, – само по себе я доброе, а становлюсь безразличным и ни туда, ни сюда или, как ты выразился, и туда, и сюда, не само по себе, а поскольку другие хотят воспользоваться мною для добра или для зла. Мом вставил:

– Стало быть, ты, Богатство, божество управляемое, прислужница, беспрекословная исполнительница, и не ты само управляешь собой, не ты поистине царствуешь и располагаешь другими, но тобою располагают и тебя направляют другие. Так что ты – хорошо, когда тобою хорошо руководят другие, и – плохо, когда руководят плохо. Ты, говорю, хорошо в руках Справедливости, Софии, Благоразумия, Религии, Закона, Щедрости и прочих божеств, но плохо, если тобою владеют противоположные им, как насилие, скупость, невежество и другие. И поскольку, значит, само по себе ты ни хорошо, ни плохо, постольку, думаю, хорошо было, что Юпитер не опозорил, но и не почтил тебя, не дав, следовательно, тебе собственных палат ни вверху, среди божеств, ни внизу, в аду, но определил вечно бродить с места на место, из края в край.

Засмеялись все боги на слова Мома, а Юпитер объявил приговор:

– Так что, Богатство, если ты будешь богатством Справедливости, будешь жить в ее палатах; когда станешь богатством Истины, будешь там, где ее светлость; если – Мудрости и Софии, то сядешь у них на троне; если – сладостных наслаждений, находишься там, где они; если денежным богатством, тебя будут прятать в кошельки и карманы; если богатством вина, масла и хлеба, запрут тебя в магазины и погреба; овец ли, коз и быков, будешь пастись с ними на пажитях и в стадах.

Точно так же определил Юпитер, что делать Богатству с глупцами, и как ему держаться в домах мудрецов, да действует оно в будущем, как и раньше (может, по неспособности поступать иначе), пусть будет иной раз легко доступным, иной – трудно. Но немногие бы поняли это, если бы Мом не возвысил голоса и не указал Богатству иной, если не тот же самый путь, а именно:

– Да не сможет найти тебя никто раньше, чем начнет раскаиваться в том, что когда-то имел добрый разум и здравый мозг.

Думаю, ему хотелось сказать этим: чтоб найти богатство, нужно потерять рассудительность и благоразумие суждений, не заботиться об изменчивости и неверности времен, не обращать внимания на сомнительные и неустойчивые обещания моря, не верить небу, не смотреть на правду или кривду, на честь или бесчестье, на ведро или ненастье, но все препоручить Фортуне.

– И берегись, – продолжал Юпитер, – стать слугой тех, кто ищет тебя слишком рассудочно; всего реже являйся тем, кто гоняется за тобой с сетками, цепями и сетями предусмотрительности, но иди скорее всего к самым безрассудным, глупцам, беззаботным и дуракам, одним словом, когда будешь на земле, остерегаясь, как огня, очень мудрых, всегда присосеживайся и дружись с полужверьем, держись всегда тех же правил, что и Фортуна.

Саулин. Обычно, София, мудрецы не очень богаты: или потому, что довольствуются малым и считают малое многим, раз этого хватает для жизни, или, занятые более достойными делами, не находят времени искать встреч с одним из этих божеств – Богатством или Фортуной. Но продолжай свои рассуждения.

София. Только что Бедность увидела, как ее подруга получила отказ, сейчас же вперед и с более чем бедным изяществом сказала: по той самой причине, из-за которой Богатство не удостоилось этого места, она – Бедность – должна считаться достойнейшей, ибо противоположна Богатству.

Ей ответил Мом:

– Бедность, Бедность, ты не была бы Бедностью, если б не была бедна доказательствами, силлогизмами и правильными выводами. Разве, несчастная, из того, что вы – противники, следует, что ты должна быть облечена в то, чего Богатство лишено и что у него взято? Разве ты должна быть тем, чем оно не есть? Тогда, простите за пример (ибо ей нужно пояснить), ты должна быть Юпитером или Момом только потому, что оно ни Юпитер, ни Мом, и, следственно, все то, что отрицается в Богатстве, должно утверждаться в тебе. Люди, которые богаче тебя в диалектике, знают, что противоположное не тождественно с положительным и частичным, противоречивым, разнообразным, различным, другим, разделенным, различенным и разным. Знают еще, что по смыслу противоположностей следует, что вы одновременно не можете быть в одном месте, но вовсе не то, будто там, где нет и не должно быть его, должна или можешь быть ты.

Тут все боги засмеялись, увидев, как Мом поучает логике Бедность. Так и осталась пословица на небе: Мом – учитель Бедности, или же: Мом обучает диалектике Бедность. Ее приводят, желая указать какое-нибудь вопиющее противоречие.

– Что же, по-твоему, нужно сделать со мною? – сказала Бедность. – Назначай скорее, ибо я не так богата словами и присказками, чтоб спорить с Момом, не так восприимчива, чтобы многому научиться от него.

Тогда Мом попросил у Юпитера, не соизволит ли тот, чтоб на этот раз он, Мом, дал свое решение. Ему Юпитер:

– Ты еще смеешься надо мной, Мом: у тебя столько вольности, что ты один свободнее всех остальных. Конечно, произнеси ей приговор; хорош будет – мы все одобрим.

Тогда Мом сказал:

– По-моему, уместно и достойно отправиться и ей по тем же площадям, куда, как видно, пошло кружить Богатство, бегать и ходить взад и вперед по тем же селам; ибо, как хотят правила логики по закону противоположностей, Бедность должна входить только туда, откуда бежит Богатство, и заступать место Богатства только там, откуда оно уходит; и пусть всегда одна будет в тылу у другого, одна выталкивает другого, не сталкиваясь никогда лицом к лицу, но где у одной будет грудь, там у другого спина, как будто они играют, как это иной раз делаем мы.

Саулин. Что ж сказал на это Юпитер и остальные?

София. Все согласились и утвердили приговор.

Саулин. А что же Бедность?

София. Она сказала:

– По-моему, боги (если мое мнение у места, и мне не отказано в суде), несправедливо во всем равнять мое положение с Богатством.

Ей возразил Мом:

– Из предыдущего – что вы выступаете на одной и той же сцене и играете одну и ту же комедию, и трагедию – ты не должна извлекать то следствие, что вы в одном и том же положении, *guia contraria versantur circa idem*, ибо крайности сходятся.

«– Вижу, Мом», – сказала Бедность, – ты насмехаешься надо мною, даже ты, чья профессия говорить правдиво и разумно, презираешь меня. Не твое, по-моему, это дело, ибо Бедность заслуживает скорее и подавно больше защиты, чем Богатство.

– Чего же ты хочешь от меня, – возразил Мом, – если ты совсем, совсем бедна. Бедность не стоит защиты, если до того бедна суждениями, разумом, заслугами и силлогизмами, что вынудила меня пересказывать аналитические правила *Priori* и *Posteriori* Аристотеля.

Саулин. Что ты говоришь, София? Значит, бывает, что боги берут в руки Аристотеля? Изучают – простите за выражение – философов?

София. Не скажу тебе, какими преимущественно книгами занимаются они: той ли, что говорит о Пиппе, Нанне и Антонии⁸⁴, Буркиеллем ли, Анкриией или какой другой книге неизвестного автора, о которой идет спор, пьесе Овидия или Вергилия – забыла и я ее название! – или прочих книгах подобного рода.

Саулин. И даже если в них постоянно говорится о столь серьезных и важных материях?

София. А, по-твоему, разве эти книги не серьезны? Разве они не важны? Если б ты был более философ, говорю без обиняков, ты был бы убежден, что нет лекции, нет книги, которой не рассмотрели бы боги и, будь только она не без соли написана, не проглотили бы, а если – не совсем глупа, не приковали бы на цепь в общественной библиотеке. Ибо боги находят наслаждение в многообразном изображении всего и в многообразных плодах всех умов: они столько же сорадуются всему существующему, сколько и заботятся, и дают повеления, чтобы все было и устроилось. И подумай – боги судят иначе, чем все мы; не все то, что грешно для нас и по-нашему, грешно для них и по их мнению. Конечно, такие книги, как богословские, не должны быть доступны невежественным и в то же время преступным людям: им они – плохое назидание.

Саулин. Разве же нет книг, написанных людьми дурной славы, нечестными и развратными, наконец – злонамеренно?

София. Конечно, есть, но и они не без своего назидания, и они не без плодов познания о том, кто пишет, как пишет, почему и где пишет, о ком и как говорит, как ошибается он, как другие в нем ошибаются, каким образом отвращается и склоняется к добродетелям и порокам, как трогается он смехом, заботой, наслаждением, отвращением – во всем есть мудрость и провидение, всюду во всяком – всякое, и всего чаще там, где одна крайность, есть и другая, противоположная ей, и одна крайность всего больше выясняется из другой.

Саулин. Однако возвратимся к своей беседе, от которой отвлекло нас имя Аристотеля и слава Пиппы. Как была отпущена Бедность Юпитером после того, как ее так осмелял Мом?

София. Я не могу передать все смешные разговоры, какими обменялись Мом и Бедность: он поглумился над нею вволю, она не меньше – над ним. Наконец Юпитер заявил, что Бедность получит преимущества и прерогативы, каких нет у Богатства здесь внизу.

Саулин. В чем дело?

София. «Хочу, – сказал Отец, – прежде всего, чтобы ты, Бедность, была зрячей и умела легко возвращаться туда, откуда ты на время ушла, и прогонять Богатство с большей силой, чем оно тебя, а ему быть вечно слепым. Затем хочу, чтобы ты, Бедность, была крылатой, ловкой, с быстрыми, как у орла или коршуна, крыльями, но с ногами, как у старого быка, что еле тащит тяжелый плуг, глубоко забирающий землю; Богатство, наоборот, с медленными и тяжелыми, как у лебедя или гуся, крыльями, но с ногами, как у самого быстрого оленя. Так что, если Богатство побежит откуда на своих быстрых ногах, ты, взмахнув крыльями, явишься туда; а откуда ты умчишься на крыльях, туда явится вслед быстроногое Богатство, так что ты будешь гнаться и преследовать его с той быстротой, с какой оно станет гнаться и преследовать тебя».

Саулин. Почему же не одарил обоих хорошими крыльями и ногами? Тогда ничуть не хуже сумели бы они преследовать и убегать друг от друга, то медленно, то быстро.

София. Богатство всегда перегружено: того гляди, оно сломало бы крылья под своею ношею, а Бедность – вечно босая – легко могла бы разбить себе ноги по скверным дорогам. Вот почему тому совсем ни к чему быстрые крылья, а этой – быстрые пятки.

Саулин. Я доволен таким решением. Продолжай.

84. Пиппа, Нанна и Антония – три собеседницы «Ragionamenti» (1535 или 1536 г.) Петра Аретино. Буркиелло – знаменитый флорентийский поэт и цирюльник (1404-1449 гг.), автор поэтической шуточной формы, которая так именно и называлась «буркиелески». Анкроя – тоже известная поэма французского цикла, очень распространенная в Италии чинквеченто.

София. Далее воля Юпитера: Бедности постоянно преследовать Богатство, а Богатству убежать от нее в земных дворцах и в тех палатах, где царствует Фортуна; но всякий раз, как Богатство владеет тем, что высоко и далеко от ярости времени и слепой Фортуны, Бедности не нападать тогда со всей силой и пылом, стремясь прогнать и отнять его место. Да не уходит Богатство так легко оттуда, куда оно добралось с такими трудностями и честью. «И наоборот, ты, Бедность, имей постоянство в низшем, как Богатство в высшем. Даже, – прибавил Юпитер, – хочу, чтоб у вас в некотором роде было известное согласие, не только не маловажное, но весьма существенное. Так что не думай, будто изгнанием с небес ты тем самым сблизилась с адом, а изведением из ада ты возносишься на небо, и, таким образом, положение Богатства, о котором говорено, неизмеримо лучше твоего. Нисколько не желая, чтобы вы изгоняли друг друга со своих мест, я, напротив, хочу, чтобы вы взаимно поддерживали и питали друг друга, чтобы между вами были теснейшая дружба и родство».

Саулин. Объясни мне скорей, как это может быть.

София. Юпитер прибавил к уже сказанному следующее:

– Ты, Бедность, когда станешь Бедностью низшими вещами, можешь сходить и объединяться с Богатством высшими вещами, и настолько, насколько это будет вовсе недоступно твоей противнице – Богатству низшими вещами. Ясно для всякого мудрого и жаждущего знания, что с ним не достичь и не сделать великого, так как Богатство – помеха философии, а Бедность проторяет ей верный и надежный путь. Нельзя углубляться в размышления там, где повсюду толчется множество рабов, где надоедливая толпа верителей и должников, счета купцов, разговоры арендаторов, жратва для уймы избалованных брюх, пожива для воров, глаза завидующих тиранов, обирательство вероломных приказчиков. Так что никто не может вкусить спокойствия духа, если он не бедняк или близко к тому.

Затем я хочу, чтобы был великим тот, кто в бедности богат, ибо доволен; и да будет презренным рабом тот, кто в богатстве беден, ибо не сыт. Ты, Бедность, будешь спокойной и уверенной, а Богатство – мятежно, искательно, подозрительно и беспокоино; ты будешь величавее и великолепнее Богатства своим презрением к нему, чем оно, находящееся в уважении и почете; чтобы достичь тебя, да будет довольно одной мысли, сделаться только спутником Богатства – мало владеть всем. Да будет в тебе более величия, когда ты отсекаешь желания, чем у него, когда – увеличивает стяжания. Да будут наяву твои друзья, у него скрыты враги. Ты будешь знанием законов природы богата, оно совсем нище при всех своих мещанских промыслах и ремеслах, ибо не тот, у кого мало, но тот, кто много желает, поистине беден. Для тебя (если затынешь мешок вожделения) необходимого будет много, а малого – достаточно; для него – ничего вдоволь, ибо на все будет кидаться оно с растопыренными руками. Ты, заперев свои желания, сумеешь поспорить в блаженстве с Юпитером; оно, расширяя складки своего вожделения, все более и более станет вязнуть в бездне несчастья.

После того как Юпитер сделал такое напутствие Бедности, она, очень обрадовавшись, попросила позволения уйти, но Богатство знаком попросило дозволения еще раз выступить и внести в совет какое-то новое искательное предложение, но ему не дали более слова.

– Прочь, прочь! – закричал Мом. – Разве ты не слышишь, как зовут, кричат тебе, умоляют, умиляют, плачут, призывают тебя такими пронзительными мольбами и криками, что порою оглушают всех нас? Чего же ты так медлишь и не торопишься туда? Иди прочь живее сейчас же, если хочешь убраться подобру-поздорову!

«– Не беспокойся об этом, Мом», – сказал отец Юпитер. – Пусть отправляется отсюда и идет, когда ему угодно и надо.

– В самом деле, – спохватился Мом, – по-моему, достойно сожаления и в некоем роде несправедливо по отношению к тому, кто может не заботиться о том, чтобы Богатство всего реже являлось к зовущим и призывающим и всего чаще давалось в руки тем, кто его всего более заслуживает.

Я, – сказал Юпитер, – полагаюсь на волю судьбы.

Саулин. Сделайте по-другому – должен был сказать Мом.

София. Я хочу, чтобы Богатство было глухо: никогда не отвечало и не шло на зов, но, под руководством судьбы и фортуны, шло слепо и ощупью к первому встречному среди множества.

– Значит, – сказал Сатурн, – оно станет попадать всего скорее кому-нибудь из больших мерзавцев и трусов, многочисленных, как песок, чем к обыкновенному хорошему человеку; и скорее всего одному из обычных людей, каких много, чем лучшему, коих так мало; и, может, никогда, даже, наверное, никогда – самому достойнейшему из всех, единственной личности, которая его заслужила.

Саулин. Что Юпитер – на это?

София. Подобаает сему быти. По воле судьбы Бедности, несмотря на страстные призывы очень редких и немногих, – приходить и предаваться весьма и весьма многим. Богатству, наоборот, несмотря на призывы, желания, мольбы, обожания, ожидания почти всех, приходить и отдаваться очень редким и тем, кто его всего менее чтит и ждет. Пусть Богатство совсем оглохнет, да не тронется оно каким бы то ни было большим шумом и криком, но твердое и упорное, как только освободится от крючков и запоров, бежит к своим гонителям. А Бедность – очень чуткая, быстрая и проворная – является по самому малому знаку, призыву из какой угодно дали и всегда будет в доме и за плечами у того, кто ее не только не зовет, но ревностно стремится спрятаться от нее.

В то время как мало-помалу отходили Богатство и Бедность, – ой, ой! – крикнул Мом, – что это за тень – родня двум крайностям: она и с Богатством, и с Бедностью? Я привык видеть различные тени от одного тела, но никогда не замечал, что бывает одна тень от различных тел, вот только сейчас!

На это ответил Аполлон:

– Где нет света, все – тень. Даже самые различные тени, если нет света, все сливаются в одну: все равно как множество источников света, если их не загораживает какое-либо плотное непрозрачное тело, дают одно освещение.

«– По-моему, тут не совсем так», – сказал Мом, – ибо и там, где стоит Богатство, а нет Бедности, и там, где Бедность, ясно отличаемая от Богатства, видно вовсе не два света, производящих общее освещение, но что-то такое вроде тени, которая и с тою, и с другою.

«– Гляди на нее хорошенько», – сказал Меркурий, – и ты увидишь, что это не тень.

– Я не сказал, что это тень, – возразил Мом, – но что-то соединенное с обоими, как одна и та же тень с двумя телами. Ну, теперь понял: я принял за тень Скупость – тьму, которую одинаково производят и Богатство, и Бедность.

– Верно, – согласился Меркурий. – Скупость – дочь и подруга Бедности, злейший враг своей матери, всячески избегает ее. Она влюблена и очарована Богатством и, являясь к нему, всякий раз чувствует строгость матери, которая ее мучит: вблизи от Богатства Скупость далека ему, вдали от него – близка, ибо если даже вдали, то по справедливости она внутренне и по существу соединена с ним. Разве не видишь ты, что Скупость своей дружбой и сожительством с Богатством делает Богатство не Богатством и вдали от Бедности делает Бедность не Бедностью? Эта тьма, этот мрак, эта тень, она-то и сделала Бедность плохой вещью, а Богатство – нехорошим; она всегда ухудшает одно из двух или обоих вместе, очень редко ни ту, ни другое; и это лишь в том случае, когда их со всех сторон освещает свет разума и сознания.

Тут Мом попросил разъяснения у Меркурия, почему Скупость обращает Богатство не в Богатство. Меркурий ответил:

– Скупой богат – беднее бедного, ибо если Скупость живет у Богатства, так там и Бедность; ведь последняя может быть столько же вследствие внутренней страсти, сколько вследствие внешних обстоятельств. Так что эта тень к своему вящему неудовольствию никак не может уйти дальше от своей матери, чем от самой себя.

Во время этой беседы Мом, который, если приглядится внимательно, может очень хорошо видеть (хотя не всегда сразу), заговорил:

– О Меркурий, то, что я принимал за тень, как теперь вижу – целая куча зверей: тут есть и собачьи, свиньи, кабаны, обезьяны, медвежи, орлиные, коршуны, соколы, львиные, ослиные и прочие, сколько их когда-либо было, иных и иных зверей; и все это множество зверей – в одном теле, совсем как пантаморф⁸⁵ нечистых животных.

– Скажите лучше, – возразил Меркурий, – что это – многообразный зверь: он кажется единым и есть один, но не однообразен, ибо свойство пороков – иметь многообразие, так как они безобразны и, в противоположность добродетели, не имеют собственного лица. Разве не видишь: недруг Скупости – Щедрость – проста и едина; Справедливость – одна и проста; так же и здоровье – одно, а болезней бесчисленное количество.

Мом прервал рассуждения Меркурия:

– Я вижу – у него три головы на свою погибель. Мне подумалось, Меркурий, будто у меня помутилось зрение, когда над туловищем этого зверя я заметил сначала одну, потом другую, третью голову, но затем, осмотревшись кругом и увидев, что все по-старому, я заключил, что все так и есть, как я вижу.

– Ты отлично видишь, – возразил Меркурий. – Из этих трех голов одна – Бережливость, другая – Лихоимство и третья – Скардность.

Мом спросил, говорят ли они.

– Да, – ответил Меркурий, – и первая говорит: Чем щедрым и любезным слыть, лучше богатым быть; вторая: Не помри с голоду из-за благородства; третья: Если не в честь, так в пользу.

– Почему ж у них только две руки? – спросил Мом.

– Будет двух, – ответил Меркурий, – из них правая – загребушая длинная-предлинная на бранье; другая сжата крепко-накрепко, чтоб держать и непрерывно доставлять словно посредством некоей очистки и перегонки, не стесняясь ни местом, ни временем, ни количеством.

«– Подвиньтесь-ка поближе ко мне, Бедность и Богатство», – сказал Мом, – я получше рассмотрю изыщество вашей милой прислужницы.

И когда они послушались, Мом сказал:

– Лицо одно – много лиц; голова одна – много голов; женщина – женщина; с очень маленькой головкой, хотя физиономия больше средней, стара, отвратительна, глуха, лицо поникшее и черное, прыщеватое, с прямыми и жесткими волосами, пронизывающие глаза, разинутый и зловонный рот, с загнутыми когтями и носом; чудное дело: такое невзрачное животное, а живот до того объемистый, бездонный, подлый, продажный и рабский, что направленное к звездам лицо перегнулось. Копают, роется и, чтоб найти что-нибудь, спускается в недра земли и, поворачиваясь спиной к свету, тянется к пещерам, гротам, где не чувствуется разницы между днем и ночью; неблагодарная, с лукавой надеждой – сколько ни дай, ей все мало, никогда достаточно или много того, что дано: чем больше берет, тем больше жадничает, как пламя, растущее вместе со своей прожорливостью. Отправь, отправь, прогони прочь скорее, Юпитер, из этих мест и Бедность, и Богатство заодно, не позволяя им приближаться к обителям богов вместе с этой позорной и отвратительной дичью! Юпитер ответил:

– Да живут вдали или около, смотря по тому, заблагорассудится ли вам принимать их. Сейчас же пусть уходят, получив решение, а мы перейдем к своему делу – вводить божества во владение пространством.

85. «пантаморф» – собрание всех форм.

И вот, в то время как Отец богов осматривался кругом, сама по себе, бесстыдно и с необычным нахальством, выскочила вперед Фортуна и сказала:

– Нехорошо вам, боги советчики, и тебе, великий судья Юпитер, что там, где говорят и так долго выслушивают Богатство и Бедность, мне пришлось, как презренной, позорно молчать, не показываясь и всячески сдерживаясь. Мне, столь достойной и могущественной, которая посылает перед собой Богатство, руководит им и толкает, куда вздумается и захочется, прогоняет, откуда захочет, и приводит, чередуя его с Бедностью: всякий знает, что наслаждение внешними благами надо приписывать не Богатству, а мне как его началу; все равно как красоту музыки и прелесть гармонии – не лире и инструменту, но главным образом искусству и артисту, который ими владеет. Я – та божественная и блистательная богиня, которой так жаждут, ищут, любят, за которую столько благодарят Юпитера, из чьих щедрых рук исходят богатства, а из-за сжатых ладоней плачет весь мир и будоражатся города, царства и королевства. Кто когда давал обеты Богатству или Бедности? Кто когда-либо благодарил? Всякий, кто хочет и жаждет их, зовет меня, призывает, приносит мне жертвы, всякий, ублаженный Богатством, благодарит Фортуну: для Фортуны возжигаются ароматы, для Фортуны дымятся алтари. Я – та причина, которую, чем меньше знают, тем больше уважают и страшатся, чем больше жаждут и добиваются, тем меньше она сама дружится и сближается. Ибо обычно больше достоинства и величия в том, что меньше открыто, более неясно и всего более тайно. Я затмеваю своим блеском Добродетель, очерняю Истину, усмиряю и презираю большую и лучшую часть этих богов и богинь, которые, как я вижу, стали здесь в очередь и порядок, готовясь занять места на небе. Я даже и здесь, в присутствии такого великого сената, одна внушаю всем страх, ибо (хотя у меня и нет зрения) ушами своими слышу, как у большинства застучали и заскрипели зубы в страхе и ужасе перед моим появлением, несмотря на всю их дерзость и притязания выдвинуться вперед и заявить о себе раньше, чем обсудят, достойна ли я, я, которая часто и чуть не всегда владычествую над Разумом, Истиной, Софией, Справедливостью и прочими божествами. Пусть-ка они скажут, если не хотят лгать о том, что известно-переизвестно всему миру, сумеют ли пересчитать, сколько раз сбрасывала я их с кафедр, тронов и судилищ, по своей прихоти обуздывая, связывая, запирая и заключая в темницы. И не по моей ли милости удавалось им выйти, освободиться, восстановиться и оправдаться, никогда не избавляясь от страха моей немилости.

Мом сказал:

– Обычно, слепая владычица, все прочие боги рассчитывают на места за те добрые дела, что они делают и могут сделать, и только за таковые сенат поставляет себе за правило награждать; а ты, защищая свое дело, привела нам перечень и список преступлений; за них тебя нужно прогнать не только с неба, но даже с земли.

Фортуна возразила, что была она не хуже других, а будь она хуже, и это не было бы плохо, ибо, раз на то воля судьбы – все хорошо; и если бы ее природа была такова, как у ядовитой гадюки, то и в этом не ее вина, а природы или того, кто ее такую сотворил. Ведь нет вещи дурной самой по себе: ибо гадюка не смертельна и не ядовита для гадюки, ни дракон, лев, медведь – медведю, льву, дракону; но всякая вещь – зло по отношению к какой-либо другой, как и вы, доблестные боги, являетесь злыми по отношению к порочным; боги света и дня – злыми для богов ночи и тьмы; и вы сами для себя хороши, а те сами для себя хороши: все равно как то бывает в земных сектах, враждебных друг другу, где обоюдные противники сами меж собой зовутся сынами божьими и сынами справедливости: зато уж, как те, так и другие, не оставаясь в долгу, самых выдающихся и более чтимых во вражьем стане зовут самыми худшими и никуда не годными. Стало быть, и я, Фортуна, будь я, по мнению одних, самая бесчестная, по мнению других по-божески добра. Ведь это – очень ходячее мнение на земле, будто бы Фортуна людей зависит от неба, так что нет ни самой малой, ни самой большой звезды на небе, о которой бы не говорилось, что я влияю чрез нее.

Тут вступился Меркурий и сказал, что она слишком двусмысленно пользуется своим именем: ибо иной раз за Фортуна принимают не что иное, как неизвестное совпадение обстоятельств. Но для Провидения неизвестности нет, как бы ни была она велика для очей смертных.

Фортуна, не слушая, продолжала свое и прибавила, что самые выдающиеся и лучшие философы мира, как Эпикур, Эмпедокл, приписывали ей более, чем самому Юпитеру, даже больше, чем всему совету богов вместе.

««— Так и все остальные», — говорила она», — считают меня богиней, небесной богиней, так как, думаю, для вас не внове стих, который прочтет вам любой школьник:

«Te facimus, Fortuna, deam, caelogue lokamus».

«Богинею мы называем, Фортуна, тебя и на небо возносим».⁸⁶

Мне хочется, боги, чтобы вы вдумались, правы ли те, что называют меня дурой, глупой, безрассудной, в то время как сами они так глупы, безумны и безрассудны, что не умеют объяснить, для чего я существую. Есть и такие, что, считая себя учение прочих, делом доказывают, приходя к противоположным заключениям, после того, как их к тому принуждает истина. По их мнению, я до того неразумна и безрассудна, что уже не считают они меня за это подлой и низкой, ибо таковым отрицанием не берут у меня, но прибавляют мне преимуществ; как бывает и со мною, когда отказываешь в малом, чтобы ссудить большим. Они, значит, считают, будто действую я не от разума и с разумом, но превыше всякого разума, всякого рассудка, превыше всякого ума. Мало того, по моим действиям замечают и признают, что я имею и проявляю власть и господство прежде всего над разумным, умным и божественным: ибо нет мудреца, который бы приписывал мне воздействие над вещами, лишенными разума и ума, как камни, звери, дети, сумасшедшие и прочие, не имеющие представления о целях и не действующие для цели.

— Я скажу тебе, Фортуна, — вымолвила Минерва, — почему называют тебя безрассудной и безумной: кому не хватает какого-нибудь чувства, у того недостает какого-нибудь знания и главным образом того знания, какое дается этим чувством. Посмотри на себя. Ты лишена зрения — самой главной основы знания.

Фортуна возразила, что Минерва или заблуждается, или хочет обмануть ее; и уверена в том, что достигнет своего, ибо видит, что она — Фортуна — слепа.

— Но хотя я и без глаз, я не без ушей и ума.

Саулин. А по-твоему, это правда, София?

София. Выслушай и увидишь, как Фортуна умеет разбираться, и что для нее не остались закрытыми философия и, между прочим, Метафизика Аристотеля.

— Я, — говорила она, — знаю, нашелся один такой, что заявил: «Зрение всего более желательно для знания», но не знавала такого глупца, который бы сказал, будто зрение всего более дает знание. А заявивший, что зрение всего более желательно, не хотел тем самым сказать, будто оно было бы самым необходимым, исключая познание некоторых вещей, как-то: цветов, фигуры, симметрии тел, красоты, изящества, и прочего видимого, что скорее обычно смущает воображение и заблуждает ум; что даже зрение вовсе не есть необходимость при всех и при лучших способах познания, ибо — он знал очень хорошо это — многие, чтобы сделаться мудрецами, лишили себя зрения, а из тех, что или по воле судьбы, или по природе ослепли, многие были самыми замечательными людьми, как это можно доказать множеством Демокритов, Тирезиями, Гомерами и такими, как слепец Адрии⁸⁷. Затем, я думаю, ты в этом сумеешь разобраться, если ты — Минерва, когда известный философ Стагирит сказал: «Зрение всего более необходимо для знания», — он не сравнивал зрение с другими средствами познания, например, со слухом, размышлением, умом, но делал сравнение между тою целью зрения, что есть знание, и другими целями, какие можно предположить для зрения.

86. «Богинею мы называем, Фортуна, тебя...» — Ювенал, Сат. X.

87. «Слепец Адрии» — Луиджи Грото (1541-1585 гг.), оратор и поэт.

Вот почему, если тебе не докучает прогулка по Елисейским полям для беседы с ним (если он еще не ушел оттуда для новой жизни и не выпил Летейских вод), посмотри, как он примет такое чтение: Мы жаждем зрения всего более для целей знания; а не это иное: Мы жаждем из всех прочих чувств всего более зрения, чтобы знать.

Саулин. Удивительно. Фортуна умеет лучше рассуждать и толковать тексты, нежели Минерва, которая на том стоит.

София. Не удивляйся, ибо если ты поглубже вдумаешься, приобретешь некоторый навык, поспоришь хорошенечко, то найдешь, что дипломированные боги знания, и красноречия, и суждений нисколько ни справедливее, ни умнее, ни красноречивее прочих.

Ну, так вот, продолжая защиту своего дела перед сенатом, Фортуна сказала, обращаясь ко всем:

– Ничего, ничего не отняла, боги, у меня слепота, ничего ценного, ничего необходимого для моего усовершенствования. Ибо не будь я слепа, не была бы я Фортуной, и подавно слепота эта не может не только уменьшить или ослабить славу моих заслуг, но, наоборот, от нее-то я и беру доказательство их величия и превосходства, из-за нее-то я и убеждаюсь в своем нелицеприятии и в том, что я не могу быть несправедливой в распределении.

Меркурий и Минерва сказали:

– Немало сделаешь, если докажешь это.

Тогда Фортуна продолжала:

– Для моей справедливости надо быть такой: для истинной справедливости не приличествует, не годится, наоборот, отвратительно и оскорбительно действие глаз. Глаза сотворены для различения и для распознавания различий (не хочу сейчас доказывать, как часто заблуждаются те, кто судит на основании глаз); я – справедливость, которой не нужно разбираться, не нужно делать различий. Но так как все по началу, в сути и по цели есть одно сущее, есть одно и то же (ибо сущее, единое и истинное – одно и то же), то я должна все уравнивать, ценить всех одинаково, принимая всякую вещь за единое, и одинаково быстро отвечать на взгляды и призывы и тех, и других; с одинаковой благосклонностью одарять как одного, так и другого; быть благосклонной и к ближним, и к дальним. Я не вижу ни митр, ни тог, ни корон, ни искусства, ни ума, не замечаю заслуженных и незаслуженных; ибо если даже и есть такие, то они разнятся не по своей природе, но всеконечнейше по обстоятельствам, условиям и случайностям, которые подвертываются, встречаются, набегают то на одного, то на другого. Вот почему, когда я даю – не вижу, кому; когда беру – не вижу, у кого, ибо так я ко всем одинакова и совершенно безразлична. И вместе с тем, конечно, я понимаю и устрояю полное равенство и справедливость во всем, разделяя всем поровну и справедливо.

Я кладу все жребии в одну чашу и на громаднейшем днище ее все смешиваю, перетряхиваю и будоражу, а затем: «Берегись, кто тронул!» Кто вынет хороший – благо ему, кто плохой – плохо! Таким образом, в урне Фортуны нет разницы между самыми большими и самыми малыми; напротив, там все одинаково малы и велики, ибо вся разница зависит не от меня, а от других, т. е. от того, какими они вошли в урну и вышли из нее. Пока внутри, все жребии берутся одной и той же рукою, из одного сосуда, перетряхиваются одним и тем же толчком. Поэтому, когда уже жребий вынут, неразумно тому, кто достал плохой, жаловаться или на того, кто держит урну, или на самую урну, или на встряхиванье, или на того, кто опускает руку в урну: пусть лучше, запасясь всем, на какое способен, терпением, выносит, что и как ему положено и назначено судьбой; ибо, как и прочие, был одинаково записан, его жребий был точь-в-точь, как остальных, так же занумерован, брошен и свернут. Я же, смотря на весь мир одинаково и все считая за одно целое, ни одну часть мира не считаю более или менее достойной стать избранным сосудом; я, что бросаю всех в одну и ту же урну изменения и движения, равна со всеми, на всех одинаково зрю и не зрю на кого-нибудь одного более, чем на другого; я все же самая справедливая, хотя бы все вы думали совсем, напротив.

А вот почему руке, опускающейся в урну, достающей и распределяющей жребии, по которым выпадает иному зло, иному добро, встречаются чаще недостойные, чем достойные? От неровности, неравенства, несправедливости вас, так как это вы не делаете всех равными. У вас есть глаза для различения неравенств, для установления нелицеприятного порядка, а вы и с ними, зная, творите различия.

От вас, от вас, повторяю, исходит всякое неравенство, всякая несправедливость: в вас причина того, что Доброта не общедоступна, Мудрость не сообщается всем в одинаковой мере, Умеренность – у немногих, Истина является очень редкой.

Таким-то образом, все вы, добрые божества, скарены, весьма лицеприятны, так как в отдельных предметах вы устраиваете громаднейшие различия, не равномернейшие несправедливости, бесстыднейшие несоответствия. Не я несправедлива, не я, смотрящая безразлично на всех, для коей все как бы одного цвета, одинаковой заслуги, одинаковой судьбы. Это из-за вас, когда рука моя перебирает жребии, попадают не только для зла, но и для добра, не только для несчастий, но и для счастья, чаще преступные, нежели добрые, безумцы чаще мудрых, лжецы – правдолюбцев.

Почему это? Почему? Приходит Благоразумие и бросает в урну не более двух-трех имен; приходит София и кладет туда четыре-пять; приходит Истина и оставляет там одно и менее того, если бы это было возможно; а затем вы хотите, чтоб из 100 миллионов, брошенных в урну, берущая рука вынула скорее один жребий из этих восьми или девяти, а не из восьми или девяти сотен тысяч. Тогда поступайте вы сами иначе! Сделай-ка ты, Добродетель, чтобы число добродетельных было больше, чем порочных; а ты, Мудрость, – чтобы число мудрых стало больше, чем глупых; а ты, Истина, постарайся открываться и являться большему количеству; и тогда яснее ясного – обычные награды и удача станут выпадать скорей вашему народу, чем вашим противникам. Сделайте всех справедливыми, мудрыми и хорошими, и, конечно, тогда не будет совсем ни одной степени, ни одного достоинства, которые отдала бы я лжецам, несправедливым, дуракам. Стало быть, несправедлива не я, которая относится и выдвигает всех одинаково, но скорей вы, что не делаете всех равными. Так что, если случится какому-нибудь лентяю или мерзавцу вылезть в князи или богачи, то вовсе не по моей вине, но по вашей несправедливости. Ибо это вы, жадничая своим светом и блеском, не обеструсили или не обезмерзавили его раньше, или в настоящее время, или, по крайней мере, после не очистили от негодной трусости, дабы таким людям не главенствовать. Беда не в том, что какой-либо мерзавец стал князем. Итак, если даны две вещи, т. е. княжество и подлость, то, конечно, беда не в княжестве, которое дарю я, но в подлости, которую допускаете вы. Я, двигая урну и вытаскивая жребий, смотрю столько же на одного, сколько на другого, и, значит, я не определяю никого заранее быть князем или богачом (ибо необходимо, чтобы под руку в конце концов попался какой-нибудь один из всех); но вы, делающие различие, смотря глазами и одаривая кого большим, кого меньшим, кому слишком, кому ничего, вы-то и допускаете, вы-то и делаете человека окончательно или трусом, или негодяем. Следовательно, если несправедливость состоит не в том, чтобы делать князем, не в том, чтобы обогащать кого-либо, но в том, чтобы на то и на другое подставлять негодяя или труса, то она вовсе не на меня падает, а на вас. Вот какой справедливейшей создала меня судьба и не имела в виду создать меня несправедливой, ибо сотворила без глаз, дабы я могла при своей слепоте равно оделять всех. Тут Мом прибавил:

– Мы называем тебя несправедливой не по глазам твоим, но по руке.

Фортуна ответила:

– Тем менее по руке, ибо причина зла не столько во мне, берущей жребии, какие подвернутся, сколько в жребиях, которые не подвертываются, когда я их беру: хочу этим сказать, что не попадают они мне так же безразлично, как я их беру безразлично. Не во мне причина зла, если беру, как они попадают под руку; но в жребиях, что являются мне таковыми, как они есть, и в других, которые не делают их иными. Не я развратна, что слепо и равнодушно простираю руки всему, что попадает – ясное или темное, – но тот, кто их таковыми делает, такими оставляет и мне так подсовывает.

Мом прибавил:

– Но если бы все стали безразлично равными и подобными, то тем самым ты все же не перестала бы быть несправедливою, ибо пусть все одинаково достойны княжества, ты не смела бы, ты не смогла бы сделать всех князьями, но только одного меж всеми.

Фортуна, смеясь, сказала:

– Поговорим, Мом, о том, что несправедливо, не касаясь того, что было бы несправедливо. Конечно, по этой твоей манере предлагать ответы или отвечать для меня вполне ясно, что ты совсем побежден, ибо от того, что есть, ты переходишь к тому, что могло бы быть, и, не будучи в состоянии назвать меня несправедливой, ты начинаешь говорить о том, что я могла бы быть несправедливой. Значит, и оставайся при своем допущении, что я – справедлива, но могла бы быть несправедливой, а вы – несправедливы, но могли бы быть справедливы. Даже к сказанному прибавлю, что я не только сейчас справедлива, но не была бы нисколько несправедливее и тогда, если бы вы мне представили всех равными; ибо к тому, что невозможно, не применима ни справедливость, ни несправедливость. А ведь пусть невозможно дать главенство всем, пусть невозможно всем пользоваться одним жребием, зато возможно предоставить этот жребий всем одинаково. Из этой возможности вытекает необходимость, т. е. надо, чтобы из всех выиграл только один. И в этом нет еще несправедливости и зла, ибо больше одного – невозможно. Но беда в следующем, в том, что этот один подлец, что он злодей, что он негодяй, а этого зла причина уже не в Фортуне, одаряющей властью и способностями, но в богине Добродетели, которая не дала и не дает всем добродетелей.

«– Фортуна превосходно защищает себя», – сказал Отче Юпитер, – и во всяком случае, по-моему, она должна иметь престол на небе, только неудобно бы иметь ей свой собственный престол, ибо у нее престолов столько же, сколько звезд: Фортуна присутствует на звездах не меньше, чем на земле, ибо они – такие же миры, как и земля. Кроме того, по всеобщему признанию людей, Фортуна зависит от всех звезд⁸⁸, и, конечно, если бы люди были умнее, они сказали бы об этом гораздо больше. Посему (что бы ни говорил Мом в свое удовольствие), так как твои доказательства, о богиня, кажутся мне очень вескими, то, если против тебя не будет выставлено других, более убедительных, чем до сих пор, доводов, я окончательно не смею назначить тебе место, ибо тем самым я как бы принуждал и привязывал тебя к нему, но я даю тебе, лучше сказать, оставляю тебя в твоей власти, которая, как ты доказала, простирается на все небо: ты сама по себе имеешь власть открывать себе места, которые закрыты для самого Юпитера и всех прочих богов. И я не хочу больше говорить об этом, так как все мы вместе много-премного обязаны тебе. Ты, отмыкая все двери, открывая все пути и располагаясь во всех горницах, присваиваешь себе все чужое. И вот почему даже те места, что принадлежат другим, все же не замедлят стать твоими, ибо, поскольку все подлежит изменчивой судьбе, все, все проходит через урну, через круговращение и через руку твоей светлости.

88. «Фортуна зависит от всех звезд» – намек на астрологию, на предсказание судьбы человека по расположению небесных светил.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ВТОРОГО ДИАЛОГА

Так что, значит, отказав Фортуне в Геркулесовом троне, Юпитер решил предоставить ей и этот трон, и все прочие, какие только есть во вселенной. Остальные боги не перечили этому решению; и слепая богиня, видя, что по ее жалобе состоялось определение сверх ее ожиданий, простилась с Сенатом такими словами:

– Значит, я ухожу явная – явная и тайная – тайная для всей вселенной; пойду по высоким и низким палатам и, как смерть, сумею возвышать смиренных и низлагать гордых и в конце концов в силу превратностей все уравнивать. Своею неизвестной последовательностью и неразумным разумом (ибо я – выше и вне отдельных разумов) и со своею неопределимой мерой стану вращать колесо, трясти урну с тою целью, чтобы меня никто не мог обвинить.

– Ну, Богатство, встань по мою правую руку, а ты, Бедность, по левую! Ведите с собою всю вашу свиту. Ты, Богатство, – своих слуг, столь любезных толпе, а ты, Бедность, – своих, столь докучных. Да выступают же, говорю, вперед, тоска и веселость; счастье и несчастье; печаль и радость; веселие и грусть; усталость и отдых; праздность и труд; грязь и украшение. За ними – суровость и наслаждение; роскошь и строгость; сладострастие, воздержание; пьянство, жажда; обжорство, голод; охота, сытость; вожделие, тоска и пресыщение; довольство, пустота; подаяние, приятие; расточительность, бережливость; одевание, раздевание; прибыль, убыток; вход, выход; доход, расход; скупость и щедрость с числом и мерою, избытком и недостатком; равенство, неравенство; долг и одолжение. Затем – доверие, подозрительность; усердие, лесть; честь, бесчестие; уважение, пренебрежение; послушание, ослушание; милость, позор; помощь, отказ; огорчение, утешение; зависть, сорадование; соперничество, сострадание; доверие, недоверие; господство, рабство; свобода, пленение; товарищество, одиночество. Ты, Случай, шествуй вперед, предваряй мои шаги, проторяй тысячу тысяч путей, иди неизвестный, незнаемый, темный, ибо не желаю я, чтобы мое пришествие было слишком предвидимо. Дери за уши всех прорицателей, пророков, жрецов, гадателей и предсказателей. Всем, кто перебегает дорогу и мешает нашему шествию, давай в бок. Убирай прочь с моей дороги всевозможные помехи. Вырывай и выкорчевывай всю эту поросль намерений, кои могут повредить слепому божеству, чтобы через тебя, мой вожатый, мне стало известно, где надо взбираться или спускаться, где сворачивать направо или налево, где двигаться, останавливаться, уменьшать и замедлять шаги. В одно и то же время я и ухожу, и прихожу, стою и двигаюсь, встаю и сижу, подавая руку вследствие различных случайностей бесконечно различным вещам. Идем же отовсюду, повсюду, вовсюду, ковсяду; там с богами, тут с героями; здесь с людьми, там со зверьми.

После того как окончилась тяжба, и Фортуна удалилась, Юпитер обратился к богам:

– По-моему, Геркулесу должна наследовать Сила, ибо там, где Истина, Закон, Суд, должна быть около них и Сила, потому что та воля, которая управляет Судом с Благоразумием через Закон согласно Истине, должна быть постоянной и сильной: ведь, как Истина и Закон образуют Ум, Благоразумие, Суд и Справедливость управляют волей, так Постоянство и Сила ведут к действию, почему и сказано каким-то мудрецом: «Не твори суд, если не можешь доблестью и силой разрушить машину несправедливости».

Ответили все боги:

– Ты хорошо постановил, Юпитер, ибо до сих пор Геркулес был образом Силы, созерцаемой на звездах. Наследуй ему ты, Сила, со светочем врожденного разума, ибо иначе ты не была бы силой, а дерзостью, неистовством, смелостью. И не слыла бы за силу, не была бы вовсе ею, ибо дурость, заблуждение, сумасшествие отняли бы у тебя страх перед злом и смертью. Этот свет поможет тебе не дерзать там, где надо бояться, так чего иной раз глупец и головорез не боится, того тем скорее должен бояться мудрец и благоразумный. Он заставит тебя не поддаваться страху и угрозе там, где затронуты честь, общественная польза, достоинство и совершенство личности, забота о божественных и естественных законах. Будь быстрее и проворнее там, где другие вялы и медленны; исполняй легко то, что другим тяжело; ставь ни во что или так себе все, что другим кажется слишком или много.

Умеряй своих дурных подруг: и ту, что идет с тобою по правую руку со своими служителями – Необузданностью, Смелостью, Заносчивостью, Самонадеянностью, Безрассудностью, Неистовством, Доверчивостью; и ту, что идет у тебя по левую руку с Нищетою духа, Робостью, Страхом, Подлостью, Малодушием, Отчаянием. Сопровождай своих доблестных дочерей Усидчивость, Усердие, Терпение, Великодушие, Долготерпение, Воодушевление, Быстроту, Деятельность с книгою перечня всех вещей, коими надо управлять с Осторожностью или с Настойчивостью, с Отвагой или Терпеливостью, и с перечнем того, чего не должен бояться храбрый, т. е. что нас не делает хуже, как Голод, Нагота, Жажда, Скорбь, Бедность, Одиночество, Преследование, Смерть; а также другого, чего мы должны всячески избегать, так как оно делает нас хуже, как грубое Невежество, Несправедливость, Неверность, Ложь, Скупость и тому подобное. Таким образом, умеряя себя, не склоняясь ни направо, ни налево, не удаляясь от своих дочерей, читая и наблюдая свой каталог, не угашая своего света, ты, Сила, будешь единственной попечительницей Добродетелей, стражем Справедливости и нарочитой башней Истины: недоступная для пороков, непобедимая усталостью, постоянная в опасностях, твердая против наслаждений, презревшая богатство, укротительница Фортуны, Все победительная. Необдуманно не держай, беспричинно не бойся; не увлекайся удовольствиями, не беги скорбей; ложной похвалой не прельщайся, из-за порицаний не сбивайся с пути; не гордись удачами, не смущайся препятствиями; под тяжестью мучений не гнишь долу, от ветра легкомыслия не поднимайся вверх; не будь напыщенной в богатстве и не сжимайся от бедности; презирай избыток, довольствуйся необходимым. Отстраняйся от низости и будь внимательна к высоким подвигам.

– Ну что ж постановим относительно моей Лиры? – сказал Меркурий.

Ему ответил Мом:

– Возьми ее себе для развлечения на лодке или даже в кабачке. А если вздумаешь подарить кому-нибудь, отдай тому, кто больше заслуживает, и, чтоб долго не разыскивать – кому, иди в Неаполь на площадь Вяза⁸⁹ или в Венецию на площадь святого Марка около вечерен; ибо в этих двух местах появляются тогда корифеи тех, кто взлезает на подмостки, и среди них ты сейчас же найдешь самого лучшего, кто достоин лиры по праву заслуги, *jure meriti*.

Меркурий спросил:

– Почему же лучшего из этого рода, а не какого-либо иного?

На это возразил Мом, что теперь Лира стала, главным образом, инструментом шарлатанов, средством заманивать и, удерживая публику, бойчее распродавать свои плащи и горшки, все равно как гудок стал инструментом нищих слепцов.

Меркурий спросил:

– Значит, в моей власти сделать с Лирою, что мне захочется?

– Только не оставлять ее на небе, – заметил Юпитер. – Я хочу (если так будет благоугодно и вам – остальным членам совета) поставить на место девятиструнной мать Мнемозину с девятью Музами⁹⁰ – дочерьми.

89. «Иди в Неаполь на площадь Вяза» – теперь улица Порто, в те времена место громадного рынка.

90. «мать Мнемозину с девятью музами» – 9 муз древности были следующие: Каллиопа (эпическая поэзия), Клио (история), Мельпомена (трагическая и лирическая поэзия), Талия (комическая поэзия), Евтерпа (музыка), Эрато (эротическая поэзия и мимика), Урания (астрономия), Полигимния (пение), Терпсихора (искусство танца). Бруно замещает их соответственно семи свободным искусствам Средневековья – Музыка, Арифметике, Геометрии, Астрономии, Грамматике, Диалектике и Риторике. Из них три первые входили в так называемый *trivium*; вместо же *quadrivium*'а Бруно дает более современное расположение: Логика, Поэзия, Астрология, Физика, Метафизика и Этика. Последней Бруно отводит самое первое и высшее место.

Тут все боги кивнули головой в знак согласия, и богиня, выступив вперед со своими дочерьми, принялась благодарить. Арифметика⁹¹ – перворожденная из всех – сказала, что благодарит Юпитера больше раз, чем могут вместить в себе отдельные числа и роды чисел, и еще в тысячу тысяч раз больше того числа, какое ум может получить сложением; Геометрия – больше, чем сколько форм и фигур когда-либо может образоваться, и больше, чем можно вообразить их себе в развивающейся непрерывности; Музыка – больше, чем какая-либо фантазия сможет создать видов созвучий и симфоний; Логика – больше, чем могут наделать нелепостей ее грамматики, ложных убеждений ее риторы, софизмов и ложных доказательств ее диалектики; Поэзия – больше, чем сделали стоп ее певцы, стремясь ускорить бег своих многочисленных басен, и сколько сделают и сделали, создавая стихи; Астрология – больше, чем звезд в неизмеримом пространстве эфирного царства, если только можно сказать больше; Физика – столько благодарностей, сколько может быть ближайших и первых начал и элементов в лоне природы; Метафизика – больше, чем есть видов и родов идей и видов целей и действующих причин в явлениях природы, как сообразно действительности, которая заключается в вещах, так и согласно представляющему понятию; Этика – сколько может быть обычаев, привычек, законов, правд и преступлений в этом и иных мирах вселенной.

Мать Мнемозина сказала:

– Столько благодарностей и спасибо приношу вам, боги, сколько может быть отдельных предметов для памяти и забвения, для познания и невежества.

В это время Юпитер приказал своей первенке – Минерве – подать ему шкатулку, которую он держал у себя под подушкой на постели; взял оттуда девять баночек с девятью примочками для очищения человеческого духа – его познания и воли. И прежде всего три из них дал трем первым со словами:

– Вот вам самая лучшая помада, которой вы сможете очищать и просветлять способность чувствовать множественность, величину и гармоничное соотношение предметов осязаемого мира.

Дал из них одну четвертой и сказал:

– Это для упорядочения способности изобретения и суждения.

«– Возьми это», – сказал пятой. – Оно, пробуждая некое меланхолическое настроение, может привести к сладостному восторгу и пророчеству.

Дал и шестой, показав ей способ, как открывать глаза смертным к созерцанию вещей первообразных и высших.

Седьмая получила то, чем всего лучше преобразуется разумная способность созерцания природы.

Восьмая – другое, не менее превосходное, что направляет ум к восприятию сверхчувственных вещей, поскольку они оказывают воздействие на природу и поскольку в некотором роде независимы от нее.

Последнее, самое великое, дорогое и превосходное, дал на руки после всех рожденной, которая, как юнейшая, достойнее всех – и сказал ей:

– Вот тут, Этика, то, благодаря чему ты благоразумно, мудро, быстро и с великодушным человеколюбием сумеешь учреждать религии, устанавливать культы, давать законы и править суды, одобрять, подтверждать, сохранять и защищать все то, что хорошо было установлено, определено, назначено и исполнено, приспособляя по возможности чувства и действия к божественному культу и человеческому общежитию.

– Что сделаем с Лебедем? – спросила Юнона.

Мом ответил:

– Пошлем во имя его дьявола плавать вместе с другими или на озере Перг, или по реке Кайстру⁹², где он найдет себе немало товарищей.

91. «Арифметика» – Бруно пишет «арифметрика» вследствие неверной аналогии с геометрией.

92. «на озере Перг или по реке Кайстру» – у Овидия, в V книге:

*Недалеко от стен Геннейских с глубокою водою
Озеро именем Перг. Не больше его лебединых*

«Я с этим не согласен», – сказал Юпитер. – Но повелеваю припечатать клюв его моею печатью и пустить в Темзу: там он будет сохраннее, чем где-либо, так как не так-то легко красть под страхом смертной казни.

– Очень мудрое распоряжение, великий Отче! – прибавили боги и ждали, как он распорядится о наследнике.

Тогда, продолжая свое постановление, председательствующий говорит:

– По-моему, более всего к этому месту подходит Раскаяние; оно среди добродетелей, как лебедь меж птиц: не дерзает, да и не может взлетать высоко, держась внизу под тяжестью стыда и самоуничтожения. Вот почему, оторвавшись от ненавистой земли и не смея взлететь к небу, любит реки, погружается в воды, которые суть слезы сокрушения; в них оно жаждет омыться, очиститься, обелиться после того, как на тенистом берегу грязного заблуждения опостылело самому себе и, движимое чувством отвращения, решилось исправиться и, сколь возможно, уподобиться чистой невинности. С этою добродетелью да вознесутся вновь на небо души, кои были сброшены с неба и погружены в мрачный Орк, прошли через Коцит чувственных наслаждений и воспламенились от Перифлегонта⁹³ чувственной любви и похоти деторождения; из них же первая – загромождает душу печалью; вторая – делает ее презренной. Пусть, как бы вследствие воспоминания своего высокого наследия, душа возвращается сама к себе, не нравится сама себе за свое настоящее, оплакивает то, чем наслаждалась, становится безжалостной к себе и тем самым, мало-помалу избавляясь от своего настоящего состояния, укрощает в себе животное естество и тяжесть грубой сущности, окрыляется вся, воспаляется и нагревается на солнце, зажигается страстною любовью к горнему, становится воздушной, летит к солнцу, возвращаясь вновь к своему источнику.

«– Раскаяние по достоинству помещено среди добродетелей», – сказал Сатурн, – ибо, будучи дочерью отца Заблуждения и матери Несправедливости, тем не менее, как красная роза скрывается за жесткими и колючими шипами, как блестящая и прозрачная искра, высеченная из темного твердого булыжника, летит вверх, стремясь к родному солнцу.

– Чудесно предусмотрено и определено! – сказал весь божественный совет. – Да восседает Раскаяние среди добродетелей, да будет одним из небесных божеств!

При этом всеобщем крике раньше, чем было внесено предложение о Кассиопее, возвысил голос неистовый Марс и сказал:

– Пусть никто, о боги, не берет у моей воинственной Испании эту матрону, которая, будучи столь надменной, гордой и величавой, не удовольствовалась тем, что сама взошла на небо, но взяла с собою еще и трон с балдахинном. Она (если это угодно будет Громовержцу Отцу и если вы не захотите огорчать меня с риском перетерпеть, по крайней мере, то же самое, когда попадетесь мне в руки) хотела бы, чтоб вы направили ее именно туда, так как у нее повадки этой страны, как будто она родилась там.

Мом возразил:

– Разве кто оспаривает Надменность и эту женщину, которая являет собой живой образ Надменности, у синьора храброго капитана эскадры?

Ему Марс:

– Этим мечом я покажу не только тебе, бедняжка, у кого, кроме гибкого языка без соли, нет другой силы и доблести, но даже всякому (кроме Юпитера – на то он и выше всех!), кто скажет, что не находит ни красоты, ни славы, ни величия, ни великодушия, ни силы, достойной защиты мечом Марса у той, кого вы называете Кичливостью, и что ее позор не стоит искупать ужасным острием, каким я обыкновенно укрощаю и богов, и людей.

*Песен слышит Кайстр, бегущий волной
безмятежной*

(Пер. Фета).

Генна – город в самой середине Сицилии. Кайстр – река в Лидии; славилась своими сладкогласными лебедями.

93. Орк, Коцит и Перифлегонт – адские реки.

– Возьми же ее, – прибавил Мом. – Себе на беду, ибо среди нас вряд ли найдется еще такой чудак и глупец, который, ради приобретения одного из этих ядовитых и мятежных зверей, захотел бы подвергаться опасности проломить себе голову.

– Не раздражайся, Марс, не сердись, Мом! – сказал кроткий Первородитель. – Легко и с радостью можно было бы, о бог войны, уступить тебе эту малостоящую вещь, если б иной раз к нашему позору нам не приходилось сносить столько изнасилований, кровосмешений, воровства, захвата, убийств, которые ты совершаешь одним только обаянием твоего пламенного меча. Ну, куда ни шло, вместе с прочими богами я передаю ее тебе всю на твою порочную волю. Только не задерживай ее далее здесь среди звезд, по соседству со столь добродетельными богинями. Пусть идет со своим тронном вниз, берет с собою Кичливость и уступает свое место Простоте. Вправо пусть отклоняется от той, что показывает и заявляет о себе больше, чем у нее есть на самом деле; и с левой – от Притворства, которое скрывает и притворяется, что у него нет того, что есть, и заявляет, будто оно владеет меньшим, чем у него есть. Эта прислужница Истины не должна далеко уходить от своей царицы: иной раз богиня Необходимость принуждает Истину склоняться к Притворству, чтобы не была затоптана Простота или Правда, или во избежание другого какого неудобства. А так как Необходимость делает все это в меру и с порядочностью, то легко сумеет избежать всегда заблуждений и порока.

Когда Простота шла занять место, по ее походке было видно, что она была уверена и считала себя в безопасности, наоборот, Кичливость и Притворство шли не без опаски, обнаруживая в походке подозрительность и в лице испуг. Вид Простоты понравился всем богам, ибо в своем постоянстве она некоторым образом представляла и имела сходство с божественным лицом. Лицо ее – ласковое и никогда не меняется; поэтому, если кому понравится, то будет всегда нравиться; а если и случается, что разлюбят, то вина не в ее недостатках. Зато Кичливость скорее нравится потому, что дает о себе преувеличенное представление, но, когда ее узнают ближе, не только перестает нравиться, но порой возбуждает к себе презрение. Равным образом Притворство легко становится ненавистным тем, кому казалось сначала милым, за то, что на самом деле далеко не то, в чем оно раньше хотело убедить. Оба они были признаны недостойными неба, недостойными быть вместе с той, что обычно находится в середине. Но не в такой степени Притворство, к которому частенько прибегают и боги, ибо иной раз, чтобы избежать зависти, клеветы и оскорбления, Благоразумие прячет Истину под притворные одежды.

Саулин. И верно, и хорошо, о София. Есть кое-что от духа истины в словах феррарского поэта о том, что Притворство больше подходит людям, хотя, случается, нелишне и для богов.

*Хотя чуть не всегда притворство нам в укор
И верная злонравия примета,
Но все же – завелось так с давних пор –
Нередко благо нам способность эта:
Через нее минуют нас убытки, смерть, позор.
Ведь не везде друзья с улыбкою привета
В сей жизни, что не столько ясный, сколько темный
свой являет вид,
Где зависть черная безжалостно царит.⁹⁴*

Но мне хотелось бы знать, в каком смысле ты, София, разумеешь, что Простота имеет подобие с божественным лицом?

София. Да в том, что не может она ничего прибавить к своему существу похвалой, ничего отнять притворством. А все оттого, что не понимает и не сознает себя самой.

94. «Хотя чуть не всегда притворство...» – стихи из Ариосто, Неистовый Орланд, XXIV.

Все равно как то, что есть самое простое, не должно понимать себя, если не хочет перестать быть самым простым. Ибо то, что чувствует себя и удивляется себе, в некоем роде умножает себя или, лучше сказать, делает себя все иным и иным: тем, что есть и что может быть, познающим и познаваемым; ибо в акте познания многие вещи соединяются воедино. Поэтому об этой самой простейшей духовной силе нельзя сказать, что она понимает сама себя, как будто бы в ней отражалось и познающее, и познаваемое, но так как она – совершеннейший и простейший свет, то, стало быть, о ней можно сказать, что познает себя она только отрицательным путем, поскольку она не может скрыть себя. Простота, следовательно, поскольку не сознает и не рассуждает о своей сущности, конечно, имеет сходство с божеством. От нее далека надменная Кичливость. Но не так далеко усердное Притворство, кому Юпитер позволил иногда бывать на небе, не в качестве божества, но как службе Благоразумия и щиту Истины.

Саулин. Теперь послушаем, что сделали с Персеем и с его горницей.

София. Что сделаешь, Юпитер, с твоим сынком, рожденным тебе Данаей? – спросил Мом.

Юпитер возразил:

– Пусть отправляется отсюда (с позволения всего Сената), ибо, мне сдается, на земле объявилась какая-то новая Медуза, не хуже стародавней способная окаменить своим видом всякого, кто на нее взглянет. Пусть отправляется к ней не по поручению нового Полидекта⁹⁵, но как посланец самого Юпитера и всего Небесного Сената. И посмотрим, сумеет ли с помощью того же самого искусства победить столь же более ужасное, сколь более современное чудовище.

Тут вступилась Минерва:

– А я со своей стороны не премину снабдить его не менее удобным хрустальным щитом, коим он зачарует зрение враждебных Форкид⁹⁶, стоящих на страже Горгон, и теперь стану помогать ему до тех пор, пока не отрубит голову Медузы от туловища.

«– Это доброе дело, дочь моя», – сказал Юпитер, – и я, возложив на тебя такую заботу, хочу, чтобы ты предалась ей со всем своим усердием. Но я не желал бы, чтоб снова на горе бедных народов от капель, которые польются из разрубленных жил, родились новые змеи на земле, где их к неудовольствию несчастных и так уже немало или даже слишком. Поэтому, как только он вскочит на Пегаса, который выйдет из плодотворящего тела, пусть едет (утишив ток кровавых капель) уже не через Африку, где он, того гляди, пленится какой-нибудь плененной Андромедой, а та, сама прикованная железными, прикует его к себе алмазными цепями; но пусть скачет на своем боевом крылатом коне в мою любимую Европу; и там поищет, где – те гордые и чудовищные Атланты – враги Юпитерова потомства, из-за боязни, что похитят у них золотые яблоки, скрыты под стражей и за засовами Скупости и Властолюбия.

95. Полидект – царь о. Серифа, воспитавший Персея, сына Данаи и Юпитера, когда и сына, и мать прибило к берегу в ящике. Полидект принял их очень радушно и воспитал Персея. Впоследствии царь пожелал избавиться от Персея, чтобы завладеть Данаей, и дал ему опасное поручение – достать голову Медузы.

96. Форкиды – порождение, потомство Форка, сына Океана. У Гезиода в Теогонии сказано:

Форку же Кето красиволанитная родила Грай,

От рождения седых, которых поэтому

Грайами называют

Бессмертные боги и по земле ходящие люди...

И Горгоны, которые живут за знаменитым океаном

В дальнейших пределах близ ночи, где Геспериды

звонкоголосые, -

Стено, Евриале и Медуза многострадальная,

она одна из них смертной была...

(Пер. Властова).

Пусть внимательно посмотрит, где другие, более великодушные и красивые, Андромеды насилием ложной религии связаны и выставлены морским чудовищам. Пусть доглядит, как бы какой-нибудь насильник Финей⁹⁷ по наущению толпы развратных советников не завладел плодами чужой деятельности и работы. И если там господствует несколько неблагодарных, упрямых и неверных Полидектов, пусть подставит к их глазам зеркало, чтоб они увидели там свое отвратительное изображение и, от ужасного вида обратившись в камень, потеряли бы всякое злонравие, движение и жизнь.

«– Хорошо устроено», – сказали боги, – ибо удобно рядом с Геркулесом, укрощающим грубые силы мышцею Справедливости и палицею Суда, явиться Персею, который светлым зеркалом учения и представлением уродливого изображения раскола и ереси пригвоздил бы развращенную совесть злодейских и упрямых умов, отняв у них употребление языка, рук и чувств.

Саулин. Теперь объясните, кем решено было занять то место, откуда он ушел?

София. Одной добродетелью, очень похожей на него, которая называется Старанием, или же Усердием. У нее подруга Работа, благодаря ей Персей был Персеем, Геркулес – Геркулесом, и каждый сильный и деловой человек есть сильный и деловой; благодаря ей правнук Абанта⁹⁸ отнял у Форкид свет, голову у Медузы, крылатого коня у отрубленного туловища, священные яблоки у сына Климены и Япета⁹⁹, дочь Цефея – Андромеду у Цэта, защитил супругу от соперника, снова увидел Аргос – свою родину, отнял царство у Прэта, возвратил его брату Хризию и отомстил неблагодарному и негостеприимному царю острова Серифа; благодаря ей, повторяю, побеждается всякая бдительность, отсекается всякая несчастная случайность, облегчается всякий путь и доступ, приобретает всякое сокровище, укрощается всякая сила, устраняется всякая скверна, исполняется всякое желание, оберегается всякое владение, достигается всякая гавань, низлагаются все противники, возвышаются все друзья, отомщаются все обиды, и, наконец, осуществляются все цели.

Итак, Юпитер повелел – и это повеление одобрили все боги – трудовому и старательному Рвению выйти вперед. И вот оно появилось в сандалиях божественного порыва, коими попирает высшее благо толпы, презирает пышные ласки удовольствий, что, как коварные сирены, пытаются отвлечь и замедлить его на пути к делу, ждущему и взыскующему его. Левой рукой опирается на блестящий щит своего пыла; к нему в немом изумлении прикованы очи праздных и бездельников. В правой держит змеинные кудри погибельных мыслей; под ними эта ужасная голова, несчастное лицо которой, обезображенное тысячью страстей презрения, гнева, ужаса, страха, отвращения, удивления, уныния и горького раскаяния, каменит и одуряет всякого, кто на него посмотрит.

97. Финей – брат Цефея, добивавшийся руки Андромеды, своей племянницы. Персей убил его, окаменив головою Медузы.

98. Правнук Абанта – Персей. Абант – аргивский царь; был отцом Данаи.

99. «У сына Климены и Япета» (Иапетоса) – Атланта.

В Теогонии сказано:

*Деву, однако, Иапетос, - с красивыми ножками,
океанину*

Климену, увел и вошел на ложе ее.

Она тогда Атласа родила великого духом,

Потом родила славного Менетия и Прометей,

Многоумного, изобретательного,

а также безумного Епиметей,

Который с самого начала был

злом для трудящихся людей,

Ибо первый он Зевсом сформированную

принял жену девицу...

Атлас же обширное небо поддерживает

по тяжелой необходимости

На пределах земли в области Геоперид громогласных...

Оно верхом на ретивом коне прилежной настойчивости; на нем же – к чему стремятся, того достигают и доходят, побеждая всяческие помехи крутых гор, замедление глубоких равнин, натиск быстрых рек, заграждение дремучих лесов и, как угодно, толстых и высоких стен. Пришло перед священный Сенат и слышит от высокого председателя такие слова:

– Я хочу, о Прилежание, чтоб ты получило это славное пространство на небе, ибо ты питаешь трудом доблестные души. Восходи, переходи и проходи за один дух, если то возможно, чрез всякие скалы и крутизны гор. Так воспламеняй свои чувства, чтоб сопротивляться и побеждать не только самого себя, но не замечать ни трудностей, ни усталости: ибо так же и труд не должен быть труден сам по себе, как тяжесть не тяжела сама для себя. Поэтому да не будешь настоящим трудом, пока настолько не победишь себя, чтобы уже не считать себя за то, что ты есть – за труд: ибо везде, где ты ощущаешь себя, ты не сможешь стать выше себя. Но если тебя самого пока не укротили и не подавили, укрощай по крайней мере сам себя.

Высшее совершенство – не чувствовать ни скорби, ни труда, перенося и скорбь, и труд. Ты должно побеждать себя с тем чувством наслаждения, которое не чувствует наслаждения; с тем наслаждением, повторяю, которое, если б по своей природе было добрым, не презиралось бы многими, как начало болезней, бедности и проклятия. Но ты, Труд, будь высоким наслаждением, а не трудом для себя самого; стань, говорю я, такой вещью, которая без доблестных деяний и жертв сама по себе не наслаждение, но невыносимый труд.

Смелей же, если ты – добродетель, не занимайся низкими делами, безделицами и пустяками. Если ты хочешь быть там, где самый высокий полюс Истины будет как раз над тобою, пройди Апеннины, взберись на Альпы, переплыви скалистый Океан, взойди на эти суровые Рифеи¹⁰⁰, переберись чрез бесплодный и льдистый Кавказ, проникни на непроходимые крутизны, и очутишься под тем счастливым кругом, где – постоянный свет, где не бывает никогда ни сумерек, ни холода, но где царит вечное тепло, где вечно – заря и день. «Иди же, богиня, Рвение или Труд, и хочу», – сказал Юпитер, – чтоб трудность бежала впереди тебя, а ты гнала ее. Изгоняй Неудачу, возьми Фортуны за волосы, ускоряй, если тебе это покажется нужным, бег ее колеса и всунь гвоздь, чтоб оно не вертелось, если так будет лучше для тебя.

Хочу, чтоб тебе сопутствовали Здоровье, Крепость, Безопасность. Щитом да будет у тебя Прилежание, а знаменосцем – Упражнение. Пусть за тобой следует Приобретение со своими доспехами, кои суть блага тела, блага души и, если угодно, блага Фортуны. И желаю тебе любить те блага, что сама приобретешь, больше тех, что ты получишь от других, как мать любит больше тех сыновей, которых признает своими. Не желаю, чтоб ты разделялась, ибо, если разделишься на части, занявшись и умственными делами, и делами телесными, станешь никуда не годной и в той, и в другой области; а если будешь предаваться больше одному, чем другому, меньше успеешь; если вся отдашься чувственным вещам, ничего не сделаешь в делах ума, и обратно. Я прикажу Случаю, и ты, когда тебе понадобится, громким голосом, или знаком, или молчанием зови его; и он тебя или заговорит, или зачарует только, или придаст больше бодрости и силы. Накажу Удобству и Неудобству – пусть извещают, когда тебе можно нагружать, когда убирать в склады, когда надо пускаться в плавание. Хочу, дабы Прилежание отнимало у тебя всякую помеху, дабы Бдительность несла у тебя сторожевую службу, повсюду осматриваясь, как бы с тобой не случилась какая неожиданность; чтобы Нужда отвлекала тебя от Рвения и Бдительности из-за пустяков; а если ты ее не послушаешься, то на ее место, наконец, являлось бы Раскаianie и заставляло бы тебя испытать, что трудолюбивее – трясти пустыми руками, нежели с полными руками таскать камни.

100. «Суровые Рифеи» – высокие горы на севере Европы по воззрению древних, может быть, Скандинавские.

Беги на ногах Прилежания сколь возможно быстрее и поспешай, чтоб не застигла тебя стихийная Сила, не отняла у тебя свободное время или не предоставила силу и оружие Трудности.

Тут Рвение, поблагодарив Юпитера и прочих, стало собираться в путь и молвило так:

– Вот я, Труд, направляю свои стопы, опоясываюсь, освобождаю руки. Прочь от меня всякое безобразие, всякое безделье, неряшливость, ленивая праздность! В сторону всякое замедление! Ты, Деятельность моя, представь пред очами разумения свою выгоду, свою цель. Сделай спасительными бесчисленные клеветы, плоды злобы и зависти чуждых тебе, обрати во спасение этот твой разумный страх, что прогнал тебя с твоей родины, отчудил тебя от друзей, отдалил от родины и изгнал в мало любезные для тебя страны! Сделай, моя Деятельность, вместе со мною славными эту ссылку и труды, вознеси их выше отдыха, выше этого родимого спокойствия, удобства и мира. Смелей, Прилежание, что делаешь? Зачем мы так много бездельничаем и спим живые, если так долго, долго придется нам бездействовать и спать в смерти? Ибо если даже и ждем иной жизни, иного существования, то все же та – наша жизнь – не будет такой, какою мы живем сейчас: ибо эта жизнь проходит навеки без всякой надежды на возвращение... Ты, Надежда, что делаешь, почему ты меня не торопишь, почему не возбуждаешь? Смелее! Заставь меня ждать от трудных дел спасительного исхода, если только я не поспешу прежде времени и не отстану не вовремя; и не заставляй меня обещать вещь, которая бы жила, но такую, что хорошо бы жила! Ты, Усердие, помогай мне всегда, дабы не посягал я на дела, недостойные доброго духа, и не простирал руки к занятию, которое влечет за собою еще большее. Любовь к славе, представь моим очам, как скверно, какая постыдная вещь – увлекаться обеспечением при входе и в начале дела. Проницательность, сделай так, чтобы мне не пришлось бежать от неопределенных и сомнительных дел, поворачивая спину, но да отстранюсь я от них тихо-тихо, подобру-поздорову. Ты же сама, чтоб меня не разыскали враги и не обрушили на меня ярость свою, следуя за мной, заматай мои шаги. Веди меня путями, далекими от обители Фортуны, ибо у нее нет длинных рук, и она может заниматься только теми, кто около нее, и действовать только на тех, кто внутри ее урны. Сделай так, чтобы я брался за то, что мне по силам, и в своих занятиях был скорее осторожным, чем сильным, если уж нельзя мне быть одинаково и сильным, и осторожным. Сделай мой труд и явным, и тайным: явным, чтобы не всякий его искал и разыскивал; скрытым, чтобы не все, но очень немногие находили его. Ибо тебе хорошо известно, что скрытого ищут, а запертое привлекает воров. Более того, явное слывет пошлым, и ковчежец, открытый не ищут усердно, мало придавая цены тому, что не хоронят со всем тщанием под стражей. Когда меня стеснит, оскорбит и задержит трудность, ты, Воодушевление, не премини голосом своего живого увлечения повторять мне почаще на ухо:

«*Tu ne cede malis, sed contra audentior ito!*» «Не сдавайся бедам, но смелее иди им напротив!»¹⁰¹ Ты, Рассудительность, разъясни мне, когда следует развязаться или прекратить никуда не годное занятие и как употребить свои силы не на приобретение золота и каких-либо способностей пошлых и тупых умов, но таких сокровищ, которые всего менее разъедает и рассеивает время и которые вечно будут славны и почитаемы, дабы не сказали о нас, как о тех: *Meditantur sua sterema scarabaei* – Стараются над навозом своим скарабеи! Ты, Терпение, утверди, обуздай и управь для меня свой любимый Досуг, кому Праздность не приходится сестрой, но кто брат Выносливости. Отклони от меня беспокойство и склони к не любопытствующему Рвению. Иной раз отврати от бега, когда мне захочется побежать туда, где есть стремнинные, позорные и смертельные помехи. Иной раз не понуждай меня поднимать якорь и спускать корму с берега, когда мне предстоит подвергнуться невыносимым вихрям бурного моря.

101. «Не сдавайся бедам...» – Вергилий, Энеида. Кн. VI.

Дай мне тем временем Досуг сродниться с Рассудительностью, которая поможет мне наблюсти прежде всего себя самого, во-вторых, дело, предстоящее мне, в-третьих, цель и причину, в-четвертых, обстоятельства, в-пятых, время, в-шестых, место, в-седьмых, товарищей. Дай мне Досуг, с которым я мог бы сделать вещи более прекрасные, добрые и превосходные, нежели я оставляю, ибо в доме Досуга восседает Совет, и там лучше, чем где-либо, беседовать о блаженной жизни. Оттуда лучше предусмотреть случайности, оттуда можно выйти на дело с большей энергией и силой, ибо нельзя бежать очень быстро, не отдохнув предварительно вдосталь.

Ты, Досуг, распоряжайся мной, дабы я слыл менее досужливым, чем все прочие, ибо благодаря тебе я сумею послужить государству и защите своей родины больше своим словом и убеждением, чем мечом, копьем и щитом – солдат, трибун, император. Подойди ко мне ты, благородный, героический и ревностный Страх, и своим побуждением сделай так, чтоб меня не вычеркнули прежде из числа знаменитых, а позже из числа живых. Устрой так, чтоб раньше, чем дряхлость и смерть отнимет у меня руки, я обеспечил себя неотъемлемой славой своих дел. Рвение, постарайся, чтоб крыша была закончена раньше, чем пойдет дождь, пусть окна будут вставлены раньше, чем подуют Аквилоны и Австры мрачной и беспокойной зимы. Память о добре, совершенном в течение жизни, сделай так, чтоб старость и смерть взяли меня раньше, чем помutilи мой дух. Ты, Страх потерять приобретенную в жизни славу, не сделай мне горькой, но дорогой и желанной старость и смерть!

Саулин. Вот это, София, самое достойное и почтенное наставление для исцеления от скорби и тоски, что приносит с собою преклонный возраст, и от докучливого страха смерти, который с того часа, как мы начинаем чувствовать, обычно тиранит дух живущих. Так что, хорошо сказал ноланец Тансилл:

*«Кто небо чтит, кто пламенный и нежный
К высоким подвигам летит в своих мечтах,
Для тех всегда весна: пусть лед кругом и снежный
Покров на землю стелется и виснет на цветах.
И не о чем скорбеть тому, кто сам себе безбрежный
Открыл простор в душе своей, и в жизни, и в трудах:
Так земледелец, плод трудов своих собрав вовремя,
Не чует за собой нужды тяжелой скорбь и время».*¹⁰²

София. Очень хорошо сказано. Но время тебе, Саулин, уходить, ибо вот мое дражайшее божество, желаннейшее счастье, ненаглядное личико приближается ко мне с Востока.

Саулин. Хорошо. Значит, моя София, завтра мы встретимся в обычный час, если тебе будет угодно. А я пока пойду и разберусь в том, что сегодня выслушал от тебя, дабы лучше припомнить о твоих взглядах при случае и попроще приобщить к ним в будущем кого другого.

София. Чудеса! Он летит ко мне навстречу быстрее обычного. Не летит, как у него в обычае, играя кадуцеем и ударяя широкими крыльями по прозрачному воздуху. Мне кажется, я вижу его тревожным и озабоченным. Вот глядит на меня и так обратил ко мне свои очи, что ясно – беспокойство не из-за моего дела.

Меркурий. Да будет вечно благосклонна к тебе судьба и бессильна против тебя ярость времени, о моя милая и славная дочь, и сестра, и подруга!

София. Что такое, мой добрый бог, омрачило твое лицо, хотя ко мне ты по-прежнему щедр на свою столь сладостную ласку? Почему ты бежишь, как с почтой, и, по-видимому, готов уйти отсюда скорее, чем побыть со мной несколько?

102. «Кто небо чтит, кто пламенный и нежный...» – несколько измененные стихи из «Vendemiatore», поэта XVI в. Тансилла, земляка Бруно.

Меркурий. Дело в том, что Юпитер поспешно поручил мне предусмотрительно помешать пожару, который возбуждает сумасшедшее и зверское Несогласие в этом Партенопейском царстве.

София. Как же так, Меркурий, эта чумоносная Эриния очутилась по сю сторону Альп и замутила море в этой прекрасной стране?

Меркурий. Она вызвана глупым честолюбием и безумным доверием кое-кого, приглашена очень щедрыми и неопределенными обещаниями, двинута обманчивой надеждой. Ее ждет двоякая зависть: в народе – стремление оставаться при былой свободе и боязнь подвергнуться более жестокому угнетению, в князе – подозрительная боязнь, как бы, желая захватить больше, не потерять все.

София. Где первое начало и основание для всего этого?

Меркурий. Великая Жадность, что идет, пожирая все, под предлогом поддержки религии.¹⁰³

София. На самом деле предлог, по-моему, ложный и, если не ошибаюсь, неизвинительный, ибо не надо ни сторожей, ни оплота там, где не грозит никакая опасность или разрушение, где умы настроены по-прежнему, и где культ этого бога не засорен, как повсюду.

Меркурий. Да если бы и было так, не дело Жадности, а Благоразумия и Справедливости найти исцеление, ибо вот уже она возбудила к ярости народ, и Случаю представилось удобное время призвать мятежные души не столько к защите истинной свободы, сколько к несправедливому вольничанию и самоуправству гибельных и заразительных страстей, к коим всегда склонно звериное большинство.

София. Скажи мне, если тебе не в труд, в каком смысле ты говоришь, что Жадность хочет найти средство исцеления?

Меркурий. Отягчая мучения преступников так, чтобы из-за преступления одного виновного привлекалось множество невинных, а порою и справедливых, – вследствие чего князь становился все жирнее и жирнее.

София. Вполне естественно – овцы, у которых волк управителем, наказываются тем, что он их съедает.

Меркурий. Но позволительно сомневаться в том, что иногда достаточно сильного голода и жадности волка, чтобы овцы стали виноваты. И противозаконно, если не отыщется отца, наказывать ягнят и их мать.

София. Это правда. Нигде нет такого суда¹⁰⁴, разве что у диких варваров; и думаю, что такой суд прежде всего был введен у иудеев, так как это народ такой чумной, прокаженный и вообще вредный, заслуживающий скорее быть изничтоженным, чем рожденным. Так что, возвращаясь к нашей беседе, эта причина смутила, расстроила тебя, и из-за нее-то должен ты меня сейчас покинуть?

Меркурий. Пусть так. Я завернул к тебе раньше, чем лететь в те страны, куда я направился, чтоб не заставить тебя ждать напрасно и не нарушить данного тебе вчера обещания. Юпитеру я кое-что успел сказать о твоём деле и вижу – он более обычного благосклонен к тебе. Но в эти четыре или пять дней мне недосуг говорить с тобой и рассказать тебе, что мы должны сделать с просьбой, которую ты должна подать.

103. «Великая жадность, что идет, пожирая все, под предлогом поддержки религии» – в 1547 г. наместник испанского короля в Неаполе дон Педро да Толедо попытался ввести в неаполитанское наместничество испанскую инквизицию. Неаполитанцы ответили восстанием, которое вспыхнуло 17 мая того же года. Два месяца длились беспорядки и кончились амнистией, оплаченной Неаполем в размере 100 тысяч дукатов. Джордано Бруно несомненно очень хорошо знал все эти события. По мнению Спампанато, это никоим образом не могло быть неаполитанское восстание 1585 г. по несходству внешних фактов и обстоятельств.

104. Нигде нет такого суда... впервые введен у иудеев» – в Исходе гл. XX, ст. 5: «Я Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих меня».

Потерпи поэтому пока что, так как лучше заставить Юпитера и Сенат свободными от иных хлопот, чем в таком положении, в каком, можешь поверить, они находятся сейчас.

София. Я рада ждать, ибо, если дело пойдет позже, его смогут лучше разрешить. И, сказать правду, при большой спешке (желая исполнить свой долг и передать пообещанному твою просьбу сегодня) я не сумела удовлетворить самое себя, так как думаю, что в этой записке дело должно быть изложено с большими, чем я сумела, подробностями. Вот я даю вам ее сейчас, чтобы вы видели (если удосужитесь на пути) все мои жалобы.

Меркурий. Я погляжу ее; но вы сделаете хорошо, воспользовавшись этим временем и заготовив более объемистый и подробный мемориал, чтобы предусмотреть все полностью. Я же теперь прежде всего, чтобы смешать Силу, хочу возбудить Коварство, для чего в союзе с Обманом надо будет продиктовать одно предательское письмо против предполагаемого честлюбивого восстания. По этому подложному письму отвлекается в сторону морское нападение турок¹⁰⁵ и ставятся препятствия галльскому неистовству, которое далеко отсюда, из-за Альп, приближается сухопутьем. Тогда по недостатку Силы погаснет Смелость, успокоится народ, обезопасится князь, и Страх погасит без воды жажду Честлюбия и Скупости. И вместе с тем снова призовется изгнанное Согласие, и установится на своем троне Мир посредством подтверждения старинной Привычки жить вместе с уничтожением опасного и неблагодарного Новшества.

София. Иди же, мое божество, и да будет угодно Судьбе, чтобы исполнились твои намерения, чтоб ненавистная война не смутила мой покой, как и покой других!

Конец второго диалога

105. «морское нападение турок... препятствия галльскому неистовству» – отсюда видно, что, по мнению Бруно, восставшие неаполитанцы ждали помощи от турок, с моря, и от Франции, с суши.

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

София. Не стоит, Саулин, пересказывать тебе подробно все речи, какие держал Труд, Рвение или Забота, или как там вы хотите ее называть (мне в целый час не перечислить всех ее имен); но я не хочу умолчать о том, что случилось, как только она со своими подругами и служителями отправилась занять место там, где, как мы говорили, находится не досужливый Персей.

Саулин. Говорите: я слушаю вас.

София. Вышло так (ибо шпоры Честолюбия часто умеют понукать и побуждать все героические и божественные умы вплоть до этих двух приятелей – Досуга и Сна), что не досужливо и сонно, а хлопотливо и быстро они явились раньше, чем успели исчезнуть Труд и Рвение.

Вследствие чего Мом сказал:

– Освободи нас, Юпитер, от скуки, ибо я вижу ясно – они не замедлят внести проволочку, после отослания Персея, какой у нас было и так немало после Геркулеса.

Ему возразил Юпитер:

– Досуг не был бы Досугом и Сон – Сном, если бы слишком долго стали мучить нас чрезвычайным Трудом и Рвением, какие требуется проявить; ибо Труд, как видите, ушел отсюда, а эти находятся здесь в отрицательном смысле, т. е. вследствие отсутствия противоположных и враждебных им.

«– Все пойдет хорошо», – сказал Мом, – лишь бы они не сделали нас настолько ленивыми и медлительными, что мы не смогли бы сегодня разрешить все, что нужно.

И вот начал говорить Досуг таким образом:

– Да, боги, иной раз бывает во зло Праздность, как еще чаще бывают во зло Рвение и Труд. Зато Праздность чаще бывает и лучше, и уместней, чем в свою очередь Труд. И я не верю, если только справедливость у вас, будто вы хотите отказать мне в равной почести, разве что узаконено у вас считать меня менее достойным. Наоборот, я верю, что сумею вас убедить (исходя из тех речей, какие раздавались здесь в честь и похвалу Рвению и Труд), я верю, когда нас поставят на весы разумного сравнения, то, если и не найдут, что Праздность одинаково хороша, во всяком случае убедятся, что я значительно его лучше, так что не только рядом со мною признаете Рвение добродетелью, но скорее – совсем обратно – пороком.

Кто это, боги, охранял достохвальный Золотой век? Кто его установил, кто поддерживал, как не закон Досуга, закон природы? Кто уничтожил? Кто изгнал его почти безвозвратно из мира, кто как не честолюбивое Рвение, как не хлопотливый Труд? Не он ли замутил века, расколол мир и привел к веку железному и грязному, и глиняному, поставив народы на колесницу и на некую вершину и обрыв, возбудив в них гордость, любовь к новшествам, страсть к почету и личной славе?

Тот, кто по существу был таким же, как и все, а иногда по своим достоинствам и заслугам ниже других, стал благодаря лукавству, злобе, злонравию возвышаться над толпою и поэтому получил возможность изменять естественные законы, делая свою страсть законом, коей служат тысяча жалоб, тысяча самолюбий, тысяча изобретений, тысяча рвений, тысячи других товарищей, впереди которых выступает столь ревностный Труд, не говоря о других, что скрываются в одежде этих самых, не показываясь открыто, как Коварство, Тщеславие, Презрение к другим, Насилие, Злоба, Притворство и не явившиеся к вам их приспешники, т. е. Притеснение, Захват, Скорбь, Мучение, Страх и Смерть, кои все суть исполнители и мстители некогда спокойной Праздности, но всегда усердного и любопытного Дела, Работы, Старания, Труда и тому подобных других имен, коими именуются, чтобы быть менее известными, и под которыми скорее скрывают, чем открывают себя.

Все восхваляют прекрасный Золотой век, когда я, Досуг, давал душам покой, мир и свободу от этой вашей добродетельной богини Работы: приправа голода одна могла делать сладкой и приятной для тела пищу из желудей, яблок, каштанов, персиков и корней, что доставляла благожелательная природа. И такая пища питала лучше, больше нравилась, дольше поддерживала жизнь, чем все прочие когда-либо изобретенные искусственные кушанья – плод деятельности и занятия, чьи служители обманывают и усыпляют вкус: приготавливая яд, как сладость, производя то, что более нравится вкусу, чем потребно желудку, и тем самым, в угоду прожорливости, вредя здоровью и жизни. Все превозносят Золотой век, а затем уважают и чтят как добродетель того самого палача, который задушил его, кто изобрел твое и мое; кто разделил и сделал собственностью одного или другого не только землю (данную всем живущим на ней), но даже море и – того гляди – скоро даже и воздух. Не он ли положил предел чужой радости и сделал так, что то, чего было вдоволь для всех, стало в избытке у одних и в нехватке у других; отчего одни против своей воли стали жиреть, а другие – умирать с голоду. Он переплыл моря и, нарушив законы природы, смешал народы, которые разделила благосклонная мать-природа, и разнес пороки одного народа прочим. Ибо не так заразительны добродетели – конечно, если мы не станем величать добродетелями и благом тех, что из-за каких-то заблуждений и привычек называются и чтятся нами, как таковые, хотя всякий осуждает следствия и плоды их своим природным чутьем и разумом. Таковы суть природный разбой и глупость, и злодеяния захватных и собственнических законов моего и твоего, по которым тот справедливее, кто более сильный собственник; тот достойнее, кто ревностнее и предприимчивее, кто был первым захватчиком тех даров и участков земли, какими природа и, следовательно, божество безраздельно одарили всех.

Неужели я, Досуг, буду в меньшем почете, нежели он, Недосуг, я, что своим кротким, исходящим из уст природы голосом, наставлял жить тихо, спокойно и, довольствуясь настоящею и ясною жизнью, брать благодарным чувством и руками то сладостное, что дает нам природа, а не, как неблагоприятные и непризнательные, отказываться от того, что она нам подает и на что нам указывает, ибо то же самое нам подает и повелевает Бог, творец природы, кому мы также становимся неблагоприятными. Неужели, повторяю, в большем почете будет тот, кто, столь мятежный и глухой к советам, придирчивый и презрительный к дарам природы, отдает свои мысли и руки искусственным делам и махинациям, из-за коих мир подвергся порче и извратились законы нашей матери. Разве вы не слышите, как теперь мир, поздно заметив свои злосчастия, оплакивает тот век, когда я своим господством поддерживал веселье и довольство в человеческом роде, и как, громко жалуясь, проклинает настоящий век, в котором Рвение и предприимчивый Труд, приводя все в замешательство, хвалятся, что уладят все шпорами тщеславной почести?

*О, век златой прекрасный,
Не потому, что млеко
Текло в реках, и лес сочился медом;
Не потому, что жатву
Сохой нетронута земля сама давала,
А змеи были кротки и без яду;
Не потому, что облак хмурый
Не развернул еще тогда покров свой, –
И вечною весною,
Что ныне спустится и быстро улетает,
Смеялось небо светом и лазурью;
Что корабли на берега чужие ни торговца,
Ни странника, ни воина с собой не привозили:
Но только потому, что это
Пустое и бессмысленное имя,
Что этот идол заблужденья и ошибок*

*Тот, кто толпой безумной
Впоследствии почетом назван был
И кто природы нашей сделался тираном, –
Не примешал еще тогда своей печали
К веселым наслажденьям
Любовью щедрого людского стада;
И не были его жестокие законы
Известны душам, выросшим в свободе,
Но – лишь один закон златой блаженства,
Начертанный природой: «Что любо, то и делай!»¹⁰⁶*

Это он, завидуя покою и блаженству или даже тени наслаждения, каковые мы можем получить в этом нашем бытии, наложил законы на сон, на еду, на спанье. Вследствие этого мы не только не можем наслаждаться, но чаще подвергаемся скорби и мучениям. Он устроил так, что стало считаться воровством брать то, что есть дар природы. Он хочет, чтобы мы презирали красивое, приятное, доброе и относились с почтением к горькому и незаконному злу. Соблазняет мир кинуть известное и настоящее благо, какое есть у него, и стремиться, подвергаясь всевозможным мучениям, к тени будущей славы. Я же стремлюсь убедить мир в том, что показывает истина таким множеством зеркал, сколько есть звезд на небе, и что нашептывает нам со стороны природа столькими голосами и языками, сколько есть прекрасных предметов:

*Прочь тени ложные! Любите правды свет.
Менять, что есть, на то, что будет, – смысла нет.
Так в реку скачут гончие одни без замедленья,
Добычу верную – в зубах – меняя на пустое отраженье.
Ни ловким, ни с умом нельзя признать такого,
Теряет кто одно добро на розыски другого.
К чему искать вдали блаженный край,
Коль вы в себе самих найдете рай?
И пусть не думают, что ждет награда
В мирах иных – кто здесь блаженства не ценил:
Не осенит небес святых отрада
Того, кто жизнь земную не любил.
Так возносясь в мечтах, готовите себя для ада;
От радостей спеша в объятья темных сил,
Себе самим творите суд; и в заблужденье вечном
Стремясь в рай, в аду находитесь, конечно.¹⁰⁷*

Тут Мом заявил в ответ, что совету недосуг отвечать в отдельности на каждое из заявлений Досуга, какие он смог соткать и высказать, не нуждаясь в досуге, ибо у него всегда досуга вдоволь. Ну, вот и пусть теперь воспользуется сам собой – пойдет и подождет денька четыре или пять, ибо, может статься, боги на досуге сумеют вырешить что-нибудь в его пользу, а сейчас это невозможно.

Досуг прибавил:

– Дозволь мне, Мом, представить еще пару доказательств, которые скорее по терминам, чем по форме, будут состоять из пары силлогизмов и будут убедительны скорее по содержанию, нежели по форме. Из них первый вот.

106. «О, век златой прекрасный...» – стихи из Тассо, Аминта, акт первый, хор.

107. Прочь тени ложные!...» – вторая октава принадлежит Тансиллу из сборника его стихов «Виноградарь» (Vendemmiatore); первая составлена самим Бруно из различных стихов, позаимствованных из того же «Виноградаря».

Прародителю людей, когда еще он был хорошим человеком, и прародительнице женщин, когда она тоже была хорошей женщиной, Юпитер дал меня в товарищи; но когда и тот, и другая осрамились, Юпитер приставил им в товарищи Труд для того, чтобы он заставил потеть живот у нее и болеть голову у него.

Саулин. Должен был сказать: у него потеть лицо, а у той болеть живот.

София. Итак, боги, рассмотрите заключение, вытекающее из того, что я был признан товарищем Невинности, а Труд – Греха. Исходя из того, что схожее сопровождается схожим, достойное – достойным, выходит, что я – добродетель, а он – порок, и постольку я достоин, а он недостойн этого трона. Второй силлогизм таков. Боги суть боги, ибо они счастливейшие; счастливые – счастливы потому, что они не знают ни заботы, ни труда: труда и заботы нет у тех, кто не движется и не изменяется; но последние главным образом являются таковыми потому, что с ними Досуг, следовательно, боги суть боги, ибо с ними Досуг.

Саулин. Что сказал на это Мом?

София. Сказал, что, изучив логику по Аристотелю, Досуг не научился отвечать на аргументы четвертой фигуры.

Саулин. А что сказал Юпитер?

София. Из всего сказанного ему и выслушанного им он запомнил только последнее рассуждение о том, что Досуг был товарищем хорошего человека и женщины. Этому противоречит, что лошади не становятся осликами только, что они находятся вместе с осликами, и никогда овцы не становятся козами между коз. Прибавил еще, что боги одарили человека умом и руками, сотворив его по своему подобию и одарив способностями выше всех животных; способности эти состоят не только в том, чтобы действовать сообразно природе и ее порядкам, но, кроме того, вне законов природы; то есть образовывать или быть в состоянии образовывать иную природу, иное направление, иные порядки своим умом, той самой свободой, без которой нечего было бы и говорить о подобии, и тем самым сохранять себя земным богом. Но, конечно, эта свобода, если будет расходоваться празднично, будет бесплодной и тщетной, как бесполезен глаз, который не видит, и рука, которая не схватывает. Поэтому-то Провидение и определило человеку действовать руками, а созерцать умом, так чтобы он не созерцал без действия и не действовал без размышления. В Золотой же век люди благодаря праздничности были не доблестней зверей нашего времени, а, может даже, глупее многих зверей. Итак, когда между людьми вследствие соревнования к божественным делам и увлечения духовными чувствами родились трудности, возникла нужда: тогда обострились умы, были открыты ремесла, изобретены искусства; и все время со дня на день вследствие нужды из глубины человеческого ума исходили новые и чудесные открытия. Вследствие этого люди все более и более удалялись от звериного естества и благодаря усердному и настойчивому занятию все выше приближались к божественному естеству. Нечего удивляться той неправде и злобе, которая растет вместе с деятельностью, ибо если бы быки и обезьяны имели столько ума и добродетели, сколько люди, то и у них были бы те же самые повадки, те же чувства, те же пороки. Поэтому среди людей те, у кого есть что-то свинское, ослиное и бычачье, конечно, не так плохи и не заражены множеством пороков; но в силу этого они вовсе не делаются добродетельнее, все, равно как и звери, не разделяя вместе с людьми многих людских пороков, не делаются от того добродетельнее людей. Ведь мы не хвалим добродетель воздержания в свинье, которая отдается одной только свинье и однажды в год, но в женщине, которую возбуждают не только природа один раз в год для потребностей рода, но еще и собственный рассудок неоднократно, чтобы испытать наслаждение, и потому еще, что наслаждение стало целью ее поступков.

Далее, не слишком, но очень мало хвалим мы воздержание самца или самки свинных, которые по тупости и грубости своего телосложения очень редко и малочувствительно возбуждаются возжеланием, все равно как холодный и уродливый человек или же состарившийся. Но совсем иначе надо смотреть на воздержание, когда оно является поистине воздержанием и поистине добродетелью при телосложении более красивом, лучше упитанном, более одаренном, чувствительном и в высшей степени увлекающемся.

Поэтому-то – в отношении стран – то, что едва-едва добродетель в Германии, во Франции уже больше, еще больше в Италии и больше всего в Ливии. Отсюда, если поглубже вдумаешься, то поймешь, сколь далек был Сократ от того, чтоб обнаружить свои недостатки, Сократ, который тем самым одобрил свое громадное самообладание, подтвердив суждение физиономиста о своей природной склонности к грязной любви к мальчикам. Если, значит, ты, Досуг, рассудишь все, что надо, ты поймешь, что люди во время твоего Золотого века вовсе не потому были так добродетельны, что не были так порочны, как теперь. Между «быть добродетельным» и «не быть порочным» – большая разница, и не так-то легко одно выводится из другого: нет одних и тех же добродетелей там, где нет одних и тех же занятий, одинаковых умов, склонностей и темпераментов. Иначе рядом с глупыми и лошадиными умами варвары и лесные люди – лучше нас, богов, так как они не обесславились теми же, что у нас, пороками; в свою очередь звери, еще менее задетые этими пороками, будут вследствие того значительно лучше их. Стало быть, Досуг и Сон, может случиться, что вы с вашим Золотым веком когда-нибудь не будете пороками, но никогда и никоим образом не станете добродетелями. Когда же ты, Сон, перестанешь быть Сном, а ты, Досуг, перестанешь быть Досугом, тогда вы будете причислены к добродетелям и вознесены.

Тут Сон шагнул немножечко вперед и кое-как протер себе глаза, чтобы сказать что-нибудь и внести кое-какое предложение – пусть не подумают, что приходил попусту. Мом, увидя, что Сон так сладко и тихо-тихо подходит, восхитившись грацией и изяществом богини Зевоты, которая, подобно заре перед солнцем, шла впереди Сна, точно предвывая его, и не смея открыть своей любви в присутствии богов, ибо непозволительно ласкать слугу, обратился к господину с такой ласковой речью (испустив предварительно горячий вздох) и заговорил книжно, чтобы засвидетельствовать более уважения и почета:

*«Сон – отдых для всех, из богов всех кратчайший,
Мир ты души, ты, чуждый забот, телам ослабевшим
От трудов ты покой подаешь, возрождая к работам».*¹⁰⁸

Но не успел начать эту кантилену бог упреков (который забыл свое дело вследствие уже сказанной причины), как Сон, очарованный хвалебной речью и растаяв от звуков самого голоса, пригласил к слушанию Дремоту, возлежавшую у него на сердце. Та сделала знак парам, обретающимся в животе: они все, вместе поднялись Сну в мозг, отяжелили ему голову и разрешили чувства. И вот, в то время как Храп играл перед ним в дудки и трубы, Сон начал, пошатываясь, склоняться и положил голову на грудь мадонны Юноны, и вследствие этого кивка вышло (этот бог ходит всегда в рубашке и без штанов), что из-под своей короткой рубашонки он показал ягодицы Мому и всем богам, что сидели с той стороны.

При такой оказии на сцену явился Смех, выставив напоказ сенату целую перспективу блестящих косточек – зубов и, заставив выслушать себя в несогласной музыке хохота, прервал у Мома нить его речи. Последний, не имея возможности обрушиться на Смех, все свое негодование обратил против Сна, который, вызвав его, не только не поблагодарил по крайней мере своим вниманием, но больше того, предложил так торжественно свое чистилище вместе с грушею и палицею Иакова, как бы для пущего презрения к его льстивому и любовному *dicendi genus*, способу речи. Но как только Мом заметил, что боги не столько смеются над положением Сна, сколько над чудным случаем, приключившимся с ним, и что, стало быть, Сон – шутник, а он – предмет этой комедии, стыд покрыл лицо Мома красным покрывалом, и Мом сказал:

– За кем дело – убрать прочь от нас эту соню? Кому надо так долго глядеться в это смешное зеркало?

108. «Сон – отдых для всех...» – Овидий, Превращения. Кн. XI. Пер. Фета.

Тогда богиня Лень, тронувшись сердитыми выкриками Мома (бога не из простых, что есть на небе), взяла своего мужа под руку и, быстро устранив, повела к пещере горы, соседней с киммерийцами¹⁰⁹. С ними отправились трое их сыновей: Морфей, Ицилон и Фантаз¹¹⁰. Тотчас же все они очутились там, где из земли выделяются постоянные облака, причиняя вечные сумерки в воздухе, где ветер не дует и немой Покой обитает в своем дворце тоже по соседству с царством Сна. Перед атриумом дворца – сад из тиссов, буков, кипарисов, буксов и лавров, а в середине фонтан из малого ручейка, что, отклоняясь к поверхности земли от быстрого течения реки Леты, выходит здесь из мрачного ада под открытое небо. Там сонливые боги легли на свое ложе из досок черного дерева, с пуховой периной и шелковым одеялом.

Тем временем Смех простился и вышел из конклава. Вернулись на старое место рты и челюсти богов, чуть было не свернувшиеся у некоторых в сторону. Досуг, оставшись один-одинешенек и видя, что суждение богов не особенно в его пользу, отчаиваясь уже в каком-либо успехе, ибо даже главнейшие его доводы не только не были приняты, но все, сколько их ни было, сброшены наземь, где от удара одни были едва живы, другие лопнули, третьи разбили себе шею, четвертые разлетелись вдребезги, считал каждый миг за год и выбирал случай удрать подобру-поздорову раньше, чем с ним произойдет какая-нибудь позорная неприятность, вроде как с приятелем, ибо не сомневался, что Мом выместит на нем свою досаду.

Однако Мом, заметив, что Досуг боится, как бы не поплатиться за чужие поступки, сказал ему:

– Не сомневайся, бедняжка, ибо я, назначенный судьбою в адвокаты бедняков, не премину заступиться за тебя.

И тотчас обратился к Юпитеру с такими словами:

– По твоей речи, Отче, о деле Досуга я понял, что ты совершенно не осведомлен ни о том, что он такое, ни где он живет, никто ему служит. Конечно, если бы ты соблаговолил выслушать меня, мне легко было бы убедить, что, если ты его и не захочешь в качестве Досуга посадить на звездный трон, то по крайней мере дашь ему совместное обиталище с Недосугом, который слывет и называется его недругом, а они уж, не причиняя зла друг другу, сумеют навсегда устроиться вместе.

Юпитер ответил, что он обрадовался бы случаю удовлетворить по справедливости Досуг, ибо нет ни смертного, ни бога, который бы не наслаждался его ласками, что он охотно выслушает Мома, если тот приведет какой-нибудь серьезный довод в пользу Досуга.

109. «повела к пещере горы соседней с киммерийцами» – у Овидия в Превращениях:

*Близ киммерийцев есть свод в горе
и длинный есть выход
Из пещеры, там дом и ленивого сна там жилище.*

(Овидий. Превращение. Кн. XI. Пер. Фета)

110. Морфей, Ицилон и Фантаз – дети Сна.

*А из тысяч своих детей отец призывает
Мастера и подражателя образам разным, Морфея.
По указанью никто искусней его не сумеет
Подражать и лицу, и походке, и звуку речений;
Он прибавляет к тому одежды и каждому ближе
К употреблению слова. Но одним подражает он людям;
Птицей становится тот, иль зверем, иль длинной змеею;
Он у богов Ицилон, у смертного людя Фобетор
Имя ему. Но к тому же с отдельным искусством и третий
Есть Фантаз. Он в камень, и в лес, и в землю, и в воду,
И во все, что ни есть без души, превращается лжив.*

(Овидий. Превращение. Кн. XI. Пер. Фета).

– Неужели, по-твоему, Юпитер, – начал Мом, – в доме Досуга есть досуг. Какой же тебе еще деятельной жизни надо там, где такое множество дворян и их слуг, которые встают утром раным-рано, чтобы успеть умыться себе лицо и руки, три или четыре раза, в пяти или семи водах, которые тратят затем целых два часа, чтобы накаленными щипцами и смолами завить и раскудрявить свои волосы, подражая великому и высокому Провидению, не забываящему ни единый волос на голове без того, чтобы определить ему свое место? Где затем так тщательно надевается камзол, так предусмотрительно разглаживаются складки воротника, так изящно пригоняются запястья, так деликатно чистят и прыскают духами ногти, так точно, просто и ровно подгоняется камзол к шароварам, с такой предусмотрительностью располагают узлы шнурков; с таким прилежанием гладят и разглаживают ладонями чулки, чтоб привести их в порядок; так симметрично пригоняют концы с концами там, где отверстие штанин соединяется с чулком на коленном сгибе; так терпеливо приспособляют самые узкие связки или подвязки, чтобы чулки не скользили и не образовывали складок? Где напряженно спорят и высказывают суждение, что так как трудно и неудобно приспособлять башмак к ноге, то пусть лучше нога широкая, неправильная, жилистая и грубая на свое горе приспособляется к узкой, прямой, чистой и изящной обуви? Где, с таким изяществом делая каждый шаг, бегают по городу, чтоб показать себя, где дамы обмениваются визитами и беседуют меж собой, танцуют, устраивают прыганье, беганье, хороводы, пляски; и когда уже больше нечего делать, то, устав от всех этих занятий и во избежание греха, засаживаются за игральный стол; таким-то образом, удалившись от более сильных и трудных грехов, избегают их всех, если их не больше семи смертных и главных. Ибо недаром сказал один гонуэзский игрок:

– Какая уж тут гордость у того, кто, потеряв 100 скудов в игре с графом, начинает играть с конюхом, чтобы выиграть четыре реала? Что за скупость у того, кому не хватает 1000 скудов на неделю? Где роскошь и вожделение у того, кто все свое душевное внимание вложил в игру? Как можно обвинять в гневливости, кто из страха, что приятель оставит игру, готов выносить тысячу несправедливостей и мягко и терпеливо отвечать гордецу, который опередил его? Как может стать прожорливым, кто весь свой заработок и все свое старание ухлопывает на игру? Какая зависть к чужому добру в том, кто бросает и заведомо пренебрегает своим? Где лень у того, кто с полудня, а иной раз с утра до полуночи играет без малейшего перерыва? Однако не подумайте, что тем временем он дает праздновать своим слугам: тем из них, что должны присутствовать около него, и тем, что должны распоряжаться за него в храме, на рынке, в погребках, в кухне, конюшне и в непотребном доме.

А чтобы показать вам, Юпитер и остальные боги, что в доме Досуга нет недостатка в ученых и образованных людях, то как, по-вашему, может быть досуг в доме Досуга, если там не переводятся грамматики, которые спорят о том, что нужно ставить впереди – имя существительное или глагол? Почему прилагательное ставится иной раз перед существительным, иной раз – после него? Почему в некоторых предложениях какая-нибудь связка, как, например, извините за слово, et, ставится впереди, а другая, как, например, gue, ставится позади? ...Кто автор, коему по закону следует приписать книгу «Приапея», мантуанец Марон или сульмонезец Назон?

Не говорю уже о других таких же хороших вопросах и даже более тонких, чем эти. Разве есть нехватка в таких диалектиках, которые доискиваются, имел ли Хризаорий¹¹¹ – ученик Порфирия – золотые уста по природе, по признанию или только по прозвищу; должны ли Перьермении предшествовать или следовать, или же их можно расположить, как угодно, *ad libitum* впереди и сзади категорий; должно ли собственное имя иметь числа и ставиться в порядке сказуемого или же – быть щитоносцем вида и пажем рода; должно ли, приобретя навык в силлогизмах, приступать к изучению *Posteriora*, где углубляется искусство суждения, или же тотчас переходит к *Topica*, благодаря коим совершенствуются в искусстве открывать; нужно ли упражняться в софистической хитрости *ad usum vel ad fugam vel in abusum*; четыре ли модуса, которые образуют модальности, или сорок, или четыреста; не хочу говорить о тысяче иных прекрасных вопросов.

В доме Досуга находятся и физики, которые сомневаются, можно ли познать природу: есть ли вещь в себе – движущее бытие или тело движущее, бытие природное или тело природное; действует ли материя иначе, как бытийственно; где линия совпадения физического и математического; было ли творение и создание пустоты; может ли быть материя без формы; могут ли сосуществовать вместе множество субстанциональных форм; и без конца подобных же вопросов о совершенно ясных вещах, которые поставлены в качестве вопросов только ради бесполезного расследования.

Там и метафизики ломают себе голову над вопросом *principio individuationis*, о вещи существующей, поскольку она существует; над доказательством того, суть ли арифметические числа и геометрические величины субстанция вещей; и об идеях – верно ли, что они сами по себе имеют субстанциональное бытие; о бытии тождественном себе или различном в субъекте и объекте; о сущности и явлении; об одних и тех же численных свойствах в одном и во многих предметах; о равноименности, одноименности и аналогии существующего; о связи между духовными существами и небесными кругами – зависит ли она от души или же от движения; может ли быть бесконечная добродетель в конечной величине; о единичности или множественности первых двигателей; о лестнице конечного или бесконечного прогресса в соподчиненных причинах; и о многих, многих тому подобных вопросах, которые посводили с ума столько кукушек и высушили затылочный сок у столько протософов...

Тут Юпитер не вытерпел:

– Мне кажется, Мом, тебя подкупил Досуг; ты так досужливо расходуешь и время, и красноречие. Сделай свое заключение, ибо нам ясно, что сделать с Досугом.

«– Не стану, значит», – сказал Мом, – перечислять прочих не досужливых, которые заняты в доме этого бога, как-то: множества пустых стихотворцев, кои, несмотря на общее презрение, хотят сойти за поэтов, множества баснописцев, множества новых рассказчиков старых историй, каковые уже были рассказаны тысячу раз, тысячью других и в тысячу раз лучше. Не скажу уже об алгебраистах, искателях квадратуры круга, фигуристах, систематиках, реформаторах диалектики, обновителях правописания, мыслителях о жизни и смерти, истых почтальонах рая, новых кондотьерах вечной жизни, вновь исправленной и выпущенной в свете со многими полезнейшими прибавлениями, добрых нунциях лучшего мяса и лучшего вина, которое не может быть ни греческим вином Сомма, ни мальвазией Кандии, ни аспринией Нола. Пройду мимо прекрасных умозрений о необходимости и свободе, о вездесущии какого угодно тела, о самой высшей справедливости, какая находится у пиявок.

Тут вмешалась Минерва:

– Если ты, Отче, не заткнешь рот этому шуту, мы потратим время в напрасных разговорах и за сегодня не сумеем выполнить главного своего дела.

111. Хризаорий – философ неоплатоновской школы; жил в III в.

Тогда отец Юпитер сказал Мому:

– Мне некогда и не до твоей иронии, а что касается твоей заботы о Досуге, скажу тебе – Досуг похвальный и работающий должен воссесть и воссядет на том же самом месте, что и Работа, ибо Труд должен управляться Досугом, а Досуг – умеряться Трудом. Благодаря Досугу Труд становится разумнее, скорее и производительнее, ибо от труда очень тяжело переходить снова к труду. И все равно как без предварительного обдумывания и размышления нехорошо браться за дело, так точно не годится – и без предварительного досуга. Равным образом, не может доставить приятности и удовольствия переход от досуга к досугу, ибо переход этот приятен лишь тогда, когда исходит из лона усталости. Пусть же не всегда ты, Досуг, будешь приятен, а только после достойных занятий! Пусть для доблестной души пошлый и бездейственный досуг, когда он не явится после похвальных упражнений и труда, будет самою тяжелой работой! Зато приходи властелином к Старости и заставляй ее чаще оглядываться назад: и если она не оставила после себя достойных следов, сделай ее тяжелой, печальной, трепещущей перед близкой развязкой, которая приведет ее к неумолимому трибуналу Радаманта¹¹² – пусть таким образом старость восчувствует ужасы смерти прежде, чем та придет!

Саулин. Вот, кстати, хорошие слова Тансилла:

*Тому поверьте, клятву кто дает для вас в поруки -
Нет царства страшного на свете, что создать
Могло б раскаянья сильнее муки;
Затем что прошлое не возвращается опять.
И каждое хотя раскаянье несет с собой доуку,
Но в чувстве этом есть одно, что будет угнетать
И язвы в сердце загвоздит навек неизлечимо -
Как много было можно сделать,
Но без следа прошло все мимо.¹¹³*

София. «И подавно хочу я», – сказал Юпитер, – дабы кончились плохо все бесполезные дела, что находятся в доме Досуга, из коих кое-какие перечислил Мом. Хочу, чтобы гнев богов пролился свинцом на этих деловых бездельников, которые привели мир в большее замешательство и беспокойство, чем-то могло сделать когда-либо любое дело. На тех, повторяю, кто желает обратить все совершенство и благородство человеческой жизни в одни только досужливые верования и фантазии, так как, по их мнению, дела усердия и подвиги справедливости не делают человека (хотя это очевидно) лучше; наоборот, пороки и праздность не делают людей не угодными богам, коим были раньше угодны, так как все то, что есть, и даже самое худое, должно было быть.

Ты же, Досуг, неподвижный, бесполезный и вредный, не дожидаясь себе палат, уготованных на небе и для небесных богов, но – в аду, для слуг строгого и непреклонного Плутона.

Не стану пересказывать, как досужливо вел себя Досуг, убираясь прочь, как, несмотря на толчки, едва двигался, и только по принуждению богини Необходимости, которая пришпорила его, ушел, жалуюсь на совет, не захотевший дать ему несколько дней срока, чтобы уйти с заседания.

112. Радамант – сын Европы от Юпитера; вместе с братом своим Миносом – судьи подземного мира.

113. «Тому поверьте...» – стихи из «Виноградаря» Тансилла.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

Тогда Сатурн настойчиво заявил Юпитеру – поторопиться с распределением прочих мест и ввиду наступающего вечера ограничиваться главным: смещать и назначать, а что касается порядка, с каким божеские и прочие добродетели должны управляться меж собой, то все это решить в самый ближайший большой праздник, когда соберутся боги вновь вместе – накануне праздника Пантеона. Предложение это кивком головы одобрили все боги, исключая Безотлагательность, Спешку, Вражду, Неуместность и других.

– И, по-моему, так! – сказал Громовержец.

– Ну, так скорее, – прибавила Церера, – куда ж направить моего Триптолема – возничего, которого вы видите там, того самого, через кого я дала пшеничный хлеб людям. Хотите, я пошлю его в какое-нибудь местечко той или другой Сицилии? Пусть утвердит там свою резиденцию: у меня там три храма, посвященных мне за его же старания и дела – один в Апулии, другой – в Калабрии, третий – в самой Тринакрии.

«– Делайте, что вам угодно, с вашим почитателем и слугою, дочь моя», – сказал Юпитер, – а на его место пусть воссядет, если это и ваше мнение, боги, Человеколюбие, на нашем наречии Филантропия, самым совершенным образом которой, как кажется, сделался этот возникший. Не Человеколюбие ли заставило тебя, Церера, послать Триптолема, и не оно ли руководило им, когда он оказывал твои благодеяния человеческому роду?

«– Все это так», – сказал Мом, – ибо благодаря Человеколюбию Вакх сделал людям такую прекрасную кровь, а Церера – таким хорошим мясом, какими они, конечно, не могли быть во времена каштанов, бобов и желудей. Пусть же бегут от нее Мизантропия и Недостаток; и было бы согласно с обычаем и разумом, дабы около двух колес ее колесницы слева стоял Совет, справа – Помощь, а по сторонам двух легчайших оглоблей, влекущих повозку, слева находилась Снисходительность, справа – Благосклонность.

Затем Мом спросил Меркурия, что он хотел бы сделать со Змеебыком, ибо всего лучше и удобнее было бы послать его в качестве Марсова шарлатана, имея в виду его талант без страха и опасности укрощать такого громадного змея. Можно предложить также змея лучезарному Аполлону, если тому заблагорассудится снабдить им своих магов и колдунов или, как говорится, своих Цирцей и Медей – для отравлений. Или же – уступить своим медикам, как говорится, Эскулапу на лекарства. Можно еще предложить его Минерве, не пригодится ли ей он один, чтобы расправиться с каким-нибудь восставшим на нее Лаокооном.

«– Берите, кто хочет», – сказал Великий Патриарх, – и делайте, что угодно, как со змеем, так и со змееносцем, лишь бы убрались отсюда. А на его место да вступит Мудрость, которую обычно видят и удивляются в змее.

– Да наследует Мудрость, – сказали все, – ибо она столь же достойна неба, как и сестра ее – Благоразумие: там, где Мудрость умеет обрядить и упорядочить то, что нужно сделать и что надо оставить, чтобы добиться своей цели, Благоразумие сумеет и раньше и после рассудить в силу своего хорошего понимания, которое и есть она сама. И да изгонятся отсюда Низость, Нерассудительность и Тупоумие с тех мест, где все подвергается сомнению или обсуждению. Из сосудов Мудрости пусть пьет Знание, и начнет и да растит дела Благоразумие...

– Я никогда, – сказал Мом, – не любопытствовал о Стреле, кому она принадлежит, т. е. не ею ли убил Аполлон чудовищного Пифона, или же не ею лимадонна Венера заставила своего крошку-лентяя ранить неукротимого Марса, который затем из мести ей, жестокой, вонзил себе кинжал в живот по самую рукоятку; или даже не она ли и есть та памятная стрела, которой Алкид поразил царицу Стимфалидскую; или же та, которой нанес последний удар Калидонскому вепрю, – или она просто-напросто реликвия или трофей какого-нибудь триумфа пренепорочнейшей Дианы. Как бы то ни было, пусть берет ее себе хозяин и приткнет, куда вздумается.

– Хорошо, – ответил Юпитер. – Уберите ее отсюда вместе с Завистью, Клеветой, Изменой, Кознями и Проклятием, и да воссядут на ее месте доброе Внимание, Наблюдение, Избрание и Стремление к общей и справедливой цели.

Что касается Орла, божественной и героической птицы, символа власти, мое решение и воля таковы. Да сойдет и облечется плотью и костями в пьяной Германии: там больше, чем где-либо, ее будут чтить в символе и аллегории, в образе и подобии, во множестве картин, статуй, шлемов – таком множестве, сколько звезд на небе представляется глазам созерцательной Германии. Только Орлу незачем вести туда с собой Честолюбие, Самонадеянность, Дерзость, Гнет, Тиранию и прочих подруг, и служанок этих богинь, ибо все они там будут не у места: страна не очень просторна для них. Пусть летят себе подальше от этой милой и славной страны, где щитами служат тарелки, шлемами – кухонные горшки и посуда; мечами – кости, вложенные, как в ножны, в соленое мясо; трубами – стаканы, кувшины и бокалы, барабанами – бочки и бочонки; полями сражений – столы для выпивки или, как там говорится, для еды; крепостями, валами, рвами – погребя, закусовые, трактиры, которых больше, чем самих домов. Тут Мом перебил:

– Прости меня, великий Отче, если я прерву твою речь. Но, по-моему, все эти божественные подруги и служанки без твоего наказа уже там имеются: есть там Честолюбие – превзойти всех своим свинством; Самонадеянность живота, заявляющего притязание получать сверху не меньше, чем сумеет зараз спустить вниз глотка; Дерзость, с которой тщетно желудок пытается переварить все, что тотчас живехонько надо выблевать; подавление чувств и природной теплоты; Тирания над жизнью растительной, чувственной и умственной – все они царят сильнее в одной Германии, чем во всех прочих частях этого шара.

– Правда, о Мом, – добавил Меркурий, – но в такого рода Тирании, Дерзости, Честолюбии и прочих подобных им скверных богах и богинях нет ничего от орлиного, наоборот все от пиявок, обжор, пьяниц и свиней. А что касается Юпитерова приговора, по-моему, он нанесет явный ущерб этой царственной птице, вследствие условий ее жизни и природы, ибо, так как мало пьет, а много ест и пожирает, обладает ясными и дальнзоркими очами, быстрым полетом, легкокрылая любит высоко парить в воздухе и живет в сухих и каменистых, высоких и неприступных местах, то по всему этому не может быть символом и не годится для равнинного населения: ведь его даже двойная тяжесть штанин своим сильным противовесом, того гляди, приплюснет к глубокому и мрачному центру земли; ведь это народ такой медленный и тяжелый на подъем, что скорее способен твердо выдерживать битву, чем преследовать неприятеля или бежать, к тому же подвержен глазным болезням и больше пьет, чем ест.

– Что сказано, сказано, – возразил Юпитер. – Я повелел Орлу облечься костями и плотью и созерцать свои изображения, но, конечно, не затем, чтобы он был там, как в темнице, и не мог появляться туда, где он есть в духе и истине по другим и более достойным основаниям вместе с уже упомянутыми божествами. Место же его предоставить всем тем добродетелям, кои могут заместить его, как-то: Великодушию, Великолепию, Благородству и прочим сестрам, и служанкам их.

«– Итак, что ж мы сделаем», – спросил Нептун, – с этим Дельфином? Угодно вам, я его отправлю в Марсельское море – пусть поплывет оттуда по реке Роне и, постепенно поднимаясь, посетит и хорошенько осмотрит Дофинат.

– Пусть скорее сделает так, – вмешался Мом, – ибо, по-моему, столько же смешно, если кто-нибудь пригвоздит к небесам дельфина, а к водам кабана, сколько если к лесам пригвоздит дельфина, а к водам кабана.

– Пусть идет, куда угодно Нептуну, – согласился Юпитер, – а на его место воссядут символическая Благосклонность, Любезность, Долг со своими товарищами и служителями.

Минерва спросила, может ли Пегасский конь, оставив двадцать светлых пятен Любопытству, пойти к Гиппокренскому источнику, который давным-давно загрязнен, разрушен и замутнен быками, свиньями и ослами, пойти и посмотреть, нельзя ли копытами и зубами избавить то место от всей этой сволочи, дабы музы, увидев, что вода источника снова приведена в прежнее прекрасное состояние, соблаговолили снова встречаться там и устраивать свои собрания и торжества. А на этом месте неба пусть воссядут Восторг, Восхищение, Энтузиазм, Пророчество, Учение и Талант с их сродниками и слугами, откуда вечно да проливают вниз божественную воду по капелькам для омовения душ и для упоения чувств смертных.

– Уберите, – сказал Нептун, – отсюда, если вам угодно, боги, ту Андромеду, что руками Невежества была привязана к утесу Упорства цепями Превратных Толкований и Ложных Мнений на съедение киту Погибели и окончательное уничтожение волнами неустойчивого и бурного моря. Отдайте ее в предусмотрительные и дружеские руки ревностного, трудолюбивого и быстрого Персея, чтобы он, развязав и вызволив ее от недостойных препон, взял себе как достойное приобретение. А кем сменить ее, о том пусть озаботится Юпитер.

– Желаю, – ответил Отец богов, – чтоб ей наследовала Надежда, ибо нет такого трудного и неисполнимого дела, к достижению коего обещанием плодов работы. Надежда не зажгла бы все души, имеющие в себе чувство какой-либо цели.

– Пусть наследует, – подтвердила Паллада, – этот священный щит человеческой груди, эта божественная основа всех зданий Доброты, эта надежнейшая опора Истины: она, которая никогда ни из-за какого нелепого случая не разуверяется, ибо чувствует в себе самой семена собственной годности, которые не могут быть вырваны у нее никаким насильническим набегом; она, вследствие которой, как слышно, Сильбон одержал победу над врагами, тот Сильбон, говорю, который, спасшись из пламени, испепелившего у него отечество, дом, жену и достатки, ответил Деметрию: «Все свое ношу с собой!» – ибо с ними были Сила, Справедливость, Благоразумие, от которых надеялся иметь утешение, спасение и поддержку в жизни, и ради коих легко презреть сладость жизни.

«–Оставим всех их», – сказал Мом, – и перейдем поскорее к тому, как нам распорядиться с этим Треугольником, или Дельтой.

Ответила копыеносная Паллада:

– По-моему, хорошо бы отдать ее Кузанскому кардиналу, не сумеет ли он с помощью Треугольника освободить этих обезумевших геометров от докучливого изыскивания квадратуры круга, выверив меж собой и треугольник и круг согласно своему божественному принципу соизмеряемости и совпадения самой большой и самой малой фигуры, т. е. одной фигуры, состоящей из минимального, и другой – из максимального числа углов.

Пусть будет, стало быть, начерчен треугольник (рис. 1) с вписанным и описанным около него кругом. Тогда отношением этих двух линий (из коих одна идет от центра к точке касания внутреннего круга с внешним треугольником, другая – к одному из углов треугольника) достигнется эта так долго и столь тщетно разыскиваемая квадратура.

Тут вмешалась Минерва и сказала:

– А я, чтоб показать не меньшее расположение к музам, хочу подарить геометрам несравненно больший подарок, чем этот и другие. Ноланец же за то, что я ему первому это открыла и чрез него даю во всеобщее пользование, должен принести мне не только одну, но 100 гекатомб, ибо благодаря прозрению равенства, существующего между самым большим и самым меньшим, между внешним и внутренним, началом и концом, я даю ему наиболее плодотворную, богатую, ясную и безопасную дорогу, которая покажет не только, как квадрат становится равным кругу, но больше того, каждый треугольник, каждый пятиугольник и, наконец, какая угодно и сколь угодно многоугольная фигура; отсюда и в твердых телах становятся равными линия линии, поверхность – поверхности, площадь – площади, тело – телу.

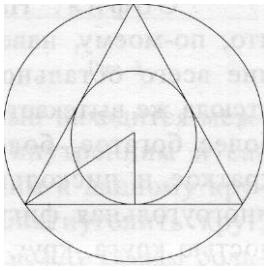

Рис. 1

Саулин. Это будет прекраснейшая вещь, бес ценнейшее сокровище космометров!

София. Настолько превосходной и достойной, что, по-моему, наверняка уравновесит собою изобретение всего остального в геометрической области. Ведь отсюда же вытекает другое, более полное, более великое, более богатое, более легкое, более изысканное, более краткое и нисколько не менее очевидное: как любая многоугольная фигура соизмеряется линией и поверхностью круга, круг, в свою очередь, линией и поверхностью какого угодно многоугольника.

Саулин. Возможно скорей желал бы узнать этот способ!

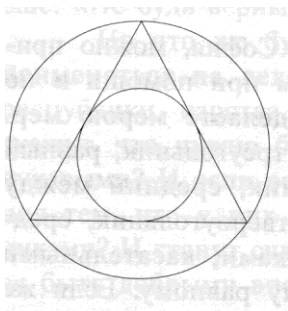

Рис. 2

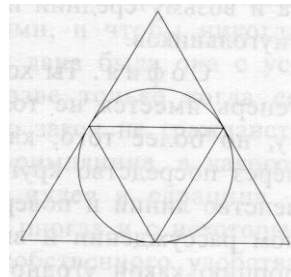

Рис.3

София. Точно так же сказал Меркурий Минерве, и та ему ответила:

– Прежде всего тем способом, как ты уже сделал: впиши внутри этого треугольника (рис. 2) наивозможно больший круг, затем вне этого треугольника опиши круг, самый меньший из возможных касающихся к вершинам трех углов; и затем не стану приступать к столь надоевшей квадратуре, но к простому тригонизму: стану искать треугольник, который бы имел линию, равную линии круга, и другой, у коего бы поверхность равнялась поверхности круга. Таковым будет (рис. 3) один, как бы средний, треугольник, в равном расстоянии от одного треугольника, что содержит в себе круг, и от другого, что содержится в круге. А как его найти, предоставляю собственной сообразительности каждого, ибо мне достаточно было показать суть сути. Точно так же, чтобы очетвероуголить круг, не нужно брать треугольник, но четырехугольник, который находится между самым большим внутренним и самым меньшим внешним к данному кругу (рис. 4). Чтобы опятиуголить круг, нужно взять средний между самым большим пятиугольником, вписанным в круг, и самым меньшим, описанным около него. Равным образом, следует делать так всегда, чтобы приравнять какую угодно другую фигуру по площади и по линии к кругу. Более того, таким образом, найдя круг квадрата, равный кругу треугольника, можно будет найти квадрат этого круга, равный треугольнику другого круга – квадрат одинаковой величины с треугольником.

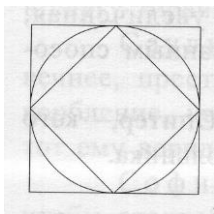

Рис. 4

Саулин. Таким способом, София, можно приравнять все фигуры друг с другом при помощи и по отношению к кругу, который вы делаете мерою мер. То есть, если мне надо, например, треугольник, равный четырехугольнику, беру треугольник, средний между двумя касательными к кругу, и четверо угольник, средний между двумя четверо угольниками, касательными к тому же кругу или даже другому равному. Если же мне понадобилось бы взять квадрат, равный шестиугольнику, то я начерчу и тот и другой внутри и вне круга и возьму средний из двух четырехугольников и шестиугольников.

София. Ты хорошо понял. Так что, стало быть, теперь имеется не только экватура всех фигур к кругу, но более того, каждой из фигур ко всем прочим через посредство круга, причем всегда сохраняется равенство линий и поверхностей. Таким образом, при малом рассуждении и внимании всякое равенство и пропорцию какой угодно хорды можно принять за какую угодно дугу, ибо эта хорда, вся целиком, или разделенная, или по определенным основаниям увеличенная, может стать многоугольной, каковую указанным способом объемлет данный круг или она его.

«– Итак, скорее решайте», – сказал Юпитер, – кого мы должны поставить там на месте треугольника.

Ответила Минерва:

– По-моему, всего лучше будет там Вере и Искренности, без коих всякий договор нерешителен и сомнителен, всякое общество распадается, всякое сожитие разрушается. Посмотрите, до чего дошел мир вследствие того, что у него вошло в обычай и пословицу: «Царям не надо соблюдать верность». Еще: «Нечего соблюдать верность к еретикам и неверным». Или еще: «Не будь верным тому, кто нарушил верность».

Но что же будет, если все эти правила начнут применяться на деле? До чего дойдет свет, если все республики, царства, хозяйства, семьи и частные люди скажут, что нужно быть святым со святым, лукавым с лукавыми? И если все станут извинять свои преступления тем, что у них соседи или друзья были преступниками? И станут считать, будто не надо быть и стараться быть добрыми вполне независимо, как боги, но применительно к случаю и удобствам, как змеи, волки и медведи, яды и отравы?

– Хочу, – прибавил Отец, – чтобы Верность была самой славной меж добродетелями, и чтобы никогда не позволялось разрывать ее – и дана была она с условием обоюдной верности, – разве только когда ее нарушила другая сторона, ибо это закон не гражданского и героического грека и римлянина, а какого-нибудь зверского и варварского иудея и сарацина – позволят себе вступать в договор иногда и с некоторыми людьми исключительно для собственного удобства и случая обмануть, чем самым Верность обращается в слугу тирании и предательства.

Саулин. О, София! Нет оскорбления бесчеловечнее, преступнее и недостойнее сожаления, как оскорбление, наносимое одним человеком другому, если тот ему верил, а он обманул его доверие.

София. «Вот я и хочу», – сказал Громовержец, – чтобы эта добродетель появилась с торжеством на небе, дабы стали ее впредь чтить на земле. И пусть ее видят на том месте, где был Треугольник, который всего удобнее символизировал собою Верность, ибо треугольное тело (как состоящее из минимального числа углов и наиболее далекое от круга) труднее, чем всякое другое, сдвинуть с места.

Таким образом, было очищено северное пространство, где обычно считается 360 звезд: 3 больших, 18 великих, 81 средних, 177 малых, 58 еще меньших, 13 совсем маленьких с одною туманностью и 9 темных.

Саулин. Итак, поторопись, пожалуйста, вкратце пересказать, что было сделано с остальными.

София. «Реши, Отче», – сказал Мом, – что надо сделать с этим прародителем ягнят, с тем, кто прежде всего гонит из земли первые побег травы, открывает год и новым цветочным и лиственным покровом покрывает землю и украшает год.

– Колеблюсь, – сказал Юпитер, – послать ли его к ягням Калабрии, Апулии или счастливой Кампаньи, где стада их часто убивает суровая зима, с другой стороны, не годится, по-моему, отправить его вместе с другими в Африканские пустыни и горы, где, того гляди, будет страдать от невыносимой жары. Пожалуй, всего удобнее будет ему у Темзы, где живут множество прекрасных, добротных, жирных, белых и быстрых ягнят. Там они не безобразны, как в области Нигра; не черны, как около Силера и Офита; не худощавы, как около Себета и Сарно; не плохи, как по Тибру и Арно; не невзрачны, как около Таго. Ибо это место самое подходящее по погоде: там господствует более, чем в какой-либо другой стране по сю и по ту сторону экватора, умеренный климат. Из этой страны изгнаны и чрезмерный холод снегов, и крайний жар солнца, как о том свидетельствует вечно зеленая и цветущая земля, осчастливленная постоянною и непрерывною весной. Кроме того, там, под защитою десницы великого Океана, будет в безопасности от волков, львов, медведей и прочих диких зверей, и враждебных сил материка. И это животное имеет в себе что-то княжеское, воеводское, предводительское, что-то от пастуха, полководца и вождя, как вы и видите на небе, где все знаки небесного пояса бегут за ним сзади, и как можете заметить на земле, где стоит ему подняться или броситься, подскочить или выпрямиться, наклониться или упереться, как все стадо тотчас же следует его примеру, подражает ему и соглашается с ним.

Хочу, чтобы на место Овна сели добродетельное Соревнование, Примерность и доброе Соглашение с прочими добродетельными сестрами и слугами. А противницы их – Соблазн, плохой Пример со своими приспешниками: Греховодничеством, Безумием, Заблуждением, со своим вождем – Злобой или Невежеством, или обоими вместе; проводником – глупою Жестокостью, которая, как видите, слепа и нащупывает дорогу палкою мрачной Инквизиции и дурацкого Убеждения; вечными товарищами – Подлостью и Трусостью, кои все вместе да покинут места и да идут странниками по земле.

– Хорошо постановлено! – согласились все боги. А Юнона спросила Юпитера, что он хочет сделать со своим Тауром, со своим Быком, с этим соучастником святых яслей.

Ей Юпитер ответил:

– Если не пожелает отправиться к подножию Альп, на берега По, где стоит роскошный город Турин, говорю о метрополии Пьемонта, названной так от его имени, все равно как Буцефалла от Буцефала, остров Капри, к западу от Партенопей, от коз, Корвет в Базиликате от коршуна, Мирмидония от муравьев, Дофинат от дельфина, Абруцци от вепрей, Офант от змей и Оксфорд не знаю от какого другого зверя, – пусть идет в компании со своим соседом Бараном. Там у него (как свидетельствует их мясо, считающееся благодаря избытку свежей травы и пышным пастбищам самым изысканным в мире) будут самые лучшие товарищи, каких можно видеть на всем остальном пространстве вселенной.

Сатурн спросил о преемнике, а Юпитер ответил ему так:

– Так как это животное выносливое, терпеливое, работающее, то я хочу, чтоб отныне оно стало символом Терпеливости, Выносливости, Страдания и Долготерпения – добродетелей, по правде, очень необходимых миру. Стало быть, пусть с ним уходят (хотя мне мало заботы, уйдут или нет они) Гнев, Негодование, Ярость, обычно сопутствующие этому порой сердитому животному. Не видите ли вы там, как убегает Гнев, рожденный Несправедливостью и Обидой? Смотрите, он уходит скорбный и мстительный, ибо ему кажется непристойным, что Презрение смотрит на него и треплет его по щеке. Как у него горят очи пламенем возмущения против Юпитера, Марса, Мома и всех!

Как ему на ухо нашептывает Надежда мести, то утешая, то сдерживая, обещая ему благорасположение Возможности, которая грозит Обиде, Оскорблению, Муке, ее же провокаторам. Вон там Натиск, его брат, дающий Гневу силу, нервность и страсть, там сестра Фурия сопровождает его своими тремя дочерьми, т. е. Запальчивостью, Жестокостью и Мучительством. О, как тяжело и трудно обуздать, и подавить ее! О, как не с руки всем прочим богам, кроме тебя Сатурн, умерить и остановить ее. Смотрите: у нее ноздри расширены, лицо гневное, голова крепкая, с кусательными зубами, с ядовитыми губами, едкий язык, руки когтистые, грудь полна отравы, голос пронзительный, и сама кровавого цвета!

Тут Марс вступился за Гнев, заявив, что иногда и даже чаще всего он – необходимейшая добродетель, ибо поощряет Закон, дает силу Истине, Суду; обостряет Ум и открывает путь множеству отборных добродетелей, коих не понять кратким душам. Ему Юпитер:

– Пусть же тогда в той мере, поскольку Гнев – добродетель, присутствует и состоит с теми, кому он оказывает свою услугу. Посему да не является на небо без того, чтобы впереди его не шло Усердие со светильником Разума.

– Ну, а что ж, Отче, сделать с семью дочерьми Атланта? – спросил Мом.

Ему Юпитер:

– Пусть идут со своими семью лампадами и светят во время сего священного ночного и полуночного обручения. Только предупредите их, что надо идти раньше, чем закроется дверь и сверху начнут спускаться холод, град, белый снег, ибо тогда тщетно станут кричать и стучать, чтоб им отперли дверь: ключарь ответит: «Не знаю вас!» Предупредите их, что они будут юродивыми, если захватят с собою мало масла в светильники: если же светильники будут всегда влажными и никогда сухими, то они не дадут блеска, достойного похвалы и славы.

Оставленное же место пусть займут Собеседование, Товарищество, Супружество, Братство, Церковь, Сожительство, Договор, Союз, и там присоединится к ним Дружба, ибо где ее нет, вместо нее появляются Зараза, Замешательство и Непорядок. А если все они не правдивы, то их как бы нет, ибо они никогда поистине не бывают (хотя по имени очень часто) среди преступников; ибо преступники владеют истиной Монополии, Сборища, Секты, Заговора, Бунта, Конспирации или еще чего-нибудь другого по названию и отвратительного, по существу. Не бывают они среди неразумных и среди тех, у кого нет благонамеренности; нет их там, где бесполезно в одно и то же верить и понимать, но там, где стремятся к одному действию в вещах совершенно подобных. Пусть утвердятся они среди добрых, но бывают недолго и непостоянно среди развратных, как и среди тех, о коих мы уже сказали по отношению Закона и Суда, где поистине нет согласия и не стремятся к доблестным делам.

Саулин. Такого рода люди объединяются не для одинакового уразумения, но для одинакового невежества и злостности и для непонимания из-за различных причин. Они соглашаются меж собою не для одинакового благонамеренного действия, но дабы одинаково, ни во что, не ставя добрых дел, считать негодными все героические дела. Но вернемся к себе. Что сделать с двумя подросточками?

София. Купидон попросил их для Султана. Феб хотел определить пажами к какому-либо итальянскому князю, Меркурий – наложниками великого чертога. Сатурну казалось, что они годились бы для согревания какого-нибудь старого и почтенного прелата или даже для него, дряхлого бедняги.

Ему сказала Венера:

– Но кто же, белая борода, поручится им, что ты не укусишь их, не сожрешь их, если твои зубы не пощадил даже собственных сыновей, за которых тебя ославили, как родоубийцу и людоеда.

– Хуже всего, – сказал Меркурий, – останется сомнение, как бы по какой-нибудь упрямой злобе, что иногда нападает на него, он не обрезал своею косою им жизнь.

С другой стороны, раз уже решено оставить их в свите богов, то нет основания, чтобы они были переданы вам, добрый Отче, скорее, чем многим иным, не менее достопочтенным, но у кого еще не ослепли глаза.

Тут-то Юпитер положил резолюцию – не позволять отныне *in posterum* при дворе держать пажей или других служителей, которые были бы малоосмысленны, нескромны и безбороды. А относительно этих кинуть жребий и узнать, за кем из богов право подарить ими какого-нибудь своего приятеля на земле.

И несмотря на то, что некоторые боги настаивали, дабы сам Юпитер распорядился их участью, Юпитер заявил, что не хочет из-за таких щекотливых вещей навлекать на себя в душах богов подозрение в своем лицепрятии, будто бы он расположен больше к одной, чем к другой части спорящих.

Саулин. Хороший порядок во избежание ссор, которые могли возгореться из-за них.

София. Венера предложила в заместители Любовь, Дружбу, Мир с их свидетелями: Товариществом, Поцелуем, Объятием, Ласкою, Лобзанием и всеми братьями, и слугами, помощниками, приспешниками и предстоящими близнеца Купидона.

– Быть посему! – сказал Юпитер.

– Просьба справедлива, – молвили разом все боги.

Затем, так как надо было решить о Раке (который чувствовал себя на небе от солнечного жара, словно изжаренный на огне очага и приговоренный к адским мучениям), Юнона спросила, как о своем детище, что хочет сделать с ним Сенат. Но большая часть Сената предоставила дело ее собственному усмотрению. Тогда Юнона заявила, что, если Нептун позволит, она погрузила бы его в волны Адриатического моря, где он найдет больше приятелей, чем звезд на небе. Кроме того, будет там по соседству с знаменитейшей Венецианской республикой, которая, как будто она тоже рак, мало-помалу уходит задом от востока к западу¹¹⁴ Бог, который носит великий трезубец, согласился, а Юпитер сказал, что вместо Рака будет хорош тропик Поворота, Исправления, Возвращения, Пересмотра – добродетелей, противоположных дурному Прогрессу, Упорству и Упрямству.

Тотчас после этого Юпитер возбудил вопрос о Льве словами:

– Однако это гордое животное пусть остережется следовать за Раком и устраиваться с ним там по-товарищески, так как, если попадет в Венецию, то найдет там другого, более сильного, чем он: ибо тот лев не только умеет сражаться на суше, но прекрасно ратоборствует на воде и еще лучше в воздухе, так как у него есть крылья, кроме того, он канонизован и личность ученая. Так что не спокойнее ли будет Льву убраться в Ливийские пустыни, где для него найдутся и жены, и друзья?

– А на место Льва, по-моему, следует перенести Великодушие, героическое Благородство, умеющее прощать подданным, сострадать больным, укрощать Наглость, попирать Мерзость, давать отпор Высокомерию и побеждать Гордость.

«– Очень хорошо», – сказали Юпитер и большинство консистории.

Не стану пересказывать, с какой важностью, великолепием и пышностью, с какой многочисленной свитой пошла эта добродетель, ибо сейчас за недостатком времени хочу сказать вам лишь существенное о реформе и распределении мест, имея в виду осведомить обо всем, когда поведу вас осматривать одно за другим каждое место и их двор.

Саулин. Хорошо, дорогая София! Мне очень по сердцу твое любезное обещание. Затем я весьма доволен, что вы с возможной угодной вам краткостью перескажете мне об изгнании зверей с других мест и о переменах.

114. «уходит задом от востока к западу...» – Спампанато пишет: «В войне 1537 г. против турок Венецианская республика допустила опустошение островов архипелага; по миру, заключенному через три года, она отказалась... от Патмоса, Стампалии, Ниоса, Антипароса, Пароса, Эгины и дозволила, чтобы Порте платили дань беи о. Лемноса, Митилены, Негропонта, Андроса, Родоса, Санторини, Милоса, Морей, Лепанта и Сан-Мауры. Лига, собранная папой Пием V, несмотря на победу, вследствие раздоров между союзниками привела только к новым потерям: были уступлены Кипр, Антивари, и заплачена контрибуция в 100 тысяч дукатов».

София. Итак, что будет с Девой? – спросила непорочная Люцина, охотница Диана.

– Спросите ее, – возразил Юпитер, – не хочет ли сделаться приоршей или игуменьей в какой-нибудь общине или монастыре или надсмотрщицей за придворными дамами, чтобы тех не захватывала жадность сорвать плод раньше времени или сделаться подругами своих господ.

– Ох! – сказала Диктинна, – не могу! – И добавила, что никак не хочет возвращать Деву туда, откуда ее уж не раз изгоняли и откуда столько раз убегала.

Прародитель прибавил:

– Пусть тогда крепко держится на небе, остерегается падения и зорко смотрит, чтобы не запятнать себя здесь.

Мом сказал:

– Мне кажется, что она может пребыть чистой и непорочной, если будет по-прежнему держаться подальше от богов и героев, а будет водиться, как было доселе, со зверьем, ибо у нее с западной стороны – лютейший Лев, а с восточной – ядовитейший Скорпион. Но, право, не знаю, каково-то ей будет теперь, когда к ней присоединятся Великодушие, Любвеобилие, Благородство и Мужество, которые, пожалуй, взберутся ей на спину и, заставив ее, вследствие домашнего соприкосновения, обзавестись великодушным, любовным, благородным и мужественным, сделают из нее – женщины – мужчину, из лесного и горного божества, божества сатиров, силенов и фавнов, обратят ее в изящное, человеческое, любезное и гостеприимное божество.

– Будь что будет, – ответил Юпитер, – и между прочим пусть вместе с нею устроятся Девственность, Стыд, Воздержание, Чистота, Скромность, Правда и Честь – противницы продажного Сластолюбия, распутной Невоздержанности, Бесстыдства, Разложения, ради коих Девственность я считаю добродетелью, ибо сама по себе она ничего не стоит. Ибо сама в себе Девственность ни добродетель, ни порок: нет в ней ни доброты, ни достоинства, ни заслуги; и если она не служит требовательной натуре, то становится преступлением, бессилием, дуростью и явной глупостью; если же повинуется какой-нибудь властной причине, то зовется Воздержанием и имеет в себе суть добродетели, поскольку в ней проявляется громадная сила и презрение к наслаждениям, что вовсе не пустая и не бесплодная вещь, но содействует человеческому общежитию и честному удовлетворению ближнего.

– А что сделаем с Весами? – сказал Меркурий.

– Они везде кстати, – возразил Первоприсутствующий, – пусть идут в семьи: с ними отцы будут видеть, к чему более склонны их дети – к науке или к военной службе, к земледелию или религии, к безбрачию или семейственности, ибо не добро заставлять ослов летать, а свиней пахать. Пусть ходят по академиям и университетам и посмотрят там на тех, которые преподают: подходящи ли они по своему весу, не слишком ли легки или не перегружены ли; и не нуждаются ли сами в слушании и изучении те, что берутся поучать других с кафедры и в книгах, – пусть Весы взвешают их ум и посмотрят, подымается ли он пухом или падает свинцом; и есть ли в нем что стадное или пастырское; и годится ли он пасти свиней или ослов, или же тварей, одаренных разумом?

Пусть идут в здание Весталок и объяснят там и сим, и оным, какого рода и величины должен быть противовес, дабы укротить закон естества другим законом сверхъестественным или противоестественным, согласно разуму или без всякого разума и долга. Во дворцы, чтобы должности, почести, места, милости и преимущества сыпались друг за другом соответственно тому, как весят заслуги и достоинства каждого, ибо да не заслуживают быть учредителями порядка и да не становятся во главе порядка к вящей несправедливости Фортуны те, кои сами не умеют править порядком.

По республикам, дабы бремя управления уравнивалось недостатками и способностями подданных, чтобы должности не распределялись сообразно степеням родства, благородству, титулам и богатству, но сообразно добродетелям, оплодотворенным подвигами: дабы, начальствовали справедливые, собирали подати состоятельные, преподавали ученые, руководили благоразумные, сражались сильные, советовали рассудительные, командовали те, кто имеет влияние. Пусть же пойдут Весы во все государства, чтобы в мирных договорах, союзах и лигах не грешили и не уклонялись от справедливого, честного и от общей пользы, внимательно соразмеряя меру и тяжесть собственной верности и верности тех, с кем договариваешься; и чтобы в военных делах и предприятиях прикидывали, насколько уравниваются собственные силы силами неприятеля; что есть налицо и необходимо сейчас с тем, что может понадобится в будущем; легкость замысла с трудностью выполнения; удобство войти с неудобством выйти; непостоянство друзей с постоянством врагов; наслаждение оскорбить с думою о защите; удобство поколебать чужое положение с неудобством сохранить свое положение; определенный расход и расточение своего с неопределенным приобретением и получением чужого. Пусть отправятся ко всем частным людям, дабы каждый взвешивал то, что он хочет, с тем, что умеет; то, что хочет и умеет, с тем, что может; то, что хочет, умеет и может, с тем, что должен; то, что он хочет, умеет, может и должен, с тем, что есть, что он делает, имеет и чего ждет.

– Итак, что же поставим там, где были Весы, что будет на месте Либра? – спросила Паллада. Многие ответили: Равенство, Точность, Воздаяние, разумное Распределение, Милость, Благодарность, добрая Совесть, Самосознание, Уважение к старшим, Ровность духа с равными, Снисходительность к низшим, Справедливость без строгости ко всем, каковые добродетели тушат Неблагодарность, Необузданность, Дерзость, Наглость, Грубость, малое Уважение, Неправду, Обиду и прочих, родственных им.

– Хорошо! Хорошо! – сказали боги всей консистории.

После этих криков поднялся прекраснокудрый Аполлон и сказал:

– Вот пришел час, боги, когда нужно удалить этого адского червя, что был главной причиной ужасной случайности и жестокой смерти моего милого Фазтона, ибо когда он, бедняжка, робко и неуверенно с малоизвестными ему конями правил колесницею моего вечного огня, а это погибельное чудовище погрозило ему кончиком своего смертоносного хвоста, что заставило его вне себя от ужасного испуга выпустить из нежных рук вожжи на спину лошадей: откуда пресловутая разруха неба, еще теперь ясно различимая на Пути, называемом Млечным; откуда знаменитый ущерб миру, который во многих и многих местах кажется испепеленным; отсюда же и столь в самом деле позорный срам, упавший на мою божественность. И стыдно даже, что столько времени подобное свинство занимает на небе пространство двух знаков.

«– Это уж твоя забота, Диана», – сказал Юпитер, – сделать что-нибудь со своим животным, которое вживе – скверно, а мертвое никуда не годится.

– Позвольте мне, с вашего разрешения, – сказала божественная дева, – возвратить его на гору Келиппио на Скио, где Скорпион родился по моему приказу назло надменному Ориону: пусть там вновь разрешится в ту материю, из которой был создан. Пусть вместе с ним отправятся Обман, Надувательство, Подделка, опасное Притворство, Хитрость, Лицемерие, Ложь, Клятвопреступление, Предательство. Наследуют же ему противоположные добродетели: Искренность, Исполнение обещаний, Соблюдение верности с их сестрами, сродниками и служанками.

«– Делай с ним, что хочешь», – сказал Мом, – ибо никто не будет оспаривать его у тебя, как оспаривали у старика Сатурна двух мальчиков.

– Ну, рассмотрим же скорей, что нужно сделать с сыном Евфимии, который уже столько тысячелетий, как бы из боязни отпустить от себя за неимением другой, держит эту вдовую стрелу вложенной в лук, целясь туда, где перегнулся на спину хвост Скорпиона.

И конечно, если бы, считая его умелым в прицеле, в том, чтобы взять цель, как говорится, что уже есть половина стрелкового искусства, я в то же время считал бы его сведущим в стрельбе, в том, чтобы попадать в точку, что есть другая часть упражнения, то я посоветовал

бы ему отправиться понабратся немного славы на Британский остров, где имеют обыкновение эти господа, одни в курточках, другие в долгополых кафтанах, справлять праздник короля Артура.

Опасаюсь только, как бы он не нанес обиды ремеслу вследствие нехватки самого главного для того, чтобы уметить в самую цель. Поэтому распоряжайтесь вы сами с ним, как хотите, ибо, говоря по совести, всего больше годится быть птичьим пугалом для охраны – простите за слово – дыни и гороха.

«– Он может идти», – сказал Патриарх, – куда хочет, и пусть кто-нибудь из вас пристроит его по-своему. А на его месте да будет символическое Умозрение, Созерцание, Занятие, Внимание, Влечение, Порыв к лучшей цели со своими предстоящими и товарищами.

Тут выступил Мом:

– Что, по-твоему, Отче, надо сделать с этим святым, беспорочным и достопочтенным Козерогом? С этим твоим божественным и дивным молочным братом, с этим нашим храбрым и более чем героическим дружинником против опасного, внезапного и дерзкого нападения гигантов? С этим великим советчиком на войне, нашедшим способ умертвить того самого врага, что из пещер Тавра появился в Египте, как самый страшный противник богов? Кто (ибо открыто мы не осмеливались напасть) дал нам наставление оборотиться в зверей, дабы искусством и хитростью восполнить недостатки нашей природы и сил и тем самым достигнуть славного торжества над противниками. Но, о горе! Заслуга эта не без вреда; ибо и это добро не без худа, может, потому, что так предписала и определила судьба – не бывать сладости без примеси чего-нибудь горького и скуки – или уж не знаю, по какой иной причине.

«– Какое же зло», – сказал Юпитер, – он принес нам, о коем можно сказать, что оно связано с этим благом? Какое бесчестие могло сопровождать такой триумф?

Мом ответил:

Ведь он тем самым заставил египтян почитать живые образы зверей, и те стали нас почитать в образах зверей, так что, скажу тебе, мы стали предметом насмешек.

– Но как же, Мом, – возразил Юпитер, – ты можешь принять это за зло, ведь для тебя не тайна, что животные и растения суть живые произведения природы, а сама природа (как ты должен знать) есть не что иное, как Бог в вещах.

Саулин. Стало быть, *natura est deus in rebus*.

София. Поэтому, – продолжал Юпитер, – различные живые вещи представляют собою различные божества и различные свойства, так как, кроме независимого бытия, которое имеют сами по себе, приобретают еще бытие, сообщаемое всем предметам, сообразно способностям и мере каждого. Так что, Бог весь (не всецело, но всюду более или менее проявляя себя) находится во всех вещах. Поэтому Марс, например, не только в ящерице и скорпионе, но и в луковице и чесноке присутствует действенное, чем в какой-либо неодушевленной картине или статуе. Так же точно ты мысли о Солнце в шафране, нарциссе, гелиотропе, в петухе, во льве; так же ты должен думать о каждом из богов для различных родов сущего, ибо, поскольку божественность снисходит в некоем роде, сообщаясь природе, постольку через жизнь, которая просвечивает в явлениях природы, они возвышаются к жизни, которая главенствует над природой.

– Ты правду говоришь, – возразил Мом, – ибо в самом деле я вижу, каким путем эти мудрецы могли делать для себя близкими, милостивыми и кроткими богов, которые голосами, исходящими из статуй, давали им советы, учение, откровения и сверхчеловеческие установления.

Ведь египтяне своими молитвами и божественными обрядами возвышались до божества по той же самой лестнице природы, по которой само божество спускалось вниз ради сообщения себя самого ничтожнейшим вещам. И всего горестнее для меня, что я вижу, как некоторые бессмысленные и глупые идолопоклонники подражают великолепию египетского культа не лучше, чем тень славе тела; как ищут божества, не имея о нем никакого представления, в останках мертвых и бездыханных предметов; как тем самым глумятся не только над оными божественными и прозорливыми поклонниками, но также и над нами, как такими, кого принимают за зверей. И что еще хуже – торжествуют, видя свои безумные обряды в таком почете, тогда как другие обряды исчезли и уничтожены.

«– Пусть это не огорчает тебя», – сказала Изида, – ибо судьба предрекла чередование тьмы и света.

– Но ведь плохо то, – возразил Мом, – что-они-то уверены, будто живут в свете.

Тут Изида вставила, что тьма не была бы для них тьмой, если бы они ее сознали. Египтяне же, чтобы добиться известных благодетей и даров от богов, согласно глубокой магии, прибегали к посредничеству определенных вещей природы, в коих до известной степени была скрыта божественность и через которые она могла и хотела проявляться и сообщать себя. Вот почему египетское богослужение не было пустым вымыслом, но живым голосом, доходившим до самых ушей богов: ибо все равно как мы, боги, желаем, чтобы люди слушали и понимали нас не в звуках тех наречий, какие они, люди, измыслили, но в звуках явлений природы, так и египтяне хотели достичь того, чтобы мы их понимали, посредством обрядовых действий над вещами природы: ведь в противном случае мы были бы так же глухи к их мольбам, как какой-нибудь татарин к греческой речи, которой он никогда не слышал. Эти мудрецы знали, что Бог находится в вещах, и что божественность, скрытая в природе, проявляясь и сверкая по-разному в разных предметах и посредством различных физических форм, приобщает их всех к себе в известном порядке, приобщает, говоря, к своему бытию, разуму, жизни. Потому-то, конечно, сообразно с тем, какого рода и сколько даров желали для себя, египтяне различным образом подготавливались к принятию их. Значит, когда желали победы, то приносили жертву великодушному Юпитеру в образе орла, так как в орле скрытно пребывает его божественное свойство; для осмотрительности в действиях делали возлияние мудрому Юпитеру в змее, против предательства грозному Юпитеру – в крокодиле; точно так же и для прочих бесчисленных целей приносили жертвы другим бесчисленным видам животных – и все то делалось не без магических и действеннейших оснований.

Саулин. Как, это говорите вы, София? Да разве имя Юпитера произносилось в египетских культах, и не явился ли он много лет спустя у греков?

София. Не обращай внимания на греческое имя, Саулин, ибо я говорю, применяясь к общепринятым привычкам, и затем, имена (также и у греков) были после приложены к богам: ведь все же очень хорошо знают, что Юпитер был один из царей Крита, смертный человек, чье тело, как и всех прочих, сгнило и испепелилось. Равным образом не тайна, что Венера была смертная женщина – очаровательнейшая, необычайно красивая, изящная и щедрая царица на острове Кипре. Точно так же мысли и о всех богах, которые познаны людьми.

Саулин. Как же обожествили их и начали им молиться?

София. Скажу тебе. Не Юпитера боготворили, как будто бы он был божество, наоборот, боготворили божество, за то, что оно якобы было в Юпитере; ибо, встречая человека, который выделялся величием,

справедливостью, великодушием, признавали, что в нем есть великий, справедливый и милостивый бог; а затем постепенно просто-напросто привыкали называть такого бога, или же такое божество, Юпитером, поскольку оно проявилось в таком именно образе; все равно как именем Меркурия, мудрейшего египтянина, назывались божественная мудрость, истолкование и откровение.

Так что, в том или ином человеке прославлялось не что иное, как только имя и обнаружение божества, которое с рождением этих людей явилось и сообщилось людям, а с их смертью, само собой разумеется, исполнив свое дело, возвратилось на небеса.

Таким образом, вечные божества (что не противоречит нисколько истине божественного существа) имеют временные имена, которые меняются вместе с временами и народами: как вы можете убедиться из известной истории, когда Павел Тарсийский был назван Меркурием, а Варнава Галилейский – Юпитером не потому, что они были приняты за этих богов, но потому, что та божественная добродетель, которая проявилась когда-то в Меркурии и Юпитере, сызнова обнаружилась у них обоих: красноречием и убежденностью одного и полезными деяниями другого.

Вот, значит, никогда не обоготворялись сами по себе крокодилы, петухи, лук и репа, но боги и божество в крокодилах, петухах и прочем; божество, которое с течением времени, от места к месту, постепенно, то тут, то там, проявлялось, проявляется и будет проявляться в различных предметах, хотя бы они и были смертны: египтяне смотрели на божество, как на близкое и дружественное им, а не как на высшее, заключенное в себе самом, не пребывающее в сотворенных вещах. Смотри же, как простое божество, которое находится во всех вещах, плодоносная природа, мать – хранительница вселенной сообразно различным своим проявлениям отображается в различных предметах и принимает различные имена. Смотри, как к ней, единой, различным образом должно восходить, приобщаясь к различным дарам: иначе напрасно будешь черпать воду сетями и ловить рыбу лопатой.

Затем в двух телах, самых главных из тех, что находятся вблизи от этого шара и нашего материнского божества, т. е. в Солнце и Луне, египтяне разумели жизнь, которая образует вещи согласно двум самым основным началам. Далее они признавали влияние семи других действующих начал, распределяя их на семь светил, которых они называли бродячими – планетами. На долю этих планет, из коих каждая была особым началом и плодотворной причиной, они относили все разнообразие видов в каком угодно роде, говоря о растениях, о животных, о камнях, о влияниях и иных прочих вещах – вот это от Сатурна, это от Юпитера, это от Марса, это от того, это от другого. Точно так же – о частях, о членах, о цветах, печатях, характерах, символах, изображениях, которые все были распределены на семь видов. Но отсюда далеко, чтобы египтяне не признавали божества единым, которое пребывает во всех вещах и соответственно различным способам своего обнаружения в вещах имеет бесчисленные имена; которое можно достигнуть несчетными путями, из коих каждый опирается на собственные и свойственные ему основания; которому можно служить и почитать его бесчисленными обрядами, ибо мы взыскуем от него всевозможного рода милостей.

Для всего этого, конечно, необходимы та мудрость и суждение, то искусство, деятельность и пользование духовным светом, каковые духовное солнце открывает миру в иные времена больше, в иные – меньше. Вот этот обряд и называется Магией: и поскольку занимается сверхъестественными началами, она – божественна, а поскольку – наблюдением природы, доискиваясь ее тайн, она – естественна, срединной и математической называется, поскольку исследует силы и способности души, что все находится в кругозоре телесного и духовного: духовного и умственного.

Итак, возвращаясь к прерванному рассказу, Изида сказала Мому, что у глупых и бессмысленных идолопоклонников нет никакого основания насмехаться над магическим и божественным культом египтян. Египтяне во всякой вещи и во всяком явлении, согласно с особым смыслом каждого, созерцали божество и умели посредством разного рода вещей, пребывающих в лоне природы, получать от нее те благодеяния, каких им хотелось: природа же, подобно тому, как из морей и рек дарит рыбу, из пустынь – диких животных, из рудников – металлы, с деревьев – плоды, так от известных частей, от известных животных, от известных зверей, от известных растений – известное счастье, добродетели, судьбы и внушения.

Поэтому божество в море называлось Нептуном, в солнце – Аполлоном, в земле – Церерой, в пустыне – Дианой; и так – разнообразными именами в каждом из прочих видов, каковые, как различные идеи, были различными божествами в природе, все одинаково относясь к божеству божеств и источнику идей сверхъестественных.

Саулин. Отсюда, по-моему, исходит знаменитая Каббала евреев, чья мудрость (какова бы она ни была в своем роде) заимствована у египтян, у которых учился Моисей. Ведь она прежде всего приписывает первому началу несказанное имя, от него вторично происходят четверо, которые затем разрешаются в двенадцать; те в свою очередь переходят прямо в семьдесят два, а непрямым путем и прямым в сто сорок четыре, – и так далее через учетверение и удвенадцатирение разворачивается в бесчисленность, сообразно бесчисленности видов. Таким образом, всяким именем (как это свойственно их языку) евреи называют какого-нибудь бога, ангела, духовную сущность, силу, которая главенствует над одним каким-либо видом. Так что в конце концов обнаруживается, что все божество приводится к одному источнику, все равно как весь свет к первому и по себе самому светлomu, а все изображения, какие есть в различных несчетных зеркалах, как бы во множестве отдельных предметов, сводятся к одному началу – формальному и идеальному, их источнику.

София. Это правда. Так что, значит, этому богу, как независимому, нечего делать с ними; но поскольку он воплощается в явлениях природы, он ближе к ним, чем сама природа, так что если он не есть сама природа, то, конечно, есть природа природы и душа мировой души, если не душа сама, поэтому те, кто хочет наверняка получить от бога помощь, должны приближаться к нему соответственно своей потребности установленным путем; все равно как тот, кто хочет хлеба, идет к пекарю; кто желает вина – к виноторговцу; кому нужны фрукты – к садовнику; кому учение – к учителю, и так далее во всем прочем. Ведь одна доброта, одно счастье, одно независимое начало всех богатств и благ, соответственно различным основаниям, разливают свои дары по потребностям каждого.

Отсюда ты можешь вывести заключение о том, как именно египетская мудрость, теперь погибшая, обоготворяла крокодилов, ящериц, змей, лук и не только землю, но Луну, Солнце и прочие звезды неба.

Всю эту магическую и божественную обрядность (благодаря которой люди так легко приобщались божеству) оплакивал Трисмегист, когда он в беседе с Асклепием сказал:¹¹⁵ «Видишь ли ты, о Асклепий, сии одушевленные, полные чувства и духа статуи, кои творят множество столь славных деяний? Эти статуи, говорю, предвещательницы будущего, кои низводят, смотря по заслугам, болезнь и здоровье, горе и радость на души и тела людей? Разве ты не знаешь, о Асклепий, что Египет – подобие неба или, лучше сказать, колония всех вещей, что правятся и делаются на небе? Воистину наша земля – храм мира! Но, увы, придет время, когда станут думать, будто Египет тщетно был верным поклонником божества: ибо божество, переселившись на небо, оставит Египет пустынным; и это седалище божества пребудет вдовым, без всякой религии, лишенным присутствия богов, ибо сюда придут на смену племена чуждые и варварские, без религии, без благочестия, без закона, без всякого культа. О, Египет, Египет! Только сказки останутся от твоей религии, сказки также невероятные для грядущих поколений, у коих не будет ничего, что поведало бы им о твоих благочестивых деяниях, кроме писмен, высеченных на камнях. И сии письмена будут рассказывать не богам и не людям; ибо люди умрут, а божество переселится на небо, но – скифам и индийцам или прочим таким же диким народам.

115. «Трисмегист, когда он в беседе с Асклепием сказал: ...» – дальнейшие слова почти буквальный перевод из книги Гермеса Трисмегиста (трижды великого). Это, частью на латинском языке, частью на греческом, дошедшая до нас мистическая теософская книга, излагающая эзотерическую мудрость древних египтян. Она пользовалась большим распространением и уважением уже в первые века христианской церкви. Лактанций говорит о нем: «Гермес – не знаю, каким образом – открыл почти всю истину». В современном своем виде книга разбивается на три части: 1. *Poemandres*; 2. *Asclepius*; 3. *Liber sacer*. Приводимая Бруно цитата находится в диалоге «Асклепий», подлинное заглавие которого *te leioz logoz* – слово посвящения. «*Etudes sur l'origine des livres hermetiques*». Paris. 1887. Menard.

Тьма возобладает над светом, смерть станут считать полезнее жизни, никто не поднимет очей своих к небу, на религиозного человека будут смотреть, как на безумца, неблагочестивого станут считать благоразумным, необузданного – сильным, злейшего – добрым. И – поверишь ли мне? – даже смертную казнь определяют тому, кто будет исповедовать религию разума: ибо явится новая правда, новые законы, не останется ничего святого, ничего религиозного, не раздастся ни одного слова, достойного неба или небожителей. Одни только ангелы погибели пребудут и, смешавшись с людьми, толкнут несчастных на дерзость ко всякому злу, якобы к справедливости, и дадут тем самым предлог для войн, для грабительства, обмана и для всего прочего, противного душе и естественной справедливости: и то будет старость и безверие мира! Но не сомневайся, Асклепий, ибо, после того как исполнится все это, Господь и Отец Бог, управитель мира, всемогущий промыслитель, водным или огненным потоком, болезнями или язвами, или прочими слугами своей милосердной справедливости, несомненно положит конец этому позору и воззовет мир к древнему виду».

Саулин. Однако вернитесь к речи Изиды Мому.

София. Вот по поводу клеветников на египетский культ она прочла Мому стих поэта:

Над хромым прямоногий смеется, А белый – над черным.

Бессмысленные звери и настоящие скоты смеются над нами, богами, за то, что нас боготворят в зверях, и в растениях, и в камнях, и над моими египтянами, которые нас таким образом чтили; но не размышляют над тем, что божество обнаруживается во всех предметах: для всеобщей и возвышеннейшей цели – в предметах великих и общих началах; а для целей ближайших, полезных и необходимых при различных потребностях человеческой жизни находится и проявляется в вещах, которых называют презреннейшими, хотя в силу сказанного каждая вещь таит в себе скрытое божество; ибо божество раскрывается во всем вплоть до самых малейших вещей, и без присутствия божества не было бы никакого бытия, ибо оно есть сущность бытия от первого до последнего.

К сказанному еще прибавлю и спрошу: почему египтян укоряют в том, от чего не избавились еще сами? И переходя к тем, кто бежал от нас или скорее, как прокаженный, был изгнан в пустыню, не они ли, когда пришла нужда, прибегли к египетскому культу и ради некоей потребности стали поклоняться мне в идоле золотого тельца; а при другой нужде смирились, преклонили колена и воздевали руки к Тоту¹¹⁶ в образе медного змея, хотя затем, по своей врожденной благодарности, добившись милости и у того, и у другого, они сломали и того, и другого идола? А затем, когда им понадобилось почтить тех, кто считался у них святым, божественным и блаженным, ведь они иначе не сумели сделать, как назвать и дать им звериные прозвища, как это ясно из того, что отец двенадцати колен¹¹⁷ во свидетельство своего благоволения к детям, прославил их именами двенадцати зверей. Сколько раз называли они своего ветхого бога пробудившимся львом, летящим орлом, пламенным огнем, гремящею бурей, сильною грозой и вновь познанного их потомками – окровавленным пеликаном, одинокой пичугой, закланным агнцем. И так называют, так рисуют, так понимают его повсюду, где бы я его ни видела в скульптуре и живописи с книгою – не знаю, могу ли сказать – в руке, которую никто, кроме него, не может ни открыть, ни читать. Более того, всех тех, кто через веру в него обожествляется, не зовет ли он, и не называют ли они даже сами себя, величаясь этим, его стадо, его паства, его агнцы, его овцы. Не говоря о том, что, как вижу, они же символизируются ослами: ослицей матерью – иудейский народ; а прочие народы, присоединяющиеся к нему и верящие в него, – ослятами.

116. Тот – египетское божество, соответствовавшее Гермесу.

«И сказал Господь Моисею: сделай себе Змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив». (Числа, гл. 21). Бруно делает совершенно справедливую догадку, что медный змей был не что иное, как символ египетского божества Тота, соответствующего Эскулапу или Меркурию.

117. «отец двенадцати колен... прославил их именами двенадцати зверей» – Книга Бытия, гл. 49.

Не видите ли, стало быть, как эти божественные, это избранное племя символизирует себя в столь низких и бедных несчастных зверях, а затем над нами же издевается, кого изображали в прочих – самых сильных, достойных и могучих зверях?

Помимо того, все знаменитые и прекрасные роды, всякий раз, как хотели отличить себя знаками и гербами, обозначали себя символически, как ты знаешь, орлами, соколами, коршунами, кукушками, совами, нетопырями, филинами, медведями, волками, змеями, лошадьми, быками, козлами, а иной раз, считая для себя малодостойным целого зверя, представляли кусочки его – ногу или голову, пару рогов или одну жилу. И не думай, что, если б в их власти было обернуться в этих зверей, они с охотой не сделали бы этого; иначе зачем же рисуют они, по-вашему, на своей монете зверей вместе со своим портретом и изображением? Может, думаете, просто хотят сказать этим: «Кого портрет видишь ты здесь, есть тот самый зверь, что вычеканен с ним рядом»; или же: «Если хочешь узнать, что это за зверь, знай – вот он, чей портрет ты видишь и чье здесь имя написано». Сколько таких, которые, чтобы лучше сойти за зверя, надевают шкуры волков, лисиц, барсуков, диких козлов, после чего им не хватает только хвоста до настоящего зверя? И разве мало таких, которые, чтобы показать, сколько в них птичьего и крылатого, чтобы похвастаться, с какой легкостью могли бы они взлететь к облакам, оперяют себе шляпу и берет?

Саулин. А что скажешь ты о благородных дамах, как о знатных, так и о тех, что хотят быть знатными? Не обращают ли они больше свое внимание на зверей, чем на собственных сыновей? Ведь они только что не говорят: «Сын мой, сотворенный по моему образу, о, если бы вместо того, чтобы походить на человека, ты был бы кроликом, собачкой, куницей, кошкой, обезьянушкой; о, конечно, тогда я, вместо того чтобы сдать тебя на руки рабыни, прислужницы, какой-нибудь подлой кормилицы, мерзкой и грязной пьянчужки, которая, того и гляди, заразит тебя какой-нибудь нечистью и вгонит в могилу, ибо тебе даже приходится спать с нею: я тогда сама бы носила тебя на руках, ухаживала бы за тобой, ласкала, целовала, как я делаю это с другими благородными животными. Ведь тех я укладываю спать непременно в свою постель, не желая, чтобы они жили с кем-нибудь, кроме меня, не позволяя дотрагиваться до них никому, кроме меня, и не отпуская никуда из своей комнаты. А если вздумается жестокой Атропо взять у меня моего любимца, не потерплю ни за что, чтобы его погребли, как тебя, но набальзамирую и надушу его кожу; а по ней, как по некой божественной реликвии, у которой не хватает ломких членов головы и ног, я сделаю позлащенное и осыпанное бриллиантами, перлами и рубинами изображение. И при пышных выходах буду являться вместе с этим изображением, то прицепляя его к шее, то приближая к лицу, ко рту, к носу, то приспособляя его к себе на руку; то, опустив вниз руку, дам ему спуститься к краям одежды, чтобы ни одна часть его не ускользнула от взглядов».

Не ясно ли отсюда, что эти самые доблестные дамы заботливее относятся и больше любят какого-нибудь зверя, чем своего собственного сына, давая тем самым понять, насколько животные благороднее их сыновей, насколько первые заслуживают больше почта, чем последние.

София. Возвращаясь к более серьезным основаниям – те, кто есть или выдает себя за самых великих князей, дабы обнаружить внешними знаками свою власть и божественное превосходство над прочими, возлагают себе на голову корону, но ведь корона не что иное, как изображение множества рогов, со всех сторон коронующих князя, т. е. делающих рогатой его голову¹¹⁸. И чем выше и больше эти рога, тем величественнее впечатление, тем большего величия знаком являются. Так что какого-нибудь герцога берет зависть, если у графа или маркиза корона такой же величины, как и у него. Королю приличествует корона побольше, еще больше – императору, тройная корона – папе, как высшему патриарху, и за себя, и за товарищей. Понтифексы еще всегда носят двурогую митру; венецианский дож появляется в короне с рогом посередине; султан выставляет из-под чалмы высокий и прямой рог круглой и пирамидальной формы.

118. «коронующих князя, т. е. делающих рогатой его голову» – по-итальянски игра слов: *incoronare* – короновать и *incornare* – делать рогатым.

Все это делается во свидетельство своего величия – стремление приспособить на свою голову всеми наилучшими искусственными способами ту прекрасную часть тела, которой природа даром снабдила зверей: хочу сказать, все это делается, чтобы обнаружить свое сходство со зверем. Этого никто раньше, и никто после не сумел яснее выразить, чем вождь и законодатель иудейского народа: тот Моисей, повторяю, который, изучив все науки Египта во дворце фараона, по множеству знамений победил всех сведущих в магии. Чем доказал он свое превосходство, что именно он божественный посланник и представитель власти еврейского бога? Не тем ли, что, спустившись с горы Синай, он явился уже не в прежнем своем виде, но прославленный парюю громадных рогов, которые ветвились у него на челе? И так как несчастный странник – народ не смел взирать открыто на столь величественное зрелище, то Моисею пришлось закрыть лицо свое покрывалом, что он и сделал, дабы не исчезло уважение и не приобрелась привычка к столь божественному и сверхчеловеческому виду.

Саулин. То же самое слышал я о султанах, будто бы он, если аудиенция не с близкими ему людьми, обычно покрывает лицо свое покрывалом. Также я видел, что монахи Генуэзского замка показываются на короткое время и заставляют целовать мохнатый хвост, говоря: «Не троньте, лобызайте: это священные останки того благословенного осляти, который сподобился нести Господа нашего с Елеонской горы в Иерусалим; поклоняйтесь, целуйте, давайте ему милостыню: сторицею воспримете и жизнь вечную наследуете!»

София. Оставим это и перейдем к нашей беседе. По закону и правилам этого избранного народа, только тот становился царем, кому мазали голову елеем из рога; и есть предписание, дабы эта царская жидкость изливалась из священного рога, откуда ясно, каково было значение рогов, если они сохраняли, изливали и питали царское величие.

Итак, если кусок, если останки умершего зверя в таком почете, то что и подумать о самом живом и совершенно целом звере, чьи рога не подставлены, но подарены вечно благою природой. Далее я сошлюсь на Моисеев авторитет, который и в писании, и в законах пользуется не иной какой угрозой, как следующей или подобной ей: «Вот, народ мой, что говорит наш Юпитер. Сокрушу ваш рог, о преступники моих заповедей. О нарушители моих законов, разобью, рассею ваши рога. Мятежники и преступники, я вас совсем окамлаю». Точно так же обычно дает такие или подобные обещания: «Я тебя награжу воистину рогами. Моей верностью, самым собой клянусь тебе, что дам тебе рога, мой избранный народ! Верный мой народ, верь твердо, что не будет худа с твоими рогами и не убавится от них ничего! Святой род, благословенные сыны, возвышу, прослаблю, вознесу рога ваши, ибо должны быть вознесены рога справедливых».

Отсюда ясно, что в рогах заключаются блеск, превосходство и власть, ибо они принадлежат героям, зверям и богам.

Саулин. Откуда же вошло в привычку называть рогатым кого-нибудь, обозначая тем человека без хорошей славы, или такого, кто потерял какой-либо особо чтимый род чести?

София. Откуда происходит, что некоторые невежественные свиньи неоднократно называют тебя философом (каковой титул, если он справедлив, самый почетный из тех, какие может носить человек) и называют так тебя, как будто в обиду или порицание?

Саулин. Из зависти.

София. Почему ты сам иногда называешь глупцов и дураков философами?

Саулин. Иронически.

София. Таким образом, можешь понять, что иной раз из зависти, иной из иронии, мы называем рогатыми как тех людей, которые на самом деле таковы, так и тех, кто достоин всяческого почтения и уважения.

Следовательно, Изида сделала такое заключение о Козероге, что, так как у него есть рога и так как он – зверь и, более того, так как он сделал рогатыми богов и зверей (что содержит в себе великое учение и суждение о природных и магических явлениях, о различных причинах, по которым божественная форма и сущность или погружается, или раскрывается, или сообщается через все, со всеми и от всех предметов), то он есть не только небесный бог, но сверх того ему подобает большее и лучшее место, чем это. А что касается того, в чем упрекают египтян самые постыдные, даже наиболее презренные идолопоклонники Греции и других стран мира, Изида ответила на это тем, что уже было сказано, именно, что если и совершается кое-что недостойное в культе, в некотором роде неизбежное; что если и грешат те, кто, ради множества своих удобств и потребностей, обоготворяя в образе животных, зверей, живых растений, живых звезд и одушевленных каменных и металлических статуй (о коих нельзя сказать, чтобы в них не было самой сути всех вещей, т. е. свойственной им формы), поклонялись божеству единому и простому и независимому в себе самом, многообразному и все образному во всех вещах, то сколь несравнимо хуже тот культ и насколько позорнее грешат те люди, что без всякой пользы и нужды, даже Не руководясь никаким разумным основанием и благоговением, под одеждами и титулами и божественными символами обоготворяют зверей и даже куда хуже, чем зверей.

Египтяне, как знают мудрецы, от внешних природных форм живых зверей и растений восходили и (как доказывает их успех) проникали в божество; а эти от внешнего великолепного облика своих идолов, коим они приспособили: одним – на голову позлащенные аполлоновы лучи, другим – милость Цереры, третьим – чистоту Дианы, иным – орла, иным – скипетр и молнию Юпитера в руку, – унизились впоследствии до того, что стали поклоняться, как истинным богам, тем, у кого едва-едва столько ума, сколько у наших зверей. Ибо в конце концов их обожание дошло до людей смертных, ничтожных, бесчестных, глупых, порочных, фанатичных, бесславных, несчастных, одержимых злыми духами, которые, и будучи живыми, ничего сами по себе не стоили, да едва ли и мертвыми стали ценны сами по себе или через другое что. И хотя через них достоинство человеческого рода настолько загрязнилось и занавозилось, что, вместо знаний погружившись в более чем зверское невежество, стало обходиться без настоящего гражданского правосудия – все это совершилось вовсе не по их благоразумию, но потому, что судьба дает свое время и черед тьме.

И после этих слов Изида, обратившись к Юпитеру, добавила:

– И мне горько за вас, Отче: вы лишили неба множество зверей только за то, что они – звери, меж тем я доказала, как велико их достоинство.

Ей возразил Сверхуразящий:

– Ты заблуждаешься, дочь моя, будто за то, что они – звери. Если бы иные боги презрели и не снизошли, чтобы стать зверями, не произошло бы множества великих метаморфоз. Посему, так как звери не могут и не должны оставаться здесь в ипостасном существе, я желаю, чтобы они пребывали здесь своим образом, который да будет символом, знаком и аллегорией добродетелей, устанавливаемых на этих местах. И как бы ярко некоторые звери ни выражали собой какой-нибудь порок, являясь мщением человеческому роду, все же тем самым они не лишены божественных добродетелей, являясь в других отношениях чрезвычайно благотворными для того же человеческого рода и других, ибо нет ничего злого – абсолютно – самого по себе, но только в известном отношении, как, например, Медведь, Скорпион и прочие: пусть все это не противоречит нашей задаче, но подтверждает ее, как ты можешь это увидеть и увидишь.

Поэтому я не забочусь, чтобы Истина была под образом и именем Медведицы, Великодушие – под образом Орла, Человеколюбие – Дельфина, и так далее. А переходя к вопросу о твоём Козероге, ведь ты знаешь сама, что я сказал вначале, когда перечислял тех, которые должны оставить небо, и, думаю, помнишь – Козерог был один из оставленных.

Пусть же наследует свое место как в силу приведенных тобой оснований, так и многих других не меньших, какие можно было бы привести. Вместе с ним по достойным причинам да пребывает Свобода духа, которая иногда управляет Монашеством (не говорю о монашестве конюхов), Пустынничеством, Уединением, кои обычно производят эту божественную печать, т. е. доброе Укрощение.

После этого Фетида спросила Юпитера, что он хотел бы сделать с Водолеем.

– Пусть идет, – ответил Юпитер, – к людям и разрешит им пресловутый вопрос о потопе, выяснив, каким образом он был всеобщим, ибо открылись все хляби небесные. Пусть разубедит их не верить более, будто он был всеобщим, ибо невозможно воде моря и рек покрыть оба полушария или даже одно по ту и по сю сторону тропиков и экватора. Пусть затем объяснит, каким образом возрождение человеческого рода пошло именно с нашего Олимпа в Греции, а не с гор Армении, не с Монжибелы в Сицилии или еще откуда-нибудь. И далее, что людские роды, находящиеся на разных континентах, очутились там не так, как множество прочих животных родов, вышедших из материнского лона природы, но благодаря переселениям и мореплавательному искусству, ибо – простите на слове! – они переехали туда на тех кораблях, которые были сделаны раньше, чем явился первый. Ибо (оставляя в стороне всяческие проклятые доказательства, как-то греческие, друидовы и меркуриевы таблицы, которые считают более двадцати тысяч лет, не говорю лет лунных, как подразумевают некие сухие толкователи, но круглых, подобных кольцу, считающихся с одной зимы до другой, с весны до весны, с осени до осени, с одного времени года до другого) недавно открыта новая часть Земли, названная Новым Светом, где имеются летописи за десять тысяч лет и более. И эти года, повторяю, полные и круглые, ибо их четыре месяца суть четыре времени года и, если года разделены на меньшее число месяцев, месяцы эти соответственно больше. Однако Козерог во избежание неудобств, которые вы сами можете понять, пусть идет и ловко поддерживает известное верование, ухитряясь как-нибудь согласовать эти года. А то, что нельзя истолковать и извинить, пусть смело отвергает, заявляя, что следует более верить богам (тайные письма и буллы коих он несет с собой), чем людям, так как люди все – лжецы.

Тут прибавил Мом:

– А, по-моему, лучше оправдать все это таким образом, заявив – с позволения сказать! – будто «эти из новой земли» вовсе не составляют часть человеческого рода, ибо они не люди, хотя и очень похожи на них своими членами, фигурой и мозгом, и во многих обстоятельствах выказывают себя мудрее и не так невежественны в своих взглядах на богов.

Меркурий возразил, что это будет слишком грубо: не переварить! По-моему, что касается исторической памяти, то при некоторой предусмотрительности легко сделать теперешние года больше, а те – меньше; но следовало бы найти какое-нибудь изысканное основание в виде какого-нибудь там вихря или переправы при помощи какого-нибудь там кита, который, поглотив людей одной страны, изрыгнул их живыми где-нибудь в других частях света и на другие материки. Иначе нам, греческим богам, станет немножечко конфузно, ибо станут говорить, будто ты, Юпитер, посредством Девкалиона возродил не всех людей, но только людей известной части света.

«– Обо всем этом – как это все устроить, поговорим на досуге», – сказал Юпитер. – Сдадим и это на комиссию Козерогу! Пусть разрешит этот спор, был ли тот отцом греков, или евреев, или египтян, или иных и назывался ли он Девкалионом, или Ноем, или Озирисом. Пусть же окончательно определит, он ли был тем патриархом Ноем, который, опьянев от любви к вину, показал своим сыновьям органическое начало их рождения, чтобы разъяснить им мало-помалу, в чем состоит возрождающее начало человеческого рода, поглощенного и потопленного водами великого катаклизма, в то время как два человека – мужчины, – отходя прочь, бросали покровы на раскрытое отцовское лоно.

Или же он и есть тот фессалиец Девкалион, кому вместе с его супругой Пиррой был показан в камнях принцип человеческого восстановления, после чего те двое людей – мужчина и женщина, – идя задом, бросали через себя камни на раскрытое лоно Матери-Земли¹¹⁹. И пусть научит, какой из этих двух способов объяснения (ибо не может быть, чтобы и тот и другой были – история) басня и который – история; а если оба они – басня, то какой из них – мать и какой – дочь; и пусть посмотрит, нельзя ли свести их к метафоре какой-либо истины, которая достойна того, дабы ее скрывали.

Однако пусть не внушает, будто достоинство халдейской магии исходит и вытекает из иудейской Каббалы, ибо на евреев смотрели, как на египетские отбросы, и никто никогда не мог выдумать с каким-либо вероятием, что египтяне заимствовали какой-либо значительный или незначительный принцип от иудеев.

Ведь и мы, греки, признаем за родоначальником наших мифов, метафор и учения великую монархию наук и благородства – Египет, а никак не это племя, никогда не владевшее ни одной пядью земли, которая была бы его собственностью по естественному или гражданскому праву; откуда с достаточным основанием можно заключить, что ни сейчас, ни прежде, по естеству и вследствие долгого насилия Фортуны, они не были частью мира.

Саулин. Все это, о София, вырвалось из уст Юпитера от зависти; ибо, стало быть, достойно звать и звали их святыми: они скорее небесный и божественный народ, чем земной и человеческий. А так как у них нет достойной части в этом мире, то ангелы признали их наследниками другого мира, который тем достойнее, что нет такого человека, ни великого, ни малого, ни мудрого, ни глупого, который бы в силу избрания или судьбы не смог бы достичь его и самым верным образом не считал бы его своим.

София. Не станем отклоняться, о Саулин.

Саулин. Ну, говорите, чем пожелал заместить Юпитер — это место?

София. Умеренностью, Гражданственностью, Цивилизацией, погнав вниз Неумеренность, Излишество, Грубость, Дикость, Варварство.

119. «Идя задом, бросали через себя камни на раскрытое лоно Матери-Земли» – у Овидия в первой книге Превращений пережившие потоп супруги, Девкалион, сын Прометея, и Пирра, дочь Епиметея, обращаются к Фемиде:

– «Скажи нам, Фемида, чем гибель мы нашего рода
Можем исправить,

и мир потонувший спаси милосердно».

Тронута этим, богиня рекла: «Ступайте из храма
И закройте вы головы, пояс одежд развяжите,
И за спины бросайте великой матери кости».
Пирра сперва богини приказ исполнять отказалась.
Кроткою сын Прометея тут дочери Епиметея
«Речью: «Или», – сказал, – изменяет мне прозорливость,
Или оракул священн и не дает нечестивых советов.
Нам Земля ведь Великая мать, полагаю, что камни
Значат тут кости земли: кидать их за спины велят нам».
Хоть и склонили отчасти Титанию доводы мужа,
Но в сомненье еще надежда; не верят и оба
Подлинной воле небес. Но чем повредит испытанье?
Разошлись и, головы скрыв, распоясали платья,
И за собою вослед, как сказано, камни бросают.
Камни – кто бы поверил,

когда б не свидетельство древних?

– Начали твердость свою покидать и свою загрубелость
И, понемногу смягчаясь, формы затем восприняли.

В скором времени по изволенью всевышних все камни,
Кинуты мужа рукой, мужские восприняли лики,
И от бросания женского женщина снова явилась.
Вот почему мы столь твердый род и в бедах терпеливый,
И доказательство в нас, из какого исходим начала.

(Овидий. Превращение. Кн. I. Пер. Фета).

Саулин. Почему это Умеренность заняла одинаковое место с Гражданственностью?

София. Да так, как мать может сожительствовать с дочерью; ибо из-за Неумеренности в чувствах и духовных страстях расползаются, расшатываются, гибнут и пропадают семейства, республики, гражданские общества и мир. Умеренность же преобразовывает все, как я объясню тебе, когда мы пойдем обозреть эти жилища.

Саулин. Идет.

София. Итак, чтобы перевести речь к Рыбам, встала прекрасная мать Купидона и сказала:

– Я рекомендую вам от всего сердца (за вашу любовь и добро ко мне) моих восприемников, которые выкинули на берег Евфрата большое яйцо, высиженное голубкой и привлечшее мое сострадание.

«– Стало быть, вернем их туда, где были», – сказал Юпитер. – Они немало пробыли тут: будет с них! Только необходимо подтвердить их привилегию: сирийцам не есть их под страхом исключения из общины. Да берегитесь еще какого-нибудь нового кондотьера Меркурия, а то, отняв у них внутренние яйца, снова измыслит какую-нибудь метафору нового милосердия, чтобы вылечить глаза какому-нибудь слепцу¹²⁰. Ибо я вовсе не желаю, чтобы Купидон открыл свои очи: он и слепой стреляет так метко и попадает во всякого, а что, по-вашему, станет, если у него будут зоркие глаза? Отправляйтесь же и зарубите себе на носу, что я сказал! Смотрите, как сами собой Молчание и Безмолвие идут на свое место в таком виде, как изображается Пиксида в Греции и Египте – с указательным пальцем, приложенным к губам. Пропустите же их, ничего не говоря и не спрашивая. Вон с противоположной стороны падают Сплетня, Болтовня, Словоохотливость с прочими слугами, прислужницами и приспешниками.

Мом прибавил:

– Выкинь заодно отсюда к черту эти волосы Вероники: пусть возьмет их себе какой-нибудь грек и продаст их на земле какой-нибудь плешивой принцессе.

– Хорошо! – сказал Юпитер...

Таким образом, как видите, было очищено все пространство Зодиака, где 346 различных звезд: 5 – очень больших, 9 – больших, 64 – так себе, 133 – малых, 105 – меньших, 27 – самых меньших, 3 – туманных.

120. «чтобы вылечить глаза какому-нибудь слепцу» – в книге Товита написано:

«И сказал юноша Ангелу: «Брат Азария, к чему эта печень и сердце, и желчь из рыбы?»

Он отвечал: «Если кого мучит демон или злой дух, то сердцем и печенью должно курить пред таким мужчиной или женщиной, и более уже не будет мучиться;

а желчью помазать человека, который имеет бельма на
глазах, и он исцелится».

(Гл. VI).

И далее самое исцеление Товита, в гл. XI.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ТРЕТЬЕГО ДИАЛОГА

«Итак, теперь не угодно ли управиться с третьей частью неба», – сказал Громовержец, – частью, которую называют австралийной или южной, где прежде всего нам попадается на глаза твой громадный зверюга, о Нептун!

– Кит, – сказал Мом, – если не он служил галерою, каретой и гостиницей Ниневийскому пророку, а тот ему и пищей, и лекарством, и рвотным; если это – не трофей Персеева триумфа, не прародитель Яна Оркского¹²¹, наконец, не он – то чудовище, какое повстречалось Кола Катанцаро¹²², когда тот спускался в преисподнюю, то я, хоть и состою одним из великих секретарей Небесной Республики, не знаю, какого черта он тут. Пусть отправляется с разрешения Юпитера в Салоники: авось пригодится там для какой-нибудь хорошей сказки заблудшему племени и народу богини Погибели. А так как появление этого животного над кипящим и бурливым морем возвещает наступление тишины, если не в тот же самый день, так в один из следующих, то мне кажется, ему как раз впору стать прекрасным символом Спокойствия духа.

«– Хорошо бы», – сказал Юпитер, – этой высшей добродетели, называемой Спокойствием души, появиться на небе, если только это она подкрепляет людей против мирской суеты, делает их стойкими против обид Фортуны, держит их вдалеке от начальственных хлопот, хранит от увлечения новшествами, делает мало жестокими для врагов, мало тяжелыми для друзей и совсем недоступными для тщеславия, не смущающимися перед превратностями судьбы, не робкими при встрече со смертью.

После этого Нептун спросил:

– Что сделаете, о боги, с моим любимцем, с моим прекрасным любовником, с этим Орионом, который (как говорят этимологи) с испуга смочил небо.

Тут вмешался Мом:

– Позвольте внести предложение мне, о боги. Попали, как говорится в Неаполе, макароны в сыр! Так как Орион умеет творить чудеса и, как известно Нептуну, умеет ходить по морю, не погружаясь в волны и не замачивая ног; и вместе с тем, конечно, способен и на всякие другие диковинки, то отправим-ка его к людям и устроим так, дабы он внушал им все, что нам вздумается и угодно. Пусть заставит их поверить, будто белое – черно; будто человеческий разум всякий раз, как ему кажется, что он наилучше видит, именно тогда и находится в ослеплении; будто все то, что согласно разуму кажется превосходным, добрым и лучшим, – позорно, преступно и чрезвычайно скверно; что природа – грязная потаскушка, законы естества – мошенничество; что природа и божество не могут стремиться к одной и той же цели, и что правда одной не подчинена правде другого, но взаимно исключают друг друга, как свет и тьма; что божество – мать грекам, а для всех прочих народов вроде злой мачехи; так что иначе нельзя и угодить богам, как эллинизируясь, т. е. становясь греком: ибо самый большой злодей и мерзавец, какой был среди греков, только по тому одному, что он принадлежит к божескому роду, несравненно лучше, чем самый справедливый и великодушный человек, который вышел из Рима во времена республики или из какого-либо другого народа, как бы он ни выдавался своими обычаями, знаниями, силой, суждением, красотой и авторитетом. Ведь все это природные дары. Божество презирует их и предоставляет тем, кто не способен к более великим привилегиям, т. е. к сверхъестественным дарам, коими одаривает божество, как, например: прыгать по водам, заставляя кувыркаться хромых и танцевать раков, кротов видеть без очков и делать прочие прекрасные и нескончаемые диковинки. Пусть заодно убедит людей, что Философия и всякое исследование, всякая магия, которые могут людей уподобить нам, не что иное, как безумие; что всякий героический поступок не что иное, как пошлость, и что невежество – самая лучшая наука мира, ибо дается без труда и не печалит душу.

121. Ян Оркский – легендарная каббалистическая личность Средневековья, вроде доктора Фауста.

122. Кола Катанцаро – знаменитый водолаз и пловец во времена Фридриха II. Гибель Катанцаро в Мессинском водовороте послужила впоследствии Шиллеру темой для его баллады «Кубок».

Может, таким путем он сумеет воззвать к жизни и обновить потерянные нами культ и почитание и, более того, развить этот культ, заставив, чтобы наших мерзавцев считали богами за одно то, что они или греки, или эллинизированы. Но со страхом даю я вам этот совет, боги, ибо какая-то муха жужжит мне на ухо: «В конце концов, заполучив добычу к себе на руки, он, того гляди, присвоит ее себе, заявив и внушив другим, что великий Юпитер не есть Юпитер, но что он, Орион, и есть Юпитер; а что все прочие боги не что иное, как химеры и фантазия». В силу чего считаю неудобным позволять ему *per fas et nefas* – правдой и неправдой, – как говорится, делать столько диковинных чудес, дабы не затмил он нас своею славой.

Тут вступилась мудрая Минерва:

– Не знаю, Мом, в каком смысле ты говоришь эти слова, даешь свои советы и предостережения. Думаю, что твоя речь – ирония, ибо не считаю тебя настолько глупым, чтобы ты мог подумать, будто боги этими жалкими делами как бы попрошайничают себе уважение у людей; а что касается этих обманщиков, будто их ложная слава, основанная прежде всего на невежестве и дикости тех, кто ее чтит и создает, служит им в честь, а не свидетельствует об их недостойности и крайнем позоре. Для божества и главенствующей над всем истины важно, чтобы один был добр и достоин, хотя бы никто из смертных его не познал; но пусть другой ложным путем добьется, что его признают богом все смертные, – это не прибавит ему достоинства, ибо он станет только орудием и знаменем судьбы, так как именно через него обнаружится тем большее нечестие и глупость всех тех, что его чтят, тем более если он сам был пошл, подл и жалок. Если, стало быть, сумеет не только Орион – грек и человек не без заслуг, – но кто-нибудь из самых низких и грязных по натуре и духу, из самого нечестивого и братоубийственного племени мира стать обожаемым, как Юпитер: то, конечно, никогда ни он не прославится в Юпитере, ни Юпитер не обесславится в нем: ведь он будет занимать это место или престол в маске и инкогнито, так что скорее в нем обесчестят и обесславят себя другие. Значит, никогда мошенник не добьется почитания за то, что с помощью злых духов служит обезьяной и шутком для слепых смертных.

«– Ну, так знайте», – сказал Юпитер, – что я решил о нем во избежание всяких возможных в будущем соблазнов. Пусть валится прочь отсюда вниз. Кроме того, отнимаю у него талант устраивать шутки, фокусы, обманы, диковинки и прочие ни на что не годные чудеса. Ибо не хочу, дабы он всем этим расстраивал ту степень красоты и достоинства, какая есть и заключается в вещах необходимых для республики мира. Ведь я знаю, как легко мир дает одурачить себя и тем самым склонить к безумию и подтолкнуть на всяческую грязь и бесчинства. Поэтому-то и не хочу, чтобы наша репутация была в полной зависимости от него или кого-нибудь подобного ему. Ибо если глуп тот царь, который своему начальнику и доблестному вождю дает такую большую власть и влияние, что тот сможет встать выше самого царя (что, возможно, без вреда для царства, ибо царству будет так же хорошо, а, может, и лучше под новым управлением), то насколько был бы глупее и больше заслужил бы такой царь опекуна и наставника, если бы предоставил или вручил такую же точно власть человеку ничтожному, презренному и невежественному, который сумеет все опошлить, одурачить, перепутать и перевернуть вверх дном, невежество поставив на место науки, благородство отдав презрению и подлость увенчав славой!..

– Пусть, – сказала Минерва, – скорее идет прочь, а на его место вступят Трудолюбие, Промышленность, воинское Упражнение и военное Искусство, которыми поддерживаются мир и власть в отечестве, варвары побеждаются, укрощаются и приводятся к гражданской жизни и человеческому общежитию, уничтожаются культы, религии, жертвоприношения и законы бесчеловечные, свинские, грубые и зверские: ибо для всего этого часто недостаточно одной моей мудрости, а иной раз нужно и острое моего копья, так как число пошлых невежд и преступников превышает число благородных, мудрых и поистине добрых и так как все эти злодеяния укоренились, пустили ростки и умножились на свете.

Ей возразил Юпитер:

– Вполне, вполне достаточно, дочь моя, одной мудрости, ибо все это само собой старится, падает, пожирается и переваривается временем, как покоящееся на очень зыбком основании.

«– Но пока что», – сказала Паллада, – нужно сопротивляться и бороться, дабы своим насилием все это не уничтожило нас прежде, чем мы его обновим...

– Перейдем, – сказал Юпитер, – к реке Еридану. Право, не знаю, как с ней быть; ведь она и на земле, и на небе, в то время как все прочие, о ком мы рассуждали, взмостившись на небо, покинули землю. Но Еридан таков, что он и здесь, и там, и внутри, и вовне, и вверху, и внизу; в нем есть и небесное, и земное; он и там – в Италии, и здесь – в южных краях, так что, по-моему, скорее от него взять надо какое-нибудь место, чем еще ему давать.

«– Даже, Отче», – сказал Мом, – мне кажется, следует (так как у реки Еридана имеется свойство быть в одно и то же время во множестве мест и лично и воображаемо) дать ему бытие всюду, где только станут его воображать, называть, звать и грезить о нем: все это можно устроить с небольшими издержками, без всяких процентов и не без вероятности хорошей прибыли. Но пусть будет так, что тот, кто поест его воображаемых, называемых, призываемых и мечтаемых рыб, пусть будет – с позволения сказать – как бы не ел. Равным образом, кто попьет его воды, пусть будет, как бы он не пил. Так же, у кого эта вода будет в мозгу, пусть будет, как тот, у кого мозг пустой и ничем не занятый. Равным образом, кто будет в компании с его нереидами и нимфами, будет так же одинок, как и тот, кто, кроме того, еще вне себя.

– Хорошо! – сказал Юпитер. – В том не будет никакого вреда: из-за него не станут остальные сидеть без пищи, без питья, без того, чтобы у них ничего не оставалось в мозгу, и без товарищей, так как и еда, и питье, и память о нем, и дружба с ним – все это только в воображении, на словах, по обету, в мечтах. Посему да будет так, как предложил Мом, и что, как видится, подтвердили все остальные. Да будет же Еридан на небе, но не иначе, как по доверию и воображением! Все это не помешает на том же самом месте в действительности устроить что-нибудь и другое, о чем мы решим в один из следующих дней. Ибо об этом престоле надо подумать так же, как и о престоле Большой Медведицы.

Теперь позаботимся о Зайце. Хочу, дабы стал он символом страха от Размышления о смерти и, насколько это возможно, противоположных страху Надежды и Доверия, ибо в известной степени и та, и другая суть добродетели или, по крайней мере, матери их, если они рождены Рассудительностью и служат Благоразумию. Но напрасный Страх, Трусость и Отчаяние пусть идут вместе с Зайцем вниз причинять настоящий ад и Орк мучений тупым и невежественным душам. Пусть там невозможно будет скрыться от ложной Тревоги и слепого Ужаса смерти, так как в руках у них будет ключ от всякой самой отдаленной комнаты в виде ложных мыслей, которые рождаются, воспитываются и пестуются Ложной Верой и слепым Легковерием. Но зато (если не с тщетными усилиями) пусть не суются туда, где высится кругом неприступная стена философского созерцания, где жизненное спокойствие укреплено и возвышено, где истина открыта, где ясна необходимость вечности для всякой сущности, где страшатся только одного – как бы не лишиться человеческого совершенства и справедливости, которые заключаются в том, чтобы сообразоваться с высшей и незаблуждающейся природой.

Тут сказал Мом:

– Я слышал, Юпитер, что, кто ест зайца, тот хорошеет. Не сделать ли нам так, чтобы всякий, кто вкусит от этого небесного животного – будь то мужчина или женщина, из уroda делался красавцем, из несчастного – счастливым, из какой-либо негодной вещи – приятной и милой. И да будет блаженно и чрево, и желудок, кои поглотят, переварят и вырастут насчет его!

– Да, – сказала Диана, – но я не хочу, чтобы у моего зайца погибло семя.

– Ох, я тебе скажу, – возразил Мом, – способ, посредством которого весь мир будет в состоянии его есть и пить, и при этом он не будет ни съеден, ни выпит, ни один зуб не коснется его, ни одна рука не ощупает, ни один глаз не увидит, и даже, может, не будет места, которое заключило бы его в себе.

– Об этом, – сказал Юпитер, – вы подумаете после. Теперь переходим к этой собачке, что бежит за ним следом и, хотя уже столько сотен лет хочет схватить его, но из страха, как бы не потерять основание для своей погони, никак не выберет время, чтобы по-настоящему схватить его, – и вот уже сколько времени бежит за ним с лаем позади, изображая преследование.

«– Я об этом всегда скорбел, Отче», – сказал Мом, – что эту дворняжку, которой впору гоняться за фиванской лисицей, ты вознес на небо, словно она – гончая, преследующая зайца, в то же время допустив, чтобы там внизу лисица обратилась в камень.

– Еже писах, писах! – сказал Юпитер.

«– Вот то-то и плохо», – сказал Мом. – Юпитер считает волю свою справедливостью, деяния свои – велением рока, дабы внушить, будто у него самодержавная власть, не допуская и мысли, совершенно не признавая для себя возможность совершать ошибки, что является обычным делом для прочих богов, у которых есть немножко скромности и которые порою раскаиваются, перестают и исправляются.

– Однако, – сказал Юпитер, – а что ж, по-твоему, делаем мы сейчас, ну, как думаешь ты, желающий из одного частного случая выводить общее суждение?

Мом извинился, сказав, что он выводил общее суждение относительно видов, т. е. вещей подобных между собой, а не относительно рода, т. е. не всех вещей.

Саулин. Замечание было прекрасно, ибо там, где разнородное, не может быть подобия.

София. Но далее Мом прибавил:

– Поэтому, святой Отче, так как у тебя такая власть, что ты можешь творить из земли небо, из камня – хлеб, из хлеба – некую другую вещь, наконец, можешь даже творить и то, чего нет, и даже то, что не может быть сотворено, сделай же так, чтобы искусство охотников, *id est* охота – это барское безумие, дурачество и неистовство высоких особ – стало добродетелью – религией, святостью и чтобы оказывали великую почесть тому, кто убивает, сдирает шкуру, вспарывает и разрезает дикого зверя за то, что он палач. Хотя об этом скорее следовало бы просить тебе, Диана, но тем не менее ходатайствую я, ибо уж так принято, что если нужно добиться щедрот и почестей, то чаще всего вмешивается другой, а не тот, кого это касается, идет сам себя представлять, рекомендовать и предлагать; ибо если ему откажут, то это послужит к вящему стыду, и наоборот, если даже и дадут ему то, чего добивался, то с меньшими почестями.

Юпитер ответил:

– Хотя ремесло и занятие мясника справедливо считается позорнее палачества (как вошло в обычай в некоторых частях Германии), ибо палач калечит человеческие члены, и иной раз служба справедливости, а мясник – члены несчастных животных, всегда служба разнузданной жадности, которой мало обычной естественной пищи, более подходящей к телесному составу и жизни человека (оставляя в стороне иные, более высокие основания¹²³): так быть охотником – ремесло и занятие не менее постыдное и позорное, чем ремесло мясника, ибо у лесного зверя не меньше звериного разума, чем у домашнего и полевого животного.

123. «оставляя в стороне иные более высокие основания» – другие более достойные основания против употребления мяса животных в пищу, по-видимому, внушены Бруно учением пифагорейцев о переселении душ (метемпсихозе), учением, защитником которого Ноланец не раз выступает в своих произведениях.

Все же мне думается и угодно, чтобы не обвинить и не опозорить дочь мою, Диану, приказать следующее: «Быть палачом людей да будет бесчестным делом; быть мясником, т. е. палачом домашних животных, да будет позорным делом, но быть палачом диких зверей да будет честью, добрым именем, славой!»

– Такой приказ, – вставил Мом, – скорее был бы к лицу Юпитеру, если бы он пятился назад, а не когда он остановился или пошел вперед. Я всегда удивлялся, смотря на жрецов Дианы, как они, убив лань, козочку, оленя, кабана или кого другого в этом роде, преклоняют свои колена на землю, обнажают голову, воздевают руки к небу и затем собственным палашем отрубают зверю голову; после этого, прежде чем дотронуться до других членов, вынимают сердце, и затем постепенно, как будто при богослужении, употребляя маленький ножичек, приступают к дальнейшим церемониям. Поглядите, в какой религиозной и благоговейной обстановке умеет обрядить зверя только тот один, что не подпускает к себе даже товарищей дела, предоставляя им с почтением и притворным удивлением стоять вокруг и изумляться. И так как среди прочих он один палач, то его считают точь-в-точь за высшего жреца, кому одному дозволяется входить в святая святых. Но скверно то, что с этими Актеонами¹²⁴ часто бывает так: пока они преследуют диких оленей, собственные Дианы обращают их в домашних оленей посредством магического обряда, дуя им в лицо и кропя спину водою источника, повторяя три раза:

«Si videbis feram Tu currebis cum ea;

Me, quae iam tecum eram,

Spectes in Gallilea»¹²⁵, –

или даже зачаровывая его народным заговором, таким способом:

Оставь свою горницу

И зверя преследуй;

С такой пылкой яростью

За зверем гонись,

Что сам обернись

В товарища зверю.

Аминь!

– Итак, – заключил Юпитер, – моя воля – быть Охоте добродетелью, отчасти из-за того, что сказала Изида о зверях, а более потому, что с такой ревностной бдительностью, с таким религиозным культом люди одичают, озвереют, оболенятся и освинеют. Да будет, повторяю, добродетелью постольку героической, поскольку какой-нибудь князь, преследуя лань, зайца, оленя или другую дичь, всякий раз будет думать, будто перед ним бегут неприятельские легионы, а когда поймает что-нибудь, будет вполне уверен, будто в руках его тот самый негодный князь или тиран, кого он сам больше всего трусит: отсюда не без основания пусть проделывает все эти прекрасные церемонии, воздает горячие благодарности и воздымает к небу прекрасные и священные пустяки.

Хорошо распорядились с местом охотничьей Собаки, а самое ее не худо бы отослать на Корсику или в Англию. Да наследует ей Проповедь правды, Тираноубийство, Любовь к родине и родному быту, Бодрствование, Охрана и Забота о республике.

Что ж сделаем с Песиком¹²⁶?

124. Актеон – сын Кадма; будучи на охоте, случайно увидел купающуюся Диану (Артемиду); превращен разгневанной богиней в оленя и разорван собственными собаками.

125. «Si videbis feram...» – дословный перевод:

Если дичь увидишь,

Побежишь за нею;

Меня, что с тобою была,

Узришь в Галилее.

Это одна из магических заклинательных формул, так распространенных в Средние века.

126. «Что ж сделаем с Песиком?» – здесь говорится о созвездии Малого Пса; согласно звездной мифологии древних, это – Маера, собачка афинянина Икара, отца Ериго-ны. Икар очень любезно принял у себя в доме Диониса (Вакха). Дионис в благодарность подарил ему виноградную лозу и сообщил ему.

Тогда поднялась нежная Венера и попросила его у богов в подарок для времяпрепровождения себе и своим барышням: пусть в свободные часы он забавляется у них на груди и забавляет их своею лстивостью, своими поцелуями и милым помахиванием хвостика.

– Хорошо, – сказал Юпитер, – но знай, дочь, я желаю, чтобы вместе с ним ушли Угодливость и Лесть, а на этом месте были Хозяйственность, Вежливость, Скрамность, Благодарность, простодушное Повиновение и любезная Услужливость.

– Делайте, – ответила прекрасная богиня, – в остальном, как вам угодно, ибо без таких песиков никак нельзя жить счастливо при дворе, все равно как там нельзя продержаться доблестно без тех добродетелей, о которых ты упомянул...

И не успела закрыть свои уста богиня Пафоса, как отверзла свои уста Минерва и сказала:

– Ну, а для чего предназначите вы мое прекрасное произведение, этот странствующий дворец, этот движущийся чертог, эту лавку и этого дикого зверя, настоящего кита, который проглоченные им живые и мертвые тела изрыгает на самые дальние берега противолежащих, противоположных и различных краев моря?

– Пусть убирается, – ответили многие боги, – вместе с отвратительной Скупостью, позорной и опрометчивой Торговлей, отчаянным Пиратством, Грабежом, Обманом, Ростовщичеством и с прочими преступными рабынями, служанками и домохадцами. А там пусть воссядут Щедрость, Благотворительность, Благородство духа, Обходительность, Услуга и прочие достойные служители и рабы их.

– Нужно, – сказала Минерва, – уступить его и отдать кому-нибудь в собственность.

– Распоряжайся с ним по своему желанию, – прибавил Юпитер.

– Тогда, – сказала Минерва, – пусть послужит какому-нибудь предприимчивому португальцу или любознательному и алчному англичанину: пусть они отправляются на нем открывать новые земли и новые местности по направлению к Западной Индии, которых еще не открыл остроумный генуэзец, и где еще не бывало нового упорного и суетливого испанца¹²⁷, – и с тех пор на будущее время постоянно служит пусть самому любознательному, предприимчивому и деятельному исследователю новых материков и земель.

Не успела закончить своей речи Минерва, как послышался печальный, неподатливый и меланхолический голос Сатурна:

– По-моему, о боги, среди оставленных здесь на небе Осликов, Козерога и Девы как раз место и этой Гидре – древнему и великому змию, который вполне заслуживает небесного отечества, как избавивший нас от посрамления смелым и любознательным Прометеем, менее дорожившим нашей славой, чем своей страстной любовью к людям, коих он хотел, одарив преимуществами и привилегией бессмертия, вполне уподобить нам и уравнивать с нами. Это был мудрый и проницательный зверь, благоразумный, хитрый, пронырливый, лукавый, коварный больше кого-либо из всех зверей, рожденных землею. Когда Прометей прельстил моего сына, а вашего брата и отца, Юпитера – дать ему козий мех или бочонки, наполненные вечной жизнью, то, взяв осла, навьючил свою добычу на этого зверя, чтобы доставить ее в страну людей. Осла, который шел немного впереди своего погонщика, жгло солнце, палил зной, томила усталость до того, что ему казалось, будто легкие у него ссыхаются от жажды. Змий поманил осла к источнику.

Искусство делать вино. Но когда Икар отправился по всей стране в целях распространить виноградную культуру, был убит дикими пастухами. Дочь его, Еригона, отправилась на поиски за ним и была приведена на могилу отца его верной собакой Маерой. Еригона повесилась на дереве, которое отеняло могилу, а Маера умерла на могиле. Икар (Боотес или Волопас) вместе со своею Чашей, Еригоной (Дева) и Маерой (Собачкой или Малым Псом) были в честь Диониса-Вакха вознесены на небо. (Hygin. Astr. II).

127. «предприимчивому португальцу... суетливого испанца» - намек на путешествия для открытия и завоевания новых земель португальцев, англичан, генуэзцев и испанцев в XV и XVI вв.

Там вследствие того, что источник немного пересох и обмелел, так что вода на две или три пяди была ниже поверхности земли, ослу пришлось нагнуться и, чтоб прикоснуться губами к воде, так наклониться, что бочонки попадали со спины, бурдюки лопнули, вечная жизнь пролилась по земле и вся затерялась в том болоте, которое короной зелени окружало источник. Змий искусно собрал для себя несколько капелек; Прометей был посрамлен; люди остались при печальном условии смерти; а осел – вечное посмешище и враг людей – был осужден человеческим родом, с позволения Юпитера, на вечный изнурительный труд и мучения, к самой скверной, какую только можно найти, пище, к грошовому содержанию и щедрым побоям. Таким образом, о боги, только благодаря Змию, люди ценят кое-как наши дела: ибо, как видите сами, если даже и теперь, будучи смертными, зная свою слабость и то, что не миновать им наших рук, они все же презируют нас и глумятся над нашими делами, обращаясь с нами, как с обезьянами и мартышками, то что они выделявали бы, если б были, как и мы, бессмертны?

«– Очень хорошо решил Сатурн», – сказал Юпитер.

– Пусть, стало быть, останется! – согласились все боги.

– Но пусть уйдут прочь, – прибавил Юпитер, – Зависть, Злословие, Лукавство, Ложь, Обида, Спор и Несогласие, а противоположные добродетели останутся со змеиной Мудростью и Осторожностью.

– Не потерплю здесь и этого Ворона. Поэтому пусть Аполлон уберет своего пророка, хорошего слугу, своего ретивого посланника, деятельного вестника и почтальона, который так прекрасно исполнил поручение богов, что они чуть не замучились от жажды в ожидании его прилежных услуг.

– Если он хочет царствовать, – сказал Аполлон, – пусть отправляется в Англию, где найдет таких, как он, целые тысячи. Если же хочет пустынножительства, пусть летит на Монтекорвино около Салерно. Если ему хочется туда, где много фиг, пусть идет в Фигонию, т. е. туда, где Лигурийское море омывает побережье от Ниццы до Генуи. Если жадность влечет его к трупам, пусть отправляется на жительство в Кампанию или же на большую дорогу от Рима к Неаполю¹²⁸. Там четвертовано столько разбойников, что на каждом шагу у него будут дешевые и великолепные пиры со свежим мясом, лучшим, чем можно найти где-либо в другой части света.

Юпитер прибавил:

– Да снизойдут вместе вниз Гнусность, Насмешка, Презрение, Болтовня, Обман, а на их место взойдут Магия, Пророчество¹²⁹ и всякое Отгадывание и Прорицание, по своим плодам признанные добрыми и полезными.

С а у л и н . Я хотел бы узнать твое мнение, София, насчет мифа о Коршуне, каковой миф прежде всего был измышлен и изображен в Египте, а затем в форме истории взят у них евреями, вместе с коими это знание перекочевало из Вавилона и – в форме басни – заимствовано теми, кто занимался поэзией в Греции. Дело в том, что евреи рассказывают о Вороне, посланном из ковчега человеком по имени Ной посмотреть, высохли ли воды после того, как люди так перепились, что лопнули. И это животное, охваченное жадностью к трупам, осталось, вовсе не возвратившись из своего посольства и службы. Это, по-видимому, вполне противоречит тому, что рассказывают египтяне и греки, будто Ворон был послан с неба богом, которого они звали Аполлоном, посмотреть, нет ли где воды, в то самое время, когда боги почти что умирали от жажды.

128. «Если жадность влечет его к трупам, пусть отправляется на жительство в Кампанию или же на большую дорогу от Рима к Неаполю» – в те времена эта местность славилась разбойничьими шайками, которые постоянно образовывались здесь и брали зачастую на себя национальную задачу борьбы с испанским владычеством.

129. а на их место взойдут Магия, Пророчество...» – ворон и в северной мифологии был символом пророчества (ворон Одина)

И это животное, охваченное жадностью к фигам, пропадало долго и, наконец, вернулось слишком поздно, не принеся воды и – думаю – потеряв сосуд.

София. Не хочу сейчас очень распространяться, объясняя этот вещий миф. Скажу только одно: сказания египтян и евреев целиком относятся к одному и тому же мифу. Ибо сказать, что Ворон был отправлен из ковчега, который возвышался на десять локтей над самой высокой горой земли, и что он отправился с неба – по-моему, почти одно и то же. И что люди, которые находятся в таком месте и краю, называются богами, мне не показалось бы слишком странным, ибо, так как они небожители, то им очень легко стать богами. А то, что одни называют первого человека Ноем, другие Аполлоном, так это совсем легко согласовать, ведь различные наименования сводятся к одной и той же обязанности – возродить, тем более, что *sol et homo generant hominem* – солнце и человек производят человека.

А что событие произошло, с одной стороны, когда люди выпили слишком много, с другой, когда боги умирали от жажды, – это, конечно, одно и то же: ибо когда разверзлись небесные хляби, и разорвались вместилища тверди, то необходимо пришлось земнородным много пить, а небожителям умирать от жажды.

Что Ворон остался, заманившись и прельстившись фигами, и что он же был увлечен жадностью к трупам, конечно, сойдет за одно, если ты поразмыслишь над толкованием того Иосифа, который умел объяснять сны. Ведь хлебодару Путифару (который заявил, что ему приснилось, будто он нес на голове корзину фиг, а птицы прилетали и клевали из нее) Иосиф предсказал, что его повесят, а мясо его пожрут вороны и коршуны. Что Ворон возвратился, но поздно и ничего не сумев сделать, – одно и то же не только с рассказом, что он совсем не вернулся, но даже, что его вовсе никогда не посылали и не отправляли. Ибо не идет, не делает, не возвращается тот, кто идет, делает и возвращается впустую. И мы обычно говорим приходящим поздно и попусту, даже если они и приносят что-нибудь:

Ты, брат мой, и не возвратился;

Я думал видеться с тобой еще в Лукке.

Вот, значит, Саулин, как египетские мифы могут быть для одних историей, для других – сказками, для третьих – символическими чувствованиями.

Саулин. Это твое согласование текстов, если меня и не удовлетворяет, то почти что удовлетворяет. Но теперь продолжи главную историю.

София. Ну, что ж сделать с Чашей? – спросил Меркурий.

– Что будет с кружкой?

– Отдадим, – сказал Мом, – ее самому рьяному питоку, какого только вырастила верхняя и нижняя Германия, где Обжорство возвышено, разукрашено, почитаемо и славимо среди героических добродетелей, а Пьянство сопричислено к божественным свойствам: где [с пей и выпей, *bibe et rebibe, ructa reructa, cespita recespita, vomì revomì usgue ad egurgitationem utriusque iuris id est супа, яиц, мозга, души и сосисок videbitur porcus porcorum in gloria Ciacchi.*]

Пусть уйдет вместе с Чашей Пьянство, которое, не видите ли вы там, в немецком платье с парюю таких длинных громадных шароваров, что они походят скорее на кадушку нищенствующего аббата святого Антония.

Смотрите, как оно идет медведем, наталкиваясь на что-нибудь то одним боком, то другим, сейчас кормой, сейчас носом, так что нет ни утеса, ни камня, куста иль канавы, которым бы оно не заплатило дани. Обратите внимание на его преданнейших товарищей, которые с ним: Переполнение, Несварение, Сонливость, Дрожь, Мямленье, Шепелявенье, Бледность, Бред, Отрыжка, Тошнота, Рвота, Испражнение и прочие последователи, слуги и свита.

А так как уже не может идти, то – смотрите – вот взбирается на свою триумфальную колесницу¹³⁰, в которую впряжено множество добрых, мудрых и почитаемых личностей, из коих наиболее прославлены и знамениты – Ной, Лот, Киакконе, Витанцано, Цукавинья и Силен¹³¹. Прапорщик Цампальон несет знамя из scarлата, на котором нарисованы красками два скворца, и влекут дышло с прелестною легкостью четыре пышных и славных свиньи: белая, красная, пестрая и черная; из них первая прозвищем Обжора, вторая – Пьяница, третья – Толстуха, четвертая – Жаднуха.

Но об этом я расскажу тебе по-настоящему в другой раз. Посмотрим теперь, что было после того, как Юпитер приказал заступить это место Воздержанию и Умеренности с их свитой и слугами, о которых ты услышишь, ибо пора рассказать о центавре Хироне, по поводу которого, когда до него дошла очередь, старик Сатурн сказал Юпитеру:

– Так как ты видишь, сын и господин мой, что солнце на закате, то, пожалуйста, управься поскорее с остальными четырьмя.

А Мом заметил:

– Что ж сделать нам с этим человеком, привитым к зверю, или с этим зверем, привитым к человеку, в нем одно лицо – из двух природ, и два естества сливаются в одно ипостасное единство. Тут две вещи соединяются и творят третью единую, и в этом нет никакого сомнения. Но вот в чем трудность: есть ли таковое третье единство лучшая вещь, чем та и другая порознь, и не есть ли это что-нибудь вроде одной из первых двух, или же поистине – хуже их. Хочу сказать, если присоединить к человеческому естеству лошадиное, то произойдет ли нечто божественное, достойное небесного седалища, или же зверь, коему место в стаде или стойле. Наконец, пусть здесь было высказано, сколько хотелось, Изидою, Юпитером и прочими о превосходстве звериного естества и о том, что человеку, дабы стать божественным, необходимо иметь кое-что звериное в себе, так что, если он тщится показать себя высоко божественным, пусть озаботится обнаружить себя до известной степени зверем: все же я никогда не поверю, будто там, где нет полного и совершенного человека, ни полного и совершенного зверя, но есть только частички зверя с частичкою человека, выйдет лучше, чем там, где кусок шаровар с куском камзола, откуда не получишь ни за что ни хорошего камзола, ни хороших шаровар, ни тем более одежды, которая была бы лучше и той, и других.

– Мом! Мом! – возразил Юпитер. – Тайна сей вещи сокровенна и велика, и ты не можешь ее понять: твое дело только верить в нее, как нечто великое и возвышенное.

«– Знаю хорошо», – сказал Мом, – что это – такая вещь, которую не понять ни мне, ни тем, у кого есть хоть крупица ума; но что я – бог, или другой кто, у кого мысли хотя бы с просяное зерно, – должен этому верить, желал бы я, чтобы прежде всех ты сам меня каким-нибудь способом заставил в это поверить.

– Мом, – сказал Юпитер, – ты не должен хотеть знать больше, чем тебе нужно, и поверь мне, этого тебе не следует знать!

– Вот, значит, – возразил Мом, – что надо знать и что я назло себе узнаю, а для удовольствия Юпитера буду этому верить, будто один рукав и одна штанина стоят больше пары рукавов и пары штанин и даже гораздо более; будто один человек не человек, один зверь – не зверь, половина человека не полчеловека, и половина зверя не ползверя; будто получеловек и полузверь не только человек несовершенный и зверь несовершенный, но настоящее божество, достойный почитания *pura mente*...

130. «взбирается на свою триумфальную колесницу» – пародия дантовской триумфальной колесницы. (Purg. XXIX).

131. Ной, Лот, Киакконе, Витанцано, Цукавинья и Силен – все более или менее знаменитые пьяницы. О Ное сказано в книге Бытия, гл.9, ст.20 и след. О лоте, напоенном дочерьми, – в гл. 19, ст.32 и сл. Чиакконе – большая свинья. Витанцано и Цукавинья – пьяницы. Силен – товарищ Вакха.

Тут боги затормозили Юпитера, чтоб он поторопился и скорее рассудил Центавра своей волей. Поэтому Юпитер, приказав помолчать Мому, сделал такое постановление:

– Хотя я и сам наговорил кое-что против Хирона, но теперь беру свои слова назад и заявляю, что так как центавр Хирон – справедливейший человек, который одно время обитал на горе Пелии, где научил Эскулапа медицине, Геркулеса астрологии и Ахиллеса игре на цитре, исцелял больных, показывал путь к звездам, и как прилаживать струны к дереву и как ими владеть, то он, по-моему, достоин неба. И потому еще я считаю его достойнейшим, что в этом небесном храме, у этого алтаря, где предстоит он, нет другого жреца, кроме него: вот он, как видите, с жертвенным зверем в руках и с чашей для возлияния вина, которая висит у него на поясе. А так как алтарь, жертвенник, молитва – все это необходимо и все это без священника было бы ни к чему, то да останется он там, живет и пребывает вечно, если судьба не рассудит иначе.

Тут прибавил Мом:

– Достоин и мудро решил ты, Юпитер, дабы он стал жрецом при небесном алтаре и храме, ибо если когда-нибудь издержится зверь, что у него на руках, то не будет нехватки в звере: он сам и одновременно может служить и жертвоприношителем и жертвой, т. е. жрецом и зверем.

– Ну, хорошо, – согласился Юпитер, – значит, прочь с этого места Зверство, Невежество, вредное и опасное Сказание. С Центавром же пусть останутся правдивая Простота, нравственное Сказание. А оттуда, где Алтарь, да идут прочь Суеверие, Неверие, Не благочестие, пребудет же там не тщетная Религия, не глупая Вера, но истинное и искреннее Благочестие.

Тут предложил Аполлон:

– Что будет с этой Тиарой? Кому предназначается эта Корона? Что нам с ней сделать?

– Это, – сказал Юпитер, – та самая Корона, которая не без высшего предопределения судьбы, не без внушения божественного духа и не без величайшей заслуги ожидает непобедимейшего Генриха Третьего¹³², короля великодушной, могущественной и воинственной Франции. После французской короны и польской – сия обещается ему, как он засвидетельствовал сам в начале царствования, когда выбрал свой столь знаменитый герб, на коем изображены были две короны внизу и третья прекрасная вверху, душой какового герба как бы была надпись:

Tertia coelo manet – Третья ждет на небе!

132. Генрих III – последний из династии Валуа; уже молодым принцем отличался своим умом и храбростью. За эти свои доблести он был избран польским королем. Он был в Кракове, когда смерть брата заставила его явиться во Францию и получить французскую корону, избрав себе девизом: *Tertia coelo manet* – Ждет третья на небе. Бруно жил в Париже с начала 1581 г. до июня 1583 г.; он близко познакомился с Генрихом III и пользовался его расположением. «Я прочел как-то, – рассказывает сам Бруно на допросе Венецианской инквизиции 30 мая 1592 г., – изумительную лекцию и сразу приобрел себе такое имя, что король Генрих пригласил меня к себе и начал расспрашивать меня, природная ли у меня память, какою я владею и учу других, или она приобретена мною каким-либо магическим искусством. Я удовлетворил его любопытство, и из моих слов, да и по опыту, произведенному мною, он убедился, что знание, а не тайное искусство одарили меня. После этой беседы я принялся печатать книгу о памяти под заглавием «*De umbris idearum*» (Тени дней). Ее я посвятил его величеству. Он стал моим благосклонным и редкостным читателем; а я продолжал читать в этом городе, как я уже и говорил, почти пять лет, и только вследствие поднявшихся потом беспорядков я взял отпуск и с письмами короля отправился в Англию вместе с послом его величества, синьором Мовиссие, именем Кастельново». (Berti, Vita di G. B.).

У этого самого Мовиссие в доме писал Бруно свое «Изгнание».

«Генрих был любитель наук и искусств, в особенности увлекался поэзией и красноречием, оказывая в ораторском искусстве удивительные успехи», – так писали о Генрихе III венецианские послы.

Уже одного этого достаточно, чтобы объяснить щедрые похвалы Бруно французскому королю, который вряд ли был достоин их. Это было личное уважение Бруно, подкрепленное признательностью – чувством, очень сильно развитым у Джордано Бруно.

Этот христианнейший король, конечно, вполне мог сказать: «Третья ждет на небе», ибо очень хорошо знает, что написано: Блаженны миротворцы, блаженны кроткие, блаженны чистые сердцем, ибо таковых есть Царство Небесное!

Любит мир, сохраняет по возможности свой любимый народ в спокойствии и преданности; ему не нравится шум, треск и грохот военных орудий, приспособленных к слепому захвату неустойчивых тираний и княжеств земли, но по сердцу всякая правда и святость, указывающая прямую дорогу к вечному царствию. Пусть те из его подданных, у кого буйный, дерзкий, мятущийся дух, не надеются, покуда он живет (подчиняя воинское неистовство спокойствию своей души), найти в нем поддержку и идти в поход смущать мир других стран под предлогом присоединения новых скипетров и новых корон – все это будет тщетно, ибо «третья ждет на небе».

Тщетно против его воли пойдут мятежные французские войска беспокоить чужие земли и границы, ибо ни предположения неустойчивых советов, ни надежда на крылатое счастье, ни заманчивость чужестранных воеводств и кормлений, которые обещают одеть его в новые мантии и почтить новыми коронами – все это не в состоянии отнять у него (разве только силой необходимости) благословенную заботу о спокойствии духа, скорее щедрого на свое, чем жадного на чужое. Пусть же посягают одни на свободное Лузитанское королевство, другие пускай хлопочут из-за власти над Бельгией. Зачем вы ломаете себе голову и изнуряете ум? Почему подозреваете и боитесь вы, князья и короли, что он возьмется укрощать вашу силу и похищать у вас ваши собственные короны? *Tertia coelo manet!*

Да останется же, – заключил Юпитер, – Корона и ожидает того, кто будет достоин великолепного обладания ею. А здесь, кроме того, пусть имеют свой трон Победа, Вознаграждение, Награда, Совершенство, Честь и Слава, кои если и не добродетели, то цель их.

Саулин. Что на это сказали боги?

София. Во всем Совете не нашлось никого – ни великого, ни малого, ни наибольшего, ни наименьшего, ни мужчины, ни женщины, ни одного, ни другого сорта, кто бы всячески, и голосом, и жестами, вполне не одобрил бы мудрейшего и справедливейшего решения Юпитера. Тогда-то, весь просияв от радости, Громовержец поднялся на ноги и, простирая десницу к астральной Рыбе, о которой только и не было еще сделано постановления, сказал: – Скорее возьмите оттуда эту Рыбу и оставьте там только ее изображение. Ее же самое пусть возьмет наш повар и сейчас же свежее-на свежее приготовит для нашей вечера, частью на сковородке, частью под соусом, частью с кислым виноградным соком или с иной какой приправкой, как кому по вкусу и нраву, заправив римской солью. Да поживей, ибо от усиленной работы я умираю с голода, думаю, и вы все тоже: к тому же, по-моему, было бы не совсем прилично, если бы это Очищение Неба не принесло нам никакой выгоды.

– Хорошо! Хорошо! Очень хорошо! – закричали в ответ все боги. – Да будут же там Здоровье, Безопасность, Польза, Радость, Отдых и высшее Наслаждение, кои рождаются от награды за добродетели и вознаграждения за труд и занятия!

И с этим, по-праздничному настроенные, вышли из конклава, очистив пространство по ту сторону Зодиака, содержащее триста шестнадцать обозначаемых звезд.

Саулин. Ну, и я пойду к своей вечере.

София. А я удаляюсь на ночные созерцания.

Конец третьего диалога

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Перечень произведений Джордано Бруно

A. Произведения, утраченные или не найденные до сих пор

1. L'Area di Noe – Ноев Ковчег. 1570-1571 гг. (?).
2. Poeta – Поэма (?).
3. De sphaera – О сфере. 1576 г. (?).
4. De' segni dei tempi – О знамениях времен. 1576 г.
5. De anima – О душе. 1577-1578 гг.
6. Clavis magna – Ключ велий. 1578-1579 гг.
7. Il purgatorio del' inferno – Адское Чистилище. 1582 г.
8. Templum Mnemosynis – Храм Мнемозины.
9. De multiplici mundi vita – О многообразной жизни мира.
10. De naturae gestibus – О деяниях природы.
11. De principii veri – Об истинном начале.
12. De Astrologia – Об астрологии.
13. De rerum imaginibus – Об образах вещей.
14. Dei predicamenti di Dio – О наименованиях Божиих (Может, хранится еще в ватиканских архивах).
15. Le sette arti liberali – Семь свободных искусств (то же).

В. Произведения, написанные Бруно на итальянском языке

1. Il Candelaio – Свотильник. Впервые напечатано в Париже в 1582 г.
2. Cena de le ceneri – Великопостная Вечеря. Впервые напечатано в Лондоне в 1584 г.
3. Диалоги De la causa, principio e uno – О причине, начале и едином. Впервые напечатаны в Лондоне в 1584 г.
4. De l'infinito universe» e mondi – О бесконечной вселенной и мирах. Впервые напечатано в Лондоне в 1584 г.
5. Spaccio della bestia trionfante – Изгнание Торжествующего Зверя. Впервые напечатано в Лондоне в 1584 г.
6. De gli eroici furori – О героическом энтузиазме. Впервые напечатано в Лондоне в 1585 г.
7. Cabala del cavallo pegaseo con l'aggiunta de l'Asino Cillenico – Каббала Пегасского коня и Килленский осел. Впервые напечатано в Лондоне в 1585 г.

Лучшее издание итальянских произведений Бруно в двух томах в Библиотеке классиков современной философии (Classici della filosofia moderna) под редакцией и с примечаниями Джованни Джентиле. Giordano Bruno. Opere italiane. Dialoghi Metafisici. Bari. 1907 г. I и II Dialoghi morali. Bari. 1908 г.

С. Произведения, написанные Бруно на латинском языке

1. De Umbris idearum – Тени идей. Напечатано в Париже в 1582 г.
2. Ars memoriae et Cantus Circaeus – Искусство памяти и волшебное пение Цирцеи. Напечатано в Париже в 1582 г.
3. Compendiosa architectura et complemento artis Lullii – Краткое построение и дополнение Луллианова искусства. Напечатано в Париже в 1582 г.
4. Recens et completa Ars reminiscendi – Новейшее и полное искусство запоминания. Это произведение представляет собой лондонскую перепечатку Ars Memoriae et Cantus Circaeus.
5. Explicatio triginta sigillorum – Изъяснение тридцати печатей.
6. Sigillus Sigillorum – Печать печатей. Два последних напечатаны в Лондоне, по всей вероятности, в 1583 г.
7. Figuratio Physici auditus Aristotelis.
8. Dialogi duo de F.Mordentis... propedivina ad nventionem ad perfectam cosmimetriae praxim.
9. Centum et viginti articuli de Natura et Mundo adversus Peripateticos – Сто двадцать статей о Природе и Море против перипатетиков. Напечатаны в Париже в 1586 г.
10. De lampade combinatoria lulliana – Луллианова лампада. Напечатано в Виттемберге в 1587 г., а затем перепечатано в Праге в 1588 г.
11. De Progressu et lampade venatoria logicorum – О движении вперед. Напечатано в Виттемберге в 1587 г.
12. Aerotismus Samaracensis. Это перепечатка (в Виттемберге в 1588 г.) ста тридцати статей о Природе.
13. Oratio valedictoria – Прощальная речь. Напечатана в Виттемберге в 1588 г.
14. Articuli centum et sexaginta adversus hujus tempestatis mathematicos atque philosophos – 160 статей против математиков. Напечатано в Праге в 1588 г.
15. De specierum Serutinio. Напечатано в Праге в 1588 г.
16. Oratio consolatoria – Слово утешения. Напечатано в Гельмштедте в 1589 г.
17. De imaginum, signorum et idearum compositione – О сочетании образов, символов и представлений. Напечатано во Франкфурте в 1591 г. Три латинские поэмы:
18. De triplici minimo et mensura – О тройке наименьшей величине и об измерении.
19. De Monade, numero et figura – О монаде, числе и фигуре.
20. De immenso et innumerabilibus – О необъятном и неисчислимом. Все три напечатаны во Франкфурте в 1591 г.
21. Summa terminorum metaphysicorum – Словарь метафизических терминов. Был составлен в Цюрихе, в 1591 г., а напечатан под редакцией некоего Эглина там же в 1595 г., а затем в 1609 г. перепечатан в Марбурге.
22. Artificium perorandi – Искусство убеждать. Написано в Виттемберге в 1587 г. и напечатано в 1612 г. во Франкфурте как посмертное произведение.

D. Латинские произведения, оставшиеся неизданными вплоть до последнего времени

1. Animadversiones circa lampadem lullianam – Замечания на Луллианову лампаду. Написано в 1587 г.
2. Lampas triginta statuarum – Лампада у тридцати статуй.
3. Libri physicorum Aristotelis explanati – Изложение книг Аристотеля о физике.
4. De Magia et Theses de Magia – Магия и магические положения.
5. De magia mathematica – О математической магии.
6. De principiis rerum, elementis et causis – О началах вещей, элементах и причинах.
7. Medicina Lulliana – Луллианова медицина.
8. De vinculis in genere.

Полное итальянское издание латинских сочинений Джордано Бруно было предпринято в Италии в 1878 г. по распоряжению министра народного просвещения и на государственный счет.

Издание вышло под таким заголовком: Giordano Bruno Nolano. Opera latina conscripta, in tre volumi. – Napoli. 1879-1884 гг. – Firenze 1889-1891 гг.

В третьем томе были помещены не издававшиеся до сих пор работы Бруно (те, что отмечены здесь под литерой D).

Редакцией этого издания заведовали Ф. Флорентино и проф. Ф. Токко и Вителли.

II Краткая библиография о Джордано Бруно

XVII век

- Brengger – Письмо Кеплеру от 7 марта 1608 г., в *Opus. omni. Ioh. Kepler* т. II, с. 592, изд. Frisch. 1857 г.
- Ioh. Kepler – Письмо Кеплера к Галилею от 19 апреля 1600 г. – *Le op. di G. Galileo*, т. III, с. 106, 118-120, 123; т. X, с. 321-335, 338, 339.
- G. S h o p p – *Commerci epistolaris Uffenbachiani selecta*, 1611 г.
- G. C. Van in i – *Amphiteatrum aeternae Providentiae* – p. 359, Lugduni, 1615 г.
- I. Campanella – *Apologia pro Galilaeo* – p. 56, Francoforte, 1620 г.
- Fr. Bacon – *Historia naturalis et experimental* – в *Philosoph. Works*, изд. Ellis. Spedding and Duglas, Lond. 1858 г.

XVIII век

- Ioh. Toland – *Collection of several pieces, with some memoir of his life and writing*. London, Recl, 1720 г., v. I. p. 304-359.
- I. F. Reimann – *Historia universalis atheismi et athe orum falso et merito suspectorum*, с 374 и след., Halle, 1728 г.
- W. F. Leibnitz – *Opera omnia*, т. V, p. 369, 384, 393, 402; т. VI, p. 294; ed. Dutens, Genevae, 1768 г.
- F. J a k o b i – *Briefe uber die Lehre des Spinoza*, Breslau, 1789 г.
- D. Tiedemann – *Geist der speculativen Philosophic*, v. V. Marburgo, 1791 г.

XIX и XX века

- F. Schelling – *Bruno oder uber das gottlich und naturlich Princip der Ding*, 1802 г.
- Rixnerund Siber – *Leben und Lehrmeinungen berühmter Physiker am Ende d. XVI und am Anfange d. XVII Jahrhunderts*, с портретом Джордано Бруно, воспроизведенным впервые. Sulzbach, Seidel, 1824 г.
- V. Cousin – *Histoire generale de la philosophie*. Paris, 1827 г. Есть русский перевод.
- Feuerbach – *Geschichte d. neuern Philosophie von Baco bis Spinoza*, Amburgo, 1833 г.
- G. Hegel – *Geschichte der Philosophic*, вт. часть, с. 227 и след., Berlin, 1836 г.
- Cr. Bartholmess – *I. Bruno*. Paris, 1846-1847 гг.
- M. Carriere – *Die philosophische Weltanschauung der Reformationzeit*, 2-ое изд. Leipzig, 1887 г.
- B. Spaventa – *La vie di I. Bruno*. *Bibliothèque universale et Revue suisse*, 1847 г.
- B. Spaventa – *Il concetto dell'infinita di G. Bruno*. Torino, 1853 г.
- *Dell'amore dell'eterno e del divino di G. Bruno* – *Riv. Encycl. ital.* 1854 г.
- F. Fiorentino – *Il panteismo di G. Bruno*. Napoli, 1861 г.
- D. Berti – *Vita di G. Bruno da Nola*. 1868 г.
- G. H. Lewes – *The history of philosophy*. London. 1871 г. Есть русский перевод.
- Duhring – *Critische Geschichte d. Philosophic*, с 344 и след., Berlin, 1873 г.
- Brunnhofer – *G. Bruno's Weltanschauung*. Leibzig. 1882 г.
- G. Bovio – *Scritti politici e filosofici* – с 165 и след., Napoli, 1883 г.
- Lutoslawsky – описал неизданные произведения Д. Бруно московского кодекса в *Arch, fur Gesch. d. Philos.*, II, p. 526-571, 1889 г.
- G. Bovio – *Речь при открытии памятника Бруно на Campo dei Fiori*, 9 июня 1889 г.
- D. Berti – *Documenti intorno a G. Bruno da Nola*. Roma, 1889 г.
- T. Tocco – *Le fonti piu recenti della filosofia del Bruno*. 1892 г.
- G. B. Grassi Bertazzi – *Monismo psicologico*. Monaco, 1894 г.
- I. Lewis Me. Intyre – *G. Bruno*. London. 1903 г.
- G. Gentile – *G. Bruno nella storia della cultura*. 1907 г.
- V. Spampanato – *Lo Spaccio de la bestia trionfante*. Portici. 1907 г.

F. Tocco – Sulle otto proposizioni eretiche attribuite a G. B., *Archiv. fur Gesch. d. Philos.* IV, p. 348-350.

F. Fiorentino – Studi e ritratti della Rinascenza. Bari. 1911 r.

III

Библиография на русском языке

А. Н. Веселовский – Джордано Бруно. Биографический очерк. «Вестник Евр.», декабрь 1871 г.

Н. Я. Грот – Джордано Бруно и пантеизм. Философский очерк. Одесса. 1885 г.

– Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно. Одесса. 1885 г.

Чуйко – Джордано Бруно. «Труд». 1889 г., № 13.

М. Д. М-в – Философские воззрения Д. Бруно. «Прав. Обозр.», 1887 г., кн. 5 и 6.

Лучицкий. Козлов – Джордано Бруно. 1885 г.

Ю. М. Антоновский – Джордано Бруно, его жизнь и научно-философская деятельность, в изд. Ф. Павленкова с портретом Бруно. СПб. 1891 г.

Н. И. Стороженко – Джордано Бруно, как поэт, сатирик и драматург. «Газета Гатцука», 1885 г., № 7.

ДЖОРДАНО БРУНО ИЗГНАНИЕ ТОРЖЕСТВУЮЩЕГО ЗВЕРЯ

Перевод с итальянского, вступление и примечания Алексея Золотарева

В оформлении книги использованы фрагменты гравюр А. Дюрера

Ответственный редактор *Е. П. Никитина*

Редактор *О. Н. Прокофьева*

Художник *Т. Е. Добровинская-Владимирова*

Корректор *О. Н. Зызлаева*

В произведении «Изгнание Торжествующего Зверя» наиболее ярко отразился духовный облик Джордано Бруно. Здесь всего свободнее и полнее сказалась горячая проповедническая натура Ноланца, а в драматическом изложении Диалогов естественнее всего вылилась проповедь новой религии человечества, проповедь, поставившая Бруно на исторической грани как творца и вдохновителя новой философии и культуры.

Через мифологический сюжет Бруно высмеивает ничтожество моральных основ современного ему общества. Великий Юпитер задумал коренные преобразования, он говорит о необходимости совершенствования духа. «Победа над собственными страстями, которые издавна тиранят нас и помыкают нами, славнее победы над гигантами!.. Пусть установится новый праздник – праздник Очищения Неба и Изгнания Торжествующего Зверя, олицетворяющего пороки».

Небо, которое нуждается в очищении, – внутри нас.